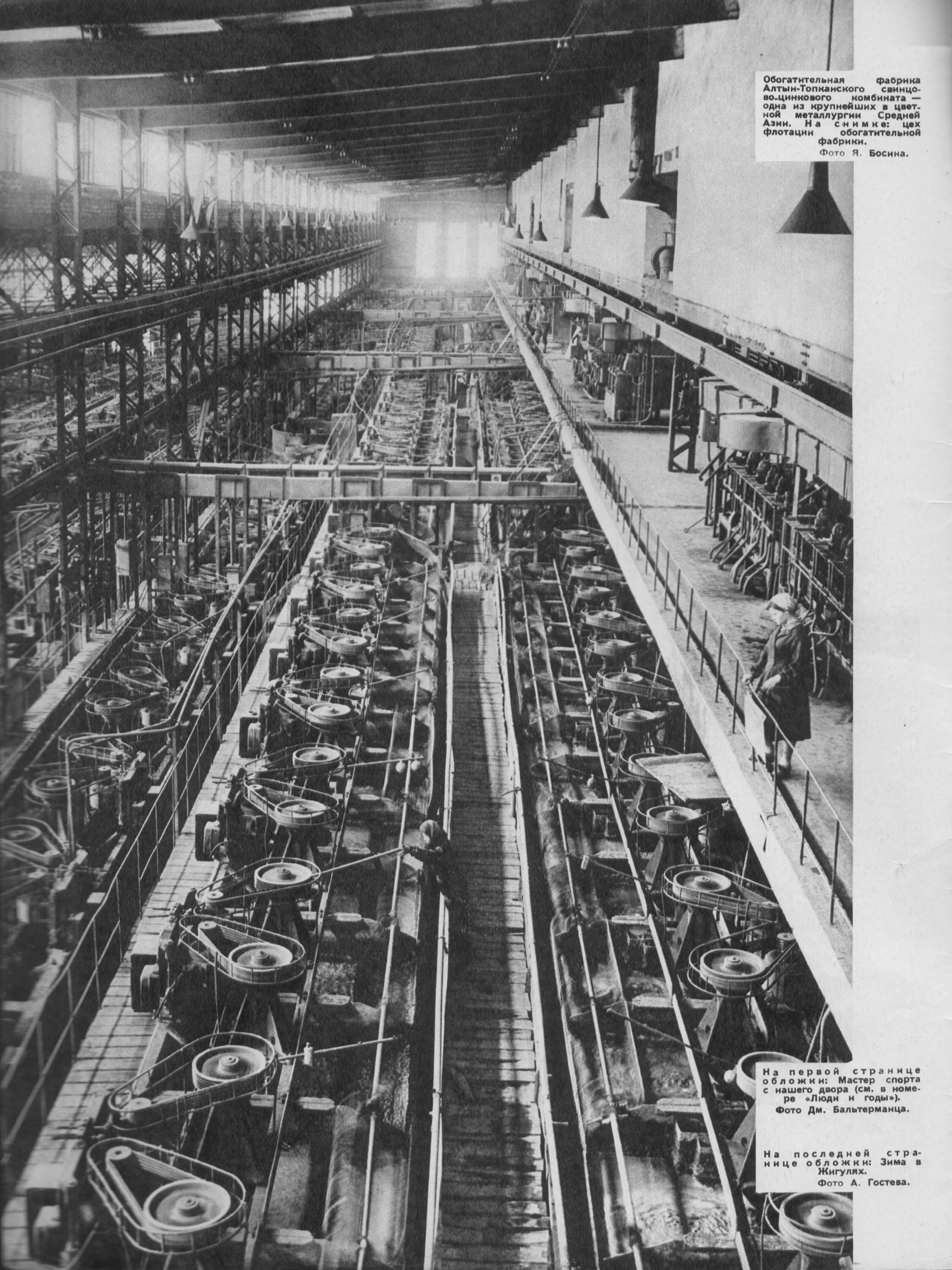

159
ОГОНЁК
№ 5 ЯНВАРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Обогатительная фабрика Алтын-Топканского свинцово-цинкового комбината — одна из крупнейших в цветной металлургии Средней Азии. На снимке: цех флотации обогатительной фабрики.

Фото Я. Босина.

На первой странице обложки: Мастер спорта с нашего двора (см. в номере «Люди и годы»).

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Зима в Жигулях.

Фото А. Гостева.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 5 (1598) 26 ЯНВАРЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫБЕРЕМ ДОСТОЙНЫХ

В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

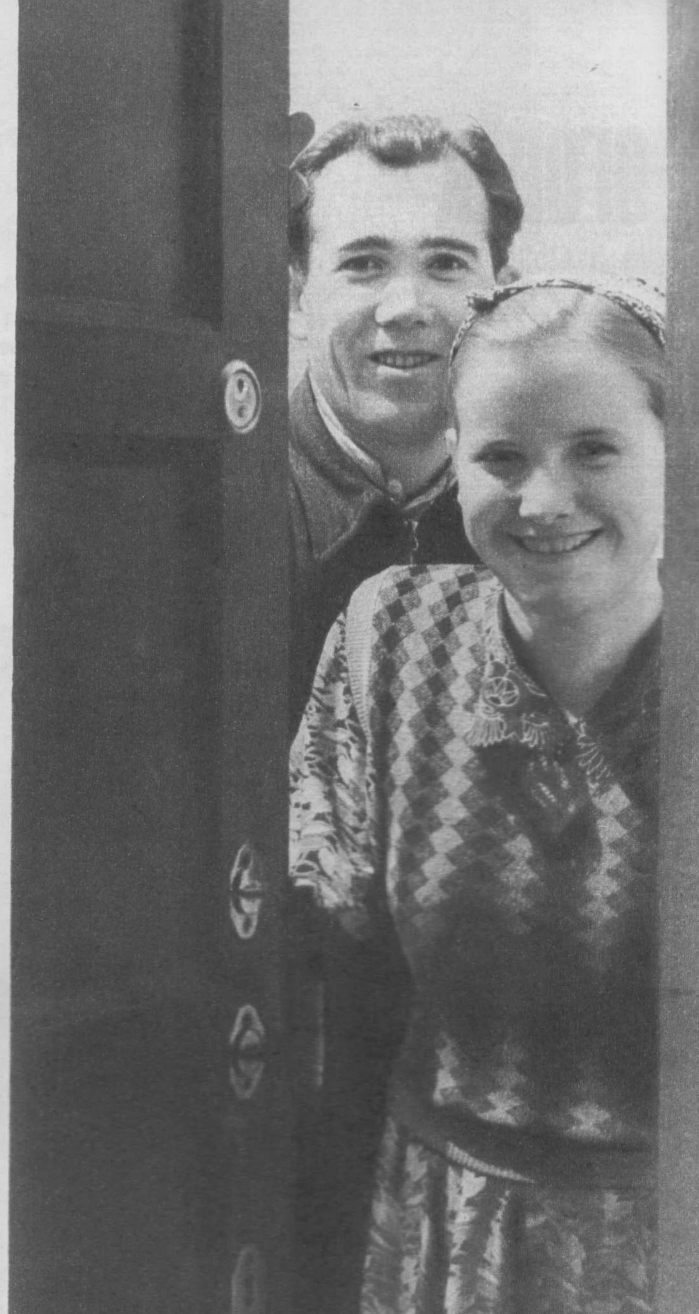
Советские люди готовятся к выборам в Верховный Совет СССР. Эта подготовка к знаменательной дате идет повсюду: ширится социалистическое соревнование тружеников предприятий, колхозов, агитаторы стали чаще наведываться к избирателям, многолюдно в эти дни на агитпунктах.

На снимке: один из цехов большого полиграфического комбината в городе Калинине. Здесь печатают предвыборные плакаты, которые скоро появятся в агитпунктах, на улицах городов и сел страны.

Фото О. Кнорринга.

В тринадцатой квартире...

Супруги Агафоновы.

Двести молодоженов

Ц. СОЛОДАРЬ

Фото Е. УМНОВА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Когда Саша Мартьянов, запинаясь и краснея, высказал Тане то, что на языке прадедов называлось «предложением руки и сердца», он совершенно забыл о существовании такого прозаического понятия, как квартира. А восемнадцатилетняя Таня Белякова, решительно ответив Саше тем, что на языке прабабушек называлось «согласиться навеки соединить свои судьбы», тоже забыла, что для семейной жизни нужна еще и крыша над головой.

Вековечное убеждение, что «милым — и в шалаше рай», безраздельно владело Сашей и Таней даже после знаменательного для них дня, когда они отпраздновали свою свадьбу.

Как известно,
Все влюбленные давно сошлись на мнении,
Что, конечно, с милым рай и в шалаше.
Но под крышею с центральным отоплением
Этот рай, пожалуй, больше по душе.

О крыше и центральном отоплении молодым влюбленным неумолимо напомнили суровые декабрьские морозы. Они не остудили любви молодой четы, но Тане и Саше стало очевидно, что жить в разных общежитиях им больше нельзя.

По вечерам Таня и Саша бесконечно провожали друг друга от одного общежития к другому, шагая по заснеженным тропкам туда и обратно. Молодой муж оптимистически уверял жену, что завтра же пойдет в жекао (так именуют на заводе жилищно-коммунальный отдел) и решительно попросит быстрее дать ход его заявлению о метраже (так в жекао именуют квартиры).

Надежды Саши и Тани имели под собой серьезные основания. Саша слывет на машиностроительном заводе далеко не последним центрировщиком. Таня тоже зарекомендовала себя в цехе старательной револьверщицей. А завод строит сейчас новые жилища весьма интенсивно.

Но молодоженам Мартьяновым квартиры не дали. Почему? Объяснение убедительное: первыми в списках на жилплощадь числятся те, кто долго работает на заводе, и те, у кого большая семья. А молодожены по своему возрасту ни одним, ни другим похвалиться не могут.

Что же делать? Этот вопрос вместе с Мартьяновыми задавали себе на заводе многочисленные молодые супруги.

И не только супруги, но и же-

нихи с невестами. Столяр Григорий Глонягин и работница детсада Валя Тихонова оказались, к примеру, более рассудительными, нежели чета Мартьяновых, и твердо решили: свадьбу сыграем только после получения квартиры!..

Сейчас уже трудно установить, кто первый вспомнил, что на соседнем предприятии по инициативе секретаря комсомольского комитета Олега Данилова силами будущих жильцов строят дом для молодоженов. Этой мыслью загорелся директор завода — взыскательный друг заводской молодежи.

— Комсомольцы никогда не подводили завод,— ответил он тем, кто сомневался, сумеют ли молодые токари, фрезеровщики, сборщики стать на некоторое время плотниками, каменщиками, малярами. И подкрепил это словами, не часто, к сожалению, входящими в лексикон хозяйственников: — Любовь, товарищи, есть любовь! Подумайте только, мы избавим молодые семьи от бытовых неурядиц, нередко отравляющих семейное счастье!

Услышав из уст директора такие «недиректорские» слова, снабженцы и плановики поначалу несколько опешили, но затем стали весело подсчитывать, как с помощью бесперебойного ритма строительных работ ускорить укрепление семейного счастья молодоженов.

И вот принято решение: ко Дню Конституции — 5 декабря — построить трехэтажный дом для 66 молодых семей.

В список строителей и будущих жильцов комсомольский комитет включил только молодоженов. Единственное исключение сделали для Григория Глонягина и Вали Тихоновой. Взоры жениха и невесты были столь красноречивы, что комсомольцы согласились с мнением своего секретаря: «Поверим любви!»

Но строительные механизмы, видимо, не верили любви. Как раз к тому моменту, когда надо было рыть котлованы, вышел из строя экскаватор. Весна на сей раз тоже не оказалась сторонницей любви: к апрелю земля была еще насквозь промерзшей. Зародились сомнения: а не отложить ли закладку дома до потепления? Ведь в мерзлой земле рыть котлован вручную нельзя.

— Нет, можно,— сказал молодежи инженер-строитель Иван Антонович Путвинский, старый коммунист, которому пошел восьмой десяток.— Неужели промерзший грунт остановит комсомольцев, да еще влюбленных!

На рытье котлована вместе с молодоженами вышли сотни их друзей по работе. В такт сверкающим ломам слышались заливистые частушки и прибаутки.

Стремительные темпы требовали бесперебойной подачи материалов. И теплые слова: «Это для молодоженов» — заставляли подчас оттаивать суровые сердца самых твердокаменных хозяйственников. Стараясь скрыть сочувственную улыбку, они подписывали наряды на досрочную отгрузку материалов.

Самый искренний отклик молодожены нашли, конечно, в сердцах своих ровесников. И когда выяснилось, что для бесперебойного ритма стройки металл с Челябинского металлургического завода должен быть получен досрочно, комсомольцы рассудили так: «Напишем тамошним комсомольцам! Неужели они не поддержат любовь?» И молодые челябинцы поддержали: запланированный металл был отгружен досрочно!

Обычно дом такого размера здесь строили около года. Дом молодоженов воздвигли за 7 месяцев — к 40-й годовщине Октября.

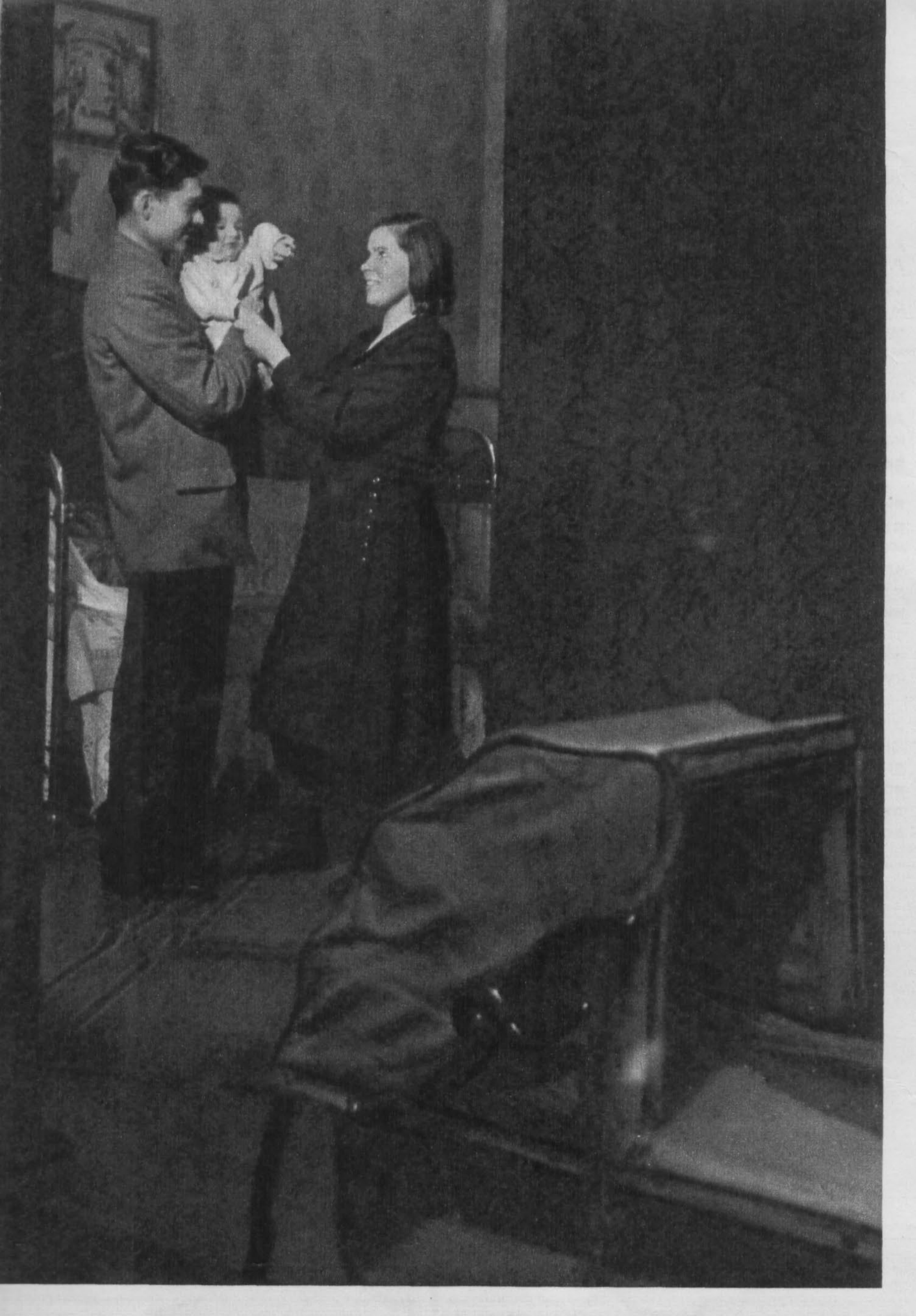
Третьего ноября, в первую годовщину своей свадьбы, Александр и Таня Мартьяновы получили ордер в квартиру № 13. Кто-то шутя сказал молодым супругам, что в американских домах нет тринадцатых квартир, так как, мол, «чертова дюжина» мешает людям найти счастье.

— А нам не надо искать счастья,— просто ответила Таня.— Мы въезжаем в тринадцатую квартиру уже счастливыми людьми,— улыбнулась она своему полуторамесячному сыну Вове.

Тринадцатую квартиру мы на-

Радость родителей — Нины и Владислава Золотухиных — не поддается описанию...

Идет «сдача дежурства» в семье Федуловых.

строителей не ослабла, когда они стали соседями. Молодожены частенько навещают друг друга. В квартире станочницы Альфии Саберзяновой мы застали трех ее соседок по дому и товарок по работе — Нину Фролову, Машу Артюшкову и Василису Грачеву. Они оживленно обсуждали новый метод... нет, не фрезеровки и не сборки, а всего лишь вышивания гладью.

Итак, на улице «Правды» вырос дом молодоженов. Выросли и люди, которые его строили. Они еще более уверились в силе спаянного коллектива, в твердости комсомольской дружбы. Взять хотя бы начальника стройки Александра Федулова. Сколько души и энергии отдает он дежурству на новой комсомольской стройке — там, где заводская молодежь сооружает плавательный бассейн!

Дома мы застали Александра тоже на своеобразном дежурстве: жена ушла в кино, а малыша оставила на мужа. У Александра уже был билет на следующий сеанс, и, когда Аня вернулась из кино, он спешно сдал ей дежурство.

Зайдемте, читатели, в другой дом молодоженов. Пройдемся по его трем этажам! Вы услышите, как из многих квартир подают голоса маленькие обитатели нового дома, появившиеся на свет в его стенах. «Старейший» среди них — трехмесячный Вова из квартиры № 9, сын слесаря-сборщика Владислава Золотухина и его жены Нины. Как говорится, радость родителей не поддается описанию. Мы не пытаемся описать ее, мы только запечатлели процедуру купания.

Двести молодых мужей и жен получили жилье в домах молодоженов города. Цифра довольно внушительная, но у работников здешних загсов она вызывает снисходительную улыбку. Они-то доподлинно знают, как от месяца к месяцу все больше и больше веселых свадеб играется в городе. Вот почему все чаще в директорских кабинетах и в комсомольских комитетах идут оживленные совещания, на которых одни подсчитывают ресурсы кир-

вестили вечером, когда, уложив сына и погасив люстру, Таня и Саша при свете настольной лампы просматривали свежий номер журнала.

Помимо обычных радостей советского человека, каждый день приносит новоселам-молодоженам еще и те бесхитростные радости, которые связаны с новым, пришедшимся по душе жильем. Покупка и расстановка первой мебели. Первое письмо, полученное по новому адресу. И даже, представьте себе, первая жировка на «собственную» квартплату. Каждый звонок из передней — это пока еще тоже повод для маленькой радости. Интересно, кто пришел! Супруги Агафоновы вдвоем бросились к двери, когда мы позвонили к ним.

А в девятнадцатой квартире мы встретили чету Глонягиных — Григория и Валю. Помните, они начали строить дом женихом и невестой. Но когда предназначенную им квартиру остеклили, Валя Тихонова стала Валей Глонягиной. Как видите, не ошиблись строители, поверив любви!

Крепкая дружба молодых

У станочницы Альфии Саберзяновой (вторая слева) собрались ее соседки по дому и товарки по работе.

Тут живут молодожены.

пича, а другие припоминают, кто на днях праздновал свадьбу. Это значит, что скоро здесь появятся новые дома молодоженов.

Один из них весной будет заложен на той же улице «Правды». К 41-й годовщине Октября еще сто двадцать молодоженов справят новоселье. А уже идут вести из Ярославля, Кишинева и других городов, что и там молодожены скоро подхватят песню:

Вместе с милыми подругами
веселыми
В новом доме нашем счастье
мы найдем.
Пусть же песня-птица вместе
с новоселами
Полноправною жилицей входит
в дом.

Московское молоко

Я. ФОМЕНКО

Фото Ф. Короткевича.

В одно из своих странствований по селам Подмосковья повстречал я любопытного человека. Сидел он в тени орешника недалеко от дороги и, запрокидывая голову, отхлебывал из термоса молоко. На траве валялся старый солдатский вещевой мешок, белела яичная скорлупа, а у ног сидящего, свернувшись змеей, лежал пастуший бич.

Было человеку на вид лет сорок с лишним, и отрекомендовался он городским пастухом.

— Городской? — переспросил я.

— Да уж не сельский. Хотите, зовите поселковым. Только не колхозный...

Оказалось, что он пасет коров и коз, принадлежащих жителям поселка торфяников. В его словах «только не колхозный» я уловил нотку пренебрежения и спросил:

— Не все ли равно, колхозный или городской? Коровы остаются коровами, а пастух — пастухом.

— На чей взгляд,— возразил он.— Вам все равно, а мне нет. Поспрошайте колхозных, может, они лучше вам растолкуют.

Потом, точно обидевшись, он сказал:

— Был я пастухом в колхозе. Прозвали Аникой-воином. Почему? Воевал с председателем, с агрономом, с уполномоченными всякими, доказывал: не устроите выпасы, не расчистите луга, кормить скотину не будете — не видать вам молока. Осокой корову не ублаготворите. Так и ушел. Задержать меня никто не вправе: я вроде нетрудоспособный. Жилы на ноге фашист пересек.

Я потом заметил, когда шли вслед за стадом, что он сильно припадает на правую ногу.

— Как я пастухом стал, рассказывать долго. В сорок четвертом полуживой лежал в госпитале, пищу уже не принимал. Молоком отходили. Вернулся в колхоз и говорю: «Давайте мне самую высокую должность — пастуха». Посмеялись и согласились. Ну, думаю, докажу всем, залью молоком. Это же ценнейший продукт — молоко.

Он завинтил термос, уложил его в мешок, встал, закинул торбу за спину, поднял бич и, расправляя его, продолжал:

— По закону в колхозе, а не в отдельном дворе должно быть все лучше. Так? И можно доказать! Что, в колхозе земли мало? Пятнадцать га на корову! Людей нету? И агрономы, и зоотехники, и ветеринары, и луговоды...

Он отошел в сторону, взмахнул бичом.

— Вот и пасу частную скотину,— продолжал он уже на ходу.— Видите вон ту корову? Главного инженера нашего. Три тонны молока в год! А рядом ферма, сейчас увидите,— там и по одной тонне коровы не дают. Цифры, что они говорят? Цифра и убить дух может в человеке и вознести его, порадовать...

Завидев за перелеском длинное строение, он указал на него рукояткой бича:

— Вон ферма...

Мы простились. Я пошел на ферму. На доске показателей увидел цифры надоев. Не порадовали они.

Было это года три с лишним назад. Мне часто приходилось тогда бывать в Куровском, Шатурском, Кривандинском, Егорьевском и в других районах Подмосковья, расположенных по обеим сторонам «Казанки». Туго жили там колхозы в те времена. Сторона эта богата торфяниками, болотами, хлябями всякими, песками да супесками, а что до земледелия и скотоводства — они еле-еле теплились. Про этот так называемый «восточный куст» районов Московской области говорили: «Ну что с них взять, с земель этих; клюкву бы давали, и то хорошо».

В октябре минувшего, пятьдесят седьмого года было опубликовано сообщение ЦСУ. В нем говорилось, что годовой план заготовок и закупок молока выполнен по всей стране за девять месяцев и что впереди всех идет Московская область. На каждые 100 гектаров угодий область получила за девять месяцев 256 центнеров молока. Еще летом стало ясно, что положение на этом «фронте» резко изменилось к лучшему. Молоко в Москве разносили по квартирам, им торговали и в магазинах и прямо на улицах.

И вспомнился мне хромоногий «городской» пастух, его слова о том, что цифра может убить дух в человеке и может обрадовать. Цифры, которые я рассматривал, радовали безмерно. Не так ведь давно появился лозунг, зовущий обогнать Соединенные Штаты Америки в производстве продуктов животноводства, и вот уже мы явственно ощущаем результаты соревнования. И особенно приятно, конечно, что столичная область показывает пример.

Но ведь одно звание столичной области, пусть самое почетное и ответственное, не объясняет, как достигнут такой рост. Не может же оно само по себе, чудом каким-то, это звание, заставить взлететь цифры производства на животноводческих фермах. Нужны, очевидно, какие-то усилия, какие-то меры.

В ноябре минувшего года газеты напечатали сводку по районам Московской области. Первым в списке — Ухтомский район. За десять месяцев каждая буренка принесла там 4 226 килограммов молока, а на каждые 100 гектаров угодий его приходится ни много, ни мало 900 с лишним центнеров. Даже сомнение взяло: не опечатка ли? Сведущие люди объяснили, что в колхозах пригородного Ухтомского района стада малочисленные, а корма там фермы пользуют почти даровые: берут отходы от городских столовых и пищевых предприятий. Так или иначе, а все же 900 на 100. И год еще не кончился.

Веду палец книзу, ожидая в конце сводки найти знакомый мне Куровской район. Нет там Куровского района! Вместо него в самом «хвосте» Коробовский. И снова берет сомнение, но уже другого свойства. Может ли быть такая разница? В Ухтомском — 900, а в Коробовском — меньше ста! Действительно, цифра способна и вознести и «убить дух в человеке». Что бы там ни говорили про ухтомцев, а такой разрыв — 900 и 100! — подсказывает вывод: есть еще резервы в Московской области, далеко еще до границы возможностей.

А где же все-таки Куровской район? Ведь в тех краях я когда-то повстречался с пастухом.

Нашел я Куровской район; ушел он от тех, что в хвосте. Вот тебе и «восточный куст»! Близок к трем тоннам молока от каждой коровы! Что же там, даровой корм вместо осоки появился? Или земли переменились?

В декабре я сидел в кабинете секретаря Куровского райкома партии Ивана Ивановича Мельни-

Село Ильинский Погост.

кова и толковал с ним о молочных делах. Конечно, опять пошли цифры, сравнения, расчеты и всякая математика.

— Оказалось, что и наши земли не так плохи, если взяться за них основательно,— говорил Иван Иванович.— Вот в этой основательности и вся суть. Три — четыре года назад взять от коровы в среднем по району тонну молока казалось сверхсложной проблемой. Теперь наметили взять три и считаем, что они у нас в кармане, реальные. Когда дело на подъем идет, люди чувствуют себя увереннее, трудности их не страшат...

Как тут было не вспомнить опять давнюю встречу у дороги! Тогда у «городского» пастуха одна только корова главного инженера давала три тонны, а теперь вот каждая «средняя колхозная корова» дает столько же. А есть, вероятно, буренки, что дают много больше?

Иван Иванович между тем говорит:

— У нас появились люди на фермах — цены им нет. Грызлина, например, Евдокия Сергеевна из колхоза имени Первого мая. Золотой работник! Можно сказать, в числе лучших доярок области. У нее есть коровы — шесть и шесть с половиной тысяч килограммов молока за лактацию дают.

У меня были некоторые данные по области. Были там фамилии Селезневой из колхоза имени Мичурина, Луховицкого района, Казиной и Залетовой из колхоза «Путь к коммунизму», Раменского района, а Грызлиной не было. И вот еще что было записано. В 1955 году только 5 колхозных доярок области надоили по 5 тысяч килограммов и больше, а в 1957 году за одиннадцать месяцев такой надой был уже у 64 доярок. А знаете, сколько всего доярок в колхозах области? Больше 13 тысяч. И четыре пятых из этого числа теперь надаивают от каждой коровы больше 2 тонн молока за лактацию.

— Надо отдать должное женщинам-колхозницам, — говорил Иван Иванович.— Где-где, а в молочном животноводстве им, несомненно, принадлежит главная роль.

Мне захотелось побывать в колхозе имени Первого мая. Цифры цифрами, а все же как добиваются люди, чтобы эти цифры непрерывно возрастали?

...Прежде село звалось Ильинским Погостом. Говорят, потому, что строилось вокруг кладбища. Еще сохранился указатель со старым наименованием, но село уже называют просто Ильинкой.

И вот я знакомлюсь: председатель колхоза — агроном Наталья Комарова; секретарь парторганизации, она же председатель сельского Совета,— Матрена Ращинская; агроном колхоза — Мария Куприянова; зоотехник — Ирина Астафьева; бухгалтер — Екатерина Лапушкина; заведующая одной молочнотоварной фермой — Наталья Шувалова, другой фермой — Мария Телюканова... Всюду женщины. Мужчины тут благодушно говорят о себе: «Мы теперь подсобники...»

Можно сказать, что колхоз поднялся в гору и разбогател на молоке. Как это было?

В холодный февральский день 1953 года состоялись выборы. В правлении в абсолютном большинстве оказались женщины. Собрались члены нового правления и стали прикидывать: с чего начнем? Кругом долги. Запрячь коня — и то не во что. А люди ждут: одни, надеясь с ехидцей, что «бабье» оскандалится, другие — с сочувствием и надеждой.

Много было предложений. Постепенно прояснилась «генеральная линия». Молочное хозяйство — вот главное, за что надо взяться.

«Линия» прояснилась, а откуда средства взять на коровники, на силосную башню, на механизацию? Заводить дело — так по-современному.

И решило правление: начнем с колес! Да, с самых обыкновенных колес для деревенских телег! Наделали их столько, что начали торговать. Так завелись денежки в колхозной кассе.

Колеса колесами, а дуги? Послали людей во Владимирскую область за черемухой. Не за цветочками — за древесиной. Стали гнуть дуги, и столько их выгнули, что снабдили всю округу. Опять выручка. А все это для того, чтобы осуществить «генеральную линию» — выдвинуть вперед молочное хозяйство.

И начали в том же 1953 году строить скотный двор. Пригласили проектировщиков, но те заломили такую цену за проект, будто в колхозной кассе лежали уже миллионы: 19 тысяч! Правленцы подумали: «Так на одной бумаге прогорим, опустошим кассу». Начали женщины шагами мерить да размерять площадь возле старой силосной полубашни, построенной еще в тридцатые годы. Шагали и решали: вот так коровник, вот так свинарник, вот так птичник. А там вот, пониже, пробурим артезианскую скважину. До каких же это пор воду с колодца ведрами таскать! Вот здесь силосную башню поставим. И получилось! Без бумаг стоимостью в 19 тысяч!

Хорошо, скотный двор, а стадо? Оно было запущенное. Головы для счета были, а толку не было. А толк ведь в молоке.

Была в колхозе такая корова-холмогорка Лоська. Кличку ее в те дни позабыли и звали Стаканчик. Давала корова — по всем статьям порядочная корова — всего стаканчик молока за дойку — меньше козы. Доярки отказывались от нее, и секретарь парторганизации Матрена Ращинская нередко в разгар беседы с агитаторами вдруг спохватывалась, убегала на ферму, бросив с порога: «Чуть не забыла, надо Стаканчик подоить».

Забежим немного вперед. Сколько, вы думаете, давала потом Лоська? Тридцать и даже тридцать четыре литра в сутки!

А мало ли было лосек среди 113 коров тогдашнего стада? Хватало. Были коровы о трех и даже о двух сосках. По три года некоторые лоськи ходили яловыми. А теперь... Впрочем, до теперь много воды утекло. Ведь это целая история: как строили коровник, как бурили «артезианку», как устраивали автопоилку и налаживали электродойку, как монтировали подвесную дорогу и поднимали к небу, точно средневековый замок, силосную башню.

Сколько тревог доставила силосная башня! Выстроили ее: в землю опустили этажа полтора и над землей вознесли целых три. И вдруг Комарова и Ращинская прослышали, что в некоторых колхозах такие башни дали трещины, а были случаи, даже обрушивались. А ведь в Ильинке загрузили башню до «самого князька», до самой крыши. Что, если стены не выдержат? Стыда-то сколько! Что стыд? Не было бы несчастья. Призвали специалистов. Душа замирала, когда те осматривали, измеряли и простукивали кирпичную кладку. И как хорошо стало, когда знатоки сказали: «Выдержит и бо́льшую нагрузку: добротная работа!» Наталья Комарова вздохнула: «А мы-то хотели уже обручи накладывать...»

А со стадом? Думаете, за морями, за океанами искали ильинские колхозники лучших коров? Не так было. Отбраковывали лосек о трех сосках, оставляли лучших, пополняли стадо за счет приплода. Сколько споров, сколько обид! От какой коровы оставить приплод, а какую на мясо! Потом установили закон: на пополнение оставлять только потомство от коров с суточным надоем не меньше 20 литров.

Постойте, но как бы оно пошло, если бы не было корма? Кто не слыхал поговорку «У коровы молоко на языке»!

Клевер, рожь-зеленка, картошка, концентраты... Кто не знает, что корова с удовольствием поедает такие блюда! Но оказалось, что с наибольшим удовольствием она ест кукурузу, и свежую и силосованную.

Бхилаи сегодня

Георгий ИСАЙЧЕНКО

Фото П. Н. Шармы.

Строительство доменного цеха.

Слово «Бхилаи» в наши дни стало своего рода символом. Бхилаи — это не только металл, который будет производить одно из крупнейших в Индии предприятий, не только пример братской помощи советского народа индийскому, но и залог укрепления независимости молодого индийского государства. И не случайно в День провозглашения независимости, который Индия отмечает 26 января, об успехах строителей Бхилаи говорят в первую очередь.

Что же происходит сейчас в Бхилаи?

Район, где ведется строительство, является одним из наиболее отсталых сельскохозяйственных районов страны. Кустарники, слегка холмистая местность и красноватая, выпеченная солнцем земля — вот типичный пейзаж здешних мест.

Работы на строительной площадке ведутся ускоренным темпом на всей огромной территории и почти на всех объектах. Выкрашенные красной предохранительной краской каупера домн, многоэтажные здания ТЭЦ, просторные и в то же время необычно легкие конструкции зданий коксохимических цехов, краны, краны, краны... Таким предстал перед нами Бхилаи, когда мы впервые увидели перед собой панораму строительства.

— Сейчас разворот строительства огромен,— отвечая на наши вопросы, говорит главный инженер В. Э. Дымшиц.— Мы укладываем теперь по тысяче кубических метров железобетона в день; поэтому, когда начнем вводить в строй цехи, они пойдут один за другим. И все же мы считаем, что сейчас скорее начальная стадия работ, чем конечная, хотя сделано очень много: строители произвели около двух миллионов кубометров земляных работ, более ста тысяч бетонных и уложили свыше двух тысяч метров металлических конструкций.

— Эта стройка,— добавляет один из индийских инженеров,— похожа на сборочную мастерскую. Огромные конструкции, прибывшие из Советского Союза, предварительно подогнанные и проверенные на заводах, собираются и свариваются на земле. Затем мощные башенные краны ставят их на свои места.

Нам, советским людям, стройка кажется не совсем обычной. Своеобразная одежда строителей, полуголые индийские рабочие, несущие на головах тазы с бетоном или устанавливающие непохожие на наши строительные леса,— все это придает строительству непривычный колорит. Однако не это своеобразие, не машины и механизмы, а отношение людей друг к другу обращает на себя внимание прежде всего.

Теперь в кукурузу уверовали самые заядлые ее противники. В Ильинке доярки говорят: «Без кукурузы нет заработка». А что было? Задумали правленцы посеять кукурузу — и пошли толки. Одни восклицали: «На нашей-то земле?! При нашем климате?! Неужто отцы наши дураки были — не сажали кукурузу?!» Другие предсказывали: «Не будет толку».

Попробуй в обстановке такого неверия занять землю «культурой-незнакомкой». Правление все же рискнуло и засадило кукурузой... один гектар. Сколько народу ходило смотреть на гектар, а кукуруза медлила, не появлялась. Наконец робко стали показываться первые ростки, такие маленькие, что скептики заговорили: «Растут, да не вырастут...»

А они, эти маленькие стебельки, взяли да и поднялись на диво крепкими, высокими.

Так вошла в рацион кукуруза. Теперь у колхоза свыше 70 гектаров под этой бывшей «незнакомкой».

Ходил я по коровнику и думал: «Вот так же по многим колхозам Московской области шла борьба за простые на первый взгляд нововведения».

Сколько труда вложено, например, в механизацию этой старинной отрасли хозяйства — на подвесные дороги, на автопоилки и прочие приспособления, облегчающие нелегкий труд животновода! И вот теперь по области механически подается больше чем в восемьдесят коровников из ста. Автодоение «охватывает», как говорится в отчетах, свыше половины молочного стада. Тут вручную приготовляют только четвертую часть кормов, остальные три четверти — машинами, электричеством.

По почину колхоза имени Макарова, Кунцевского района, в Подмосковье начала широко распространяться новая форма организации машинного доения. «Коров приглашают» на специальную доильную площадку. И гигиенично, и культурно, и производительно. Одна доярка обслуживает сорок — сорок три коровы, тогда как средняя норма по области только недавно перевалила за десять. Таких залов-площадок уже до двухсот в области.

И вот новые две цифры: в 1953 году одна доярка надаивала четырнадцать с лишним тонн молока, а за одиннадцать месяцев минувшего года — тридцать две тонны с лишним. Каков же тут рост? В два и две десятых раза!

...«Ну, иди, иди, нагулялась»,— слышатся женские голоса.

Медленно и осторожно переступая через порог, коровы возвращаются в стойла. Они совершили прогулку в сосновый бор, где так хорошо пахнет хвоей и так приятно почесать шею о шершавую кору деревьев! Пока стадо гуляло, полы посыпали нежно-кремовыми опилками, и запах сосны смешался с кисло-пряным запахом засыпанного в кормушки силоса.

У самой двери, с краю, занимают места коровы из группы Евдокии Грызлиной. «Я хитрая,— признается доярка,— поближе к силосной башне пристроилась».

Четвертой с края стоит знаменитая Марица. За лактацию она дала 6 720 килограммов молока. Потому и молоко здесь самое дешевое: на центнер затрачивается всего два и восемь десятых трудодня; себестоимость в деньгах — сорок шесть копеек литр. Кстати будет напомнить, что в знаменитом колхозе имени Сталина, Луховицкого района, затраты трудодня такие же.

Декабрь — месяц, завершающий год. Обычно надои в это время снижаются. На ферме в Ильинке добирают последние центнеры в счет обязательств, принятых в соревновании за сверхамериканские показатели. Евдокия Грызлина дала слово ежедневно в декабре сливать от каждой из одиннадцати коров по пуду молока. Одиннадцать коров — одиннадцать пудов.

А в среднем? В среднем от коровы у Евдокии Грызлиной к началу нынешнего года надоено свыше пяти тысяч килограммов, у Анастасии Степановой — четыре тысячи пятьсот. Не так уж далеки доярки из колхоза имени Первого мая от самых лучших доярок Залетовой и Казиной. У тех годовой надой достигает пяти с половиной тысяч килограммов.

А в среднем по колхозу имени Первого мая? Четыре тысячи килограммов от каждой коровы!

Известны цифры по штату Айова — наиболее развитому животноводческому району США. Интересное сравнение. В Айове от каждой коровы за год надаивают около 2 500 килограммов молока; по Московской области — более 3 160, по Куровскому району — 2 876, по колхозу имени Первого мая — 4 тысячи килограммов. На сто гектаров угодий: в Айове — 210—220 центнеров; по Московской области — более 280; по колхозу имени Первого мая — 300.

...Долго я потом сидел над собранными цифрами и высчитывал, сколько бутылок молока приходится на каждого москвича. В смысле производства на душу населения столичная область в «невыгодном» положении. Сколько городского и сколько сельского населения! Напоить одну Москву чего стоит! Везут молоко в Москву несколько областей. И получилось у меня, что на каждого москвича завозится в месяц 24 бутылки, из них 8 — третью часть — завозят колхозы и совхозы Подмосковья.

Цифра неплохая. Не только москвича порадует!

Е. С. Грызлина собирается на сессию районного Совета.

Дружба, настоящая дружба между советскими и индийскими строителями — вот что производит наибольшее впечатление в Бхилаи. Для советских людей это, конечно, не новость; что же касается индийцев, то им, по словам сопровождавшего нас индийского инженера, такие отношения кажутся поразительными.

— Я и раньше работал с иностранными специалистами,— рассказывал этот инженер.— Все, что от меня требовали,— это сказать «йес, сэр» и выполнять указания. В Бхилаи мы работаем не так. Я не стесняюсь обратиться за разъяснением непонятного вопроса к русскому инженеру. Я не боюсь, что надо мной будут смеяться. Больше того, я могу спорить, высказать свое мнение.

— Главное заключается не в том, что наши люди относятся к своим индийским коллегам с бо́льшим уважением,— возразил на это присутствовавший здесь советский специалист,— это черта советского характера. Главное в том, что индийцы,— не один, не два, не сто, а тысячи,— преодолевая веками накопленное недоверие к европейцам как к своим угнетателям, действительно считают нас своими настоящими друзьями.

О встречах с одним из молодых инженеров, представителем новой технической интеллигенции Индии, хочется рассказать немного поподробнее. Это был Чандрашекер, руководитель огнеупорных работ на строительстве доменной печи. Он один из тех молодых инженеров, которые побывали в СССР на практике.

С большой теплотой вспоминал он о русских людях, которые, не таясь, делились своими знаниями и опытом. Он стал поклонником наших методов труда. Ежедневно по 45 минут или часу он занимается русским языком, чтобы читать советскую техническую литературу. Однажды мы видели его во время встречи здешних инженеров с посетившими Бхилаи американскими журналистами. Один из них взял под сомнение слова советского инженера о том, что индийские рабочие, получив в руки современную технику и овладев ею, работают, ничем не отличаясь от любых других. Американец пытался доказать, будто индийцы по своим способностям не могут сравниться с «белыми».

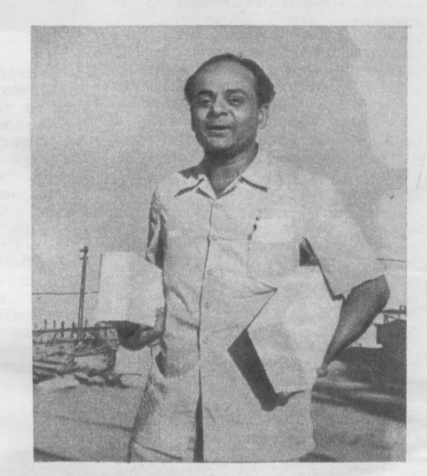
Тогда в разговор вступил Чандрашекер. Он говорил горячо и быстро, говорил, как человек, которого задели за живое. В его речи была гордость за великое прошлое его страны и светлые надежды на будущее.

— Здесь, в Бхилаи, впервые в истории нашей индустриализации нам показали современную технику. Никто нами не командует, мы работаем с русскими вместе, рука об руку, от нас ничего не скрывают. Русские передали нам прекрасные чертежи, понятные даже младшим инженерам. Охотно делятся своим опытом, оказывают помощь. И мы пользуемся этим, стремясь обогатить наши знания, использовать в своей работе советский опыт. Бхилайская стройка отличается от всех других строек, где с нами сотрудничали иностранные фирмы так называемых «передовых» стран. Все, что я вижу в Бхилаи, является доказательством того, на что мы способны,— заключил он под одобрительные возгласы окружающих.

Дели, январь, 1958 год.

Группа строителей Бхилайского металлургического завода.

Инженер Чандрашекер. У него в руках огнеупорные кирпичи. Каждый такой кирпич прибывает из Советского Союза в специальной обертке.

Советские люди с чувством большого удовлетворения встретили опубликованное в газетах «Обращение Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР к колхозникам, колхозницам, работникам МТС и совхозов, к партийным, профсоюзным и комсомольским организациям, к советским и сельскохозяйственным органам, специалистам и ко всем работникам сельского хозяйства». Всех радуют строки Обращения, рассказывающие о славных делах хлеборобов, животноводов, свекловодов... Близко к сердцу принят призыв партии и правительства — в 1958 году добиться нового большого подъема всех отраслей сельского хозяйства.

А резервы имеются большие. Об этом, в частности, горячо говорили участники совещаний передовиков сельского хозяйства Украины и Белоруссии.

В работе совещания передовиков сельского хозяйства Белоруссии приняли участие Первый секретарь ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущев и секретарь ЦК КПСС тов. Н. Г. Игнатов.

На снимке: Н. С. Хрущев беседует с председателем колхоза «Новый быт», Минского района, А. П. Лагацким и агрономом С. М. Дражник.

Фото В. Лупейко. (Снимок принят по фототелеграфу.)

После юбилея

В Малом театре 18 января чествовали народную артистку СССР Е. Д. Турчанинову. Почти 7 десятилетий на этих подмостках служит она искусству, выступила в 10 тысячах спектаклей, сыграла около 400 ролей, из них 70 — в пьесах А. Островского, более 20 — в советской драматургии.

...Наутро после юбилея мы побывали у Турчаниновой дома. Евдокия Дмитриевна, как всегда, подтянута и бодра. Просит извинить ее за «беспорядок», хотя беспорядок этот радостный, приятный. Большая квартира напоминает зимний сад. Всюду кусты душистой белой сирени, корзины цикламенов, нарциссов...

— Ума не приложу, как все это разместить! — недоумевает она.

На столах, шкафах, диване книги, хрустальные вазы, фарфор, скульптуры. Вот статуэтка — подарок цехов Малого театра (работа Н. Маркової): Турчанинова в роли Арины Родионовны из спектакля «Наш современник». Вот «Рабочий», поднесенный заводом «Серп и молот»; деревянный ларец с янтарными безделушками от латвийских актеров.

— Приятно, что тебя любят и знают далеко от Москвы,— говорит Евдокия Дмитриевна.— Это Украина,— в руках актрисы красочная плахта.— А посмотрите, что Ленинградский дом ветеранов сцены прислал...

Вспомнилось, как вчера, преподнося накидку из чернобурых лис, ветераны сцены говорили: «За ваше теплое ко всем нам отношение, пусть вас греет этот мех». Много хорошего делает для актеров общественница Е. Д. Турчанинова, член Президиума Всероссийского театрального общества.

Нашу беседу прерывает звонок: привезли из театра огромные пакеты с поздравительными адресами, поднесенными вчера. От театров, учеников, представителей Советской Армии... Евдокия Дмитриевна была одной из зачинательниц общения театра с народом — выездные спектакли в первые годы революции в казармы, воинские части, в рабочие районы Москвы, фабрично-заводские центры Подмосковья. Участвовала Турчанинова во фронтовых бригадах и в годы Отечественной войны.

«Российским самоцветом» называют актрису представители художественной самодеятельности.

— Евдокия Дмитриевна, а что вас особенно тронуло вчера?

— Мхатовцы избрали меня почетным членом Художественного театра, поднесли свой значок с эмблемой «чайки». Он не многим дается, это большая честь. Я знала Станиславского еще до того, как был основан Художественный театр. Взгляните на этот старый снимок. Тут многие корифеи Малого театра, и Константин Сергеевич стоит. Мы ездили тогда вместе в гастрольную поездку...

Очень тронули меня и приветствия товарищей по театру, зрителей, отношение народа. Какое счастье — быть ему нужной своим искусством!

Поздравления не прекращаются: раздаются телефонные звонки, приносят все новые телеграммы. Их получено более 250... Тут подписи О. Книппер-Чеховой, И. Козловского, А. Гольденвейзера.

— Евдокия Дмитриевна, вчера — юбилей, а завтра?

— Как всегда. Театр. Спектакли. Репетиции. Работа над новой ролью. Училище имени Щепкина. Радио...

Т. КУЛАКОВСКАЯ

Фото Е. Мичуриной и И. Ефимова.

Народную артистку СССР Е. Д. Турчанинову приветствует делегация МХАТа.

Раман приветствует советских ученых

Один из крупнейших современных ученых, индийский физик Ч. В. Раман, удостоенный недавно Международной Ленинской премии, на протяжении десятилетий связан с нашей страной. В 1947 году он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. За двадцать с лишним лет до того он приезжал в Советский Союз, представляя в 1925 году Калькуттский университет на юбилейных торжествах по случаю двухсотлетия Академии наук СССР.

Ниже публикуются выступления Ч. В. Рамана на различных заседаниях, посвященных знаменательной дате.

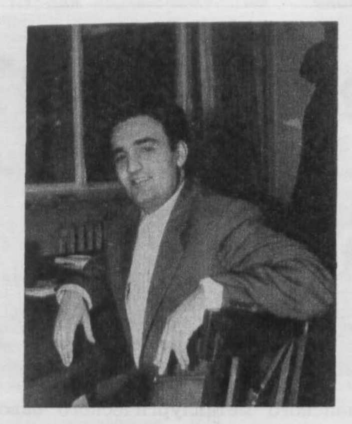

«От имени старейшего и крупнейшего университета Индии я поздравляю русскую Академию наук. Я представляю здесь 300-миллионное индусское население, создавшее свыше пяти тысяч лет тому назад величайшую культуру. Я проехал двенадцать тысяч миль для того, чтобы принести вам наше чувство восхищения и благодарности. Благодарю за ваше исключительное гостеприимство, но еще более благодарю за ваши работы по изучению азиатских языков, религии и культуры народов Азии».

«Я весьма сожалею о том, что не могу говорить понятно для всех вас, так как, к прискорбию моему, не знаю русского языка. Разрешите мне, однако, в нескольких словах передать то, что я чувствую. Я уеду в Индию, полный незабываемых впечатлений о вашем городе, неизгладимых воспоминаний об искренней сердечности, об изумительном гостеприимстве, которое вы оказывали нам в течение всего нашего пребывания в вашей стране. Здесь собрались ученые со всех концов света, и наиболее сильным впечатлением, которое я унесу отсюда, будет воспоминание о чудесном характере юбилейных празднеств, о личной близости между людьми науки всех стран. В науке нет международного соперничества, международных интриг: в ней господствует лишь прекрасное дружеское отношение, родство сердец. Нас, людей науки, вдохновляют высшие идеалы. Мы преисполнены желания содействовать развитию знания на пользу всего человечества, а не только какой-либо его части. Эти чудесные человеческие отношения в науке позволяют мне надеяться, что когда-нибудь все народы мира будут относиться друг к другу с теми же чувствами, с тем же уважением, с какими мы, люди науки в самых различных странах, относимся друг к другу. Сказавшаяся в юбилейных торжествах великая идея международной дружбы наиболее сильно поразила мое воображение, и я чувствую, что, собрав у себя этих людей науки, русская Академия, русское правительство и русский народ оказали великую услугу всему человечеству».

«Разрешите мне отметить, какое глубокое впечатление произвело на меня посещение вашего прекрасного города Ленинграда. Но что произвело на меня самое большое впечатление, больше, чем город Ленинград, это чудесная энергия, которую проявили ваши ученые, высоко держащие светильник знания и доказавшие миру, что русский народ и сегодня так же серьезно относится к успехам науки, как относился всегда в последние двести лет. Их труд вызывает сегодня безраздельное восхищение людей науки во всем мире, и я, как скромный представитель другой великой страны, хочу присоединить выражение своего самого почтительного восхищения перед вашими учеными и в особенности вашими академиками: они сердцем и душой отдаются великому делу развития знаний, которому мы, люди науки, себя посвятили. Как я твердо надеюсь, грядущие годы покажут, что русская наука продолжает делать те же блестящие успехи, что русский народ поймет — и, я уверен, и сейчас понимает,— насколько, помогая людям науки делать их дело, не затрудненное материальными соображениями, он не только содействует успехам своей страны и славе своей нации, но с течением времени создаст и материальное благополучие пролетариата, так что страна пожнет успехи сторицей».

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

Редакцию «Огонька» посетил Антоние Исакович — югославский писатель и редактор журнала «Дело». А. Исакович является одним из авторов сценария фильма «Олеко Дундич», который югославская студия «Авала-фильм» снимает совместно с советскими кинематографистами.

ПОЧИН БЕЛГОРОДЦЕВ

Фото М. Савина.

Молодые животноводы Белгородской области добились в минувшем году больших успехов. Значительно увеличено производство молока и мяса.

Недавно белгородские комсомольцы обратились с призывом ко всей сельской молодежи страны организовать соревнование в честь 40-летия ВЛКСМ.

Отлично работают комсомольцы и молодежь в колхозе имени Сталина, Шебекинского района. На снимке (слева направо): доярка Ефросиния Курская, колхозник Николай Суслов, доярка Мария Остапова, колхозник Валентин Шатерников, доярка Надежда Долженко, библиотекарь Тамара Гамова и доярка Елена Ишкова.

На птицефабрике колхоза имени Сталина. Лучшие птичницы — комсомолки Мария Маслова и Надежда Долженко. Ежедневно каждая собирает от 800 кур по 320—350 яиц.

Доярки колхоза имени Сталина Вера Головина и Пелагея Богачева.

Рассказ

Леонид ПАСЕНЮК

Черная вода

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Я и раньше слышал о бурном подъеме августовской воды в здешних реках. Его вызывала мало-помалу оттаивавшая вечная мерзлота: реки в тайге, вбирая в себя миллионы ручейков, мутнели от частичек торфа, мха, гниющих деревьев. Нельзя сказать, чтобы вода от этого становилась черной, но свою безмятежную летнюю прозрачность она теряла.

Нынешним летом над тайгою прошли грозы, часто срывались дожди, что было редкостью для такого времени года. Черная вода поднялась в середине июля, и появилась возможность отбуксировать вниз, до Вилюя, баржу, пригнанную еще по весеннему разливу, а кстати и понтон, груженный бочкотарой.

Вскоре я уже перетаскивал на баржу свой нехитрый багаж: рюкзак, спальный мешок и сверток с одеждой.

На бревнах, сложенных штабелем близ берега, сидел мой старый знакомый Бутузов, дизелист и шофер. Он пристально рассматривал цветной набор пластмассовых и плексигласовых колец на ручке финского ножа, будто эти кольца только и могли его интересовать.

— Все-таки уезжаете? — спросил я.

Финский нож с тупым звоном вонзился в бревно.

— А что мне остается, Павел Андреевич? — Его мутновато-серые глаза потемнели, сузились, и белые брови, сойдясь у переносицы, встопорщились, как щетина.— Такой-то заработок я где хошь найду. Слава богу, на шоферов да на дизелистов везде спрос.

Я неопределенно помычал, потоптался возле Бутузова и, отягощенный поклажей, зашагал дальше.

Он крикнул мне вдогонку:

— А вы как, Павел Андреевич, с нами решили, да?..

— Приходится,—обернулся я.— На вертолет плоха надежда.

— Оно и лучше,— согласился Бутузов, — интересней. Места здесь диковинные. Не налюбуетесь. А что вертолетом?.. Чихпых — и уже на месте! — Помолчав, он добавил: — Нам бы только Антоновские перекаты пройти, а уж там как ни то...

Внутри баржи навалом лежали чемоданы и тюки. Не один я, видно, решил воспользоваться неожиданно поднявшейся водой.

Настил, под которым хлюпала вонючая жижица, был запорошен мучнистой пылью. По углам, затянутым паутиной, громоздились ящики с консервированным борщом и рассольником. Валялись порожние банки с этикетками, украшенными красными кругами. Надпись на этикетках (без всяких знаков препинания) гласила: «Карамель незавернутая фантазия в сахаре».

Я поднял огрызок веника и занялся устройством на ночлег.

К вечеру на баржу сошлись хозяева тюков, мешков и чемоданов. Уныло запыхтел крутобокий катерок с игривым названием «Дорогуша». Шелестел веселый дождь, дробя на воде пестрые, радужные, как узбекский шелк, пятна солярки.

Последним на баржу спрыгнул высокий чернявый парень с зеленым солдатским мешком. Звали его, кажется, Олегом. Стряхнув дождевые капли, он угрюмо сообщил:

— Лаптем баржу нагрузили, в город Астрахань поплыли...

Да, поплыли... В проеме люка неторопливо разворачивалась панорама поселка, приютившегося на скалистом мыске. Желтые домики, блестя омытыми стеклами, дергались вверх и вниз: на развороте баржу покачивало.

Было грустно. Сядешь эдак где-нибудь на мель — и загорай. Вокруг тайга. Ни души. Хорошо еще, если на Антоновских перекатах,— оттуда хоть пешком в поселок доберешься. А если дальше?..

Антоновские перекаты, самые опасные, прошли ночью. Бутузов (он лежал рядом) вынул руку из спального мешка и легонько толкнул меня в бок.

— Не спите? Прошли перекаты-то...

— Ага.

— Ну во-от... Теперь поспокойней будет.— Он долго молчал, сосредоточенно посапывая, не решаясь начать разговор.— Вот вы давеча спросили: все-таки, мол, уезжаю?.. Понятно, уезжаю! А почему? Как житуха моя в этой партии сложилась? Вот вы об чем спросили бы!

Рассказывал он грубовато, но неловкие, корявые слова только оттеняли и боль его и обиду. Мерно вспыхивал огонек папиросы. Одной, другой, третьей... Полетел куда-то в сутемь скомканный коробок.

Работал Бутузов в партии поначалу шофером. А потом потребовался дизелист на самоходную баржу. Пошел дизелистом. Все мог. Хорошим был механиком.

— Но разве оценили мою работу, мои способности? — горько спросил он.— Нет, не оценили! За лихачество попрекали. А и было лихачества, что поросенка задавил. А он, на беду начальника партии, поросенок... Тут мне выговор, тут мне разнос. На собраниях склоняют в разных падежах. А я и говорю: у нас в гараже, на щите большими буквами написано, что, мол, надо брать от техники все, что можно. Что ж, говорю, я к вам кислое молоко нанимался возить? Да вы сравните мою машину,— какая у меня, а какие у других. У кого в машине крыло болтается, у кого фары набок своротены. А у меня же лялечка! Ну, а у кого экономия горючего? У меня. У кого процент выполнения? Опять же у меня. А потому, что заверну на обед домой и шприцем маслица — раз-раз — налью, смажу, где следует,— вот тебя машина и отблагодарит. Она ведь смазку любит, при своевременной смазке да хорошем уходе ей износу не будет, машине-то...

А когда мы сюда добирались зимой, лед под нами трещал, проваливался, друг дружку из воды вытаскивали, сами льдом пообросли... Легкое ли дело за тыщу километров машины в глушь привести? Дак это не в счет? Ну, а как потом на самоходке сутки, а то двое кряду отстоишь, глаз не смыкая,— это тоже псу под хвост?.. Ничего не говоришь супротив, потому понимаешь: нужно. Но и заработок человеку семейному нужен!

А дошло дело до нарядов — стоп! Кто тебя, мол, заставлял перерабатывать? Мы за сверхурочные не платим. Видали, а?.. Как же не перерабатывать, когда баржа-то течет. Ты и воду вычерпывай, ты и у дизеля стой, ты и за рекой посматривай. Хоть разорвись! А начальство это не всегда учитывает, потому у них перерасход зарплаты. А начнешь требовать — плохой становишься, такой-сякой, рвач...

Бутузов приумолк, и я вспомнил картины недавнего прошлого: всего месяц назад пробирался я с ним в отдаленный поисковый отряд. Беспокойная работа дизелиста-речника требовала от Бутузова напряжения всех сил. Сутки он не отдыхал, следя за фарватером. Всюду торчали предательские камни. Разумеется, воду отливать мы ему помогали. Но, высадив нас на таежном берегу, сгрузив продовольствие и приборы, Бутузов тотчас повел баржу назад, потому что время не терпело: начался спад воды. Бутузов даже чаю не выпил на дорогу, а что уж говорить об отдыхе!

А совсем недавно, вернувшись из тайги, я стал свидетелем его стычки с начальником партии из-за этих же переработанных часов, из-за денег...

Начальнику, человеку либеральному и благодушному, не хотелось упускать хорошего дизелиста. С кислой миной ходил он по кабинету и, поглаживая кусок кимберлита, бубнил:

— Ну, что ты, Бутузов, серьезный разговор сводишь только к денежному интересу?

— А к чему же мне сводить его? — кипятился Бутузов, побагровев.— Я ведь ни от какой работы не отказываюсь. Надо в воду лезть — лезу в воду. А от нее у меня уже ревматизм, если хотите знать. Но я же не жалуюсь!

— Ревматизм... Не один ты воду откачиваешь!

— Не один... Бывает, что и один. А разве вы цените это? Оплачиваете как следует? Посадили на оклад — и хоть ты лопни! А баржа-то дырявая! В общем, вот что, товарищ начальник, давайте расчет. Не согласен я...

Дали ему расчет. И как-то не подумали о том, что не только сотня рублей, но и человек у нас представляет государственный интерес, и даже гораздо более важный.

Я видел Бутузова в работе и понимал его. Начальник партии тут явно просчитался. Потому что уже в день увольнения Бутузова новый водитель баржи, плохо знакомый с дизелем да и с рекой тоже, посадил свою посудину на камни.

— Ну, и куда же вы сейчас? — спросил я.

Бутузов кашлянул, поперхнувшись дымом папиросы.

— Да куда же?.. Демобилизовался я когда из армии, работал в Забайкалье, в Рудничном управлении. По сю пору пишут ребята письма — от управляющего привет передают. Потому — обо мне и по радио и по газетам... Такого месяца не было, чтобы я меньше двух косых заработал. Вот туда и думаю...

— Ну, а жена, семья?.. Что-то я не примечал в партии жинки вашей.

— Была жена,— с особой задушевностью и теплотой сказал Бутузов.— Нинка. Да-а... Жена — это, конечно, отдельный разговор. Вот вы человек образованный, слушал я ваши лекции, ну, вы поймете... С женой, прямо я вам скажу, жил первые года по-скотски. Стал хорошо в Рудничном-то зарабатывать, купил мотоцикл. Только с работы — на мотоцикл, и поминай как звали. По пивным, по девчонкам... Домой чуть тепленького привозили. По четыре месяца с жинкой не жил. Была она после родов — и в доме никакой ни помощи нету, ни дров наколоть, ни воды принести. Все сама. И хоть бы слово поперек сказала!

Ну, известно, простудилась, грудницу схватила. А я, сукин я сын... Эх!..

Девка она видная. Пока я в отлучке, у чужих юбок, инженера к ней сватались, педагоги. Всем как есть отказала! Потому, говорит, есть у меня один мужик, сама его выбрала — и хватит с меня. Перестанет сумасшествовать — и я с ним буду, нету для меня никого дороже.

Такая вот она... Ну, опамятовался. И то сказать, в том же Рудничном управлении хлопцы со мной работали, так по двадцать семь тыщ на книжки положили, дома там, машины покупают, а я все спустил, все пропил... А дом,

он ведь для семьи во как нужен! Пришел я к моей Нинке с повинной головушкой. А к тому времени я уже здесь работал, на Севере. Ну, сюда ее затребовал. Поверите ли, пить бросил! Ну, не то чтобы насовсем, по случаю пропущу рюмочку — две, но не до чертиков же.

Дружно, ладно стали жить. Однако не век тут вековать. К какому-то времени и угол надо свить. У нас же дочка растет. Работал я, как вол. Старался зарабатывать, в компании не ходил — все на книжку. А тут, видите, какая история... Ну, Нинку в Забайкалье отправил. И сам вот... сорвался вслед.

Бутузов долго нашаривал в темноте спичечный коробок,— на мгновение вспышка осветила его лицо, красное, крупных черт, с тяжелым лбом, нависшим над запавшими глазами. Был он из тех людей, каких в избытке природа награждает и силой, и здоровьем, и размах ручищ дает богатырский, не печалясь при том, что не удалось обличье.

Бутузов шевельнулся в мешке, поворачиваясь ко мне, и настил под ним жалобно заскрипел.

— Тут вот еще какая беда...— Он затянулся с такой силой, что в папироске затрещал табак.— Вот поднимется вода, а как он там с баржей, управится ли?..

— Кто?

— Этот... дизелист новый. Который баржу на камни посадил. Да и какой он дизелист, я же его знаю! Он на моторах внутреннего сгорания работал. Как он подступит к нему, к дизелю?.. А ну форсунка засорится либо что еще... Дизель, он тоже с капризами, свои у него секреты. Хотя какое мне дело, теперь не моя это забота! Пусть его как знает...— Бутузов покряхтел.— Спать будем, что ли?..

Но он долго еще ворочался, растревоженный думами.

После разговора с Бутузовым, так откровенно поведавшим мне о своем житье-бытье, я вовсе не жалел, что не улетел вертолетом. Да и что с вертолета увидишь за какой-то час? Чьи души перед тобой раскроются? Какие тайны тебе доверят?

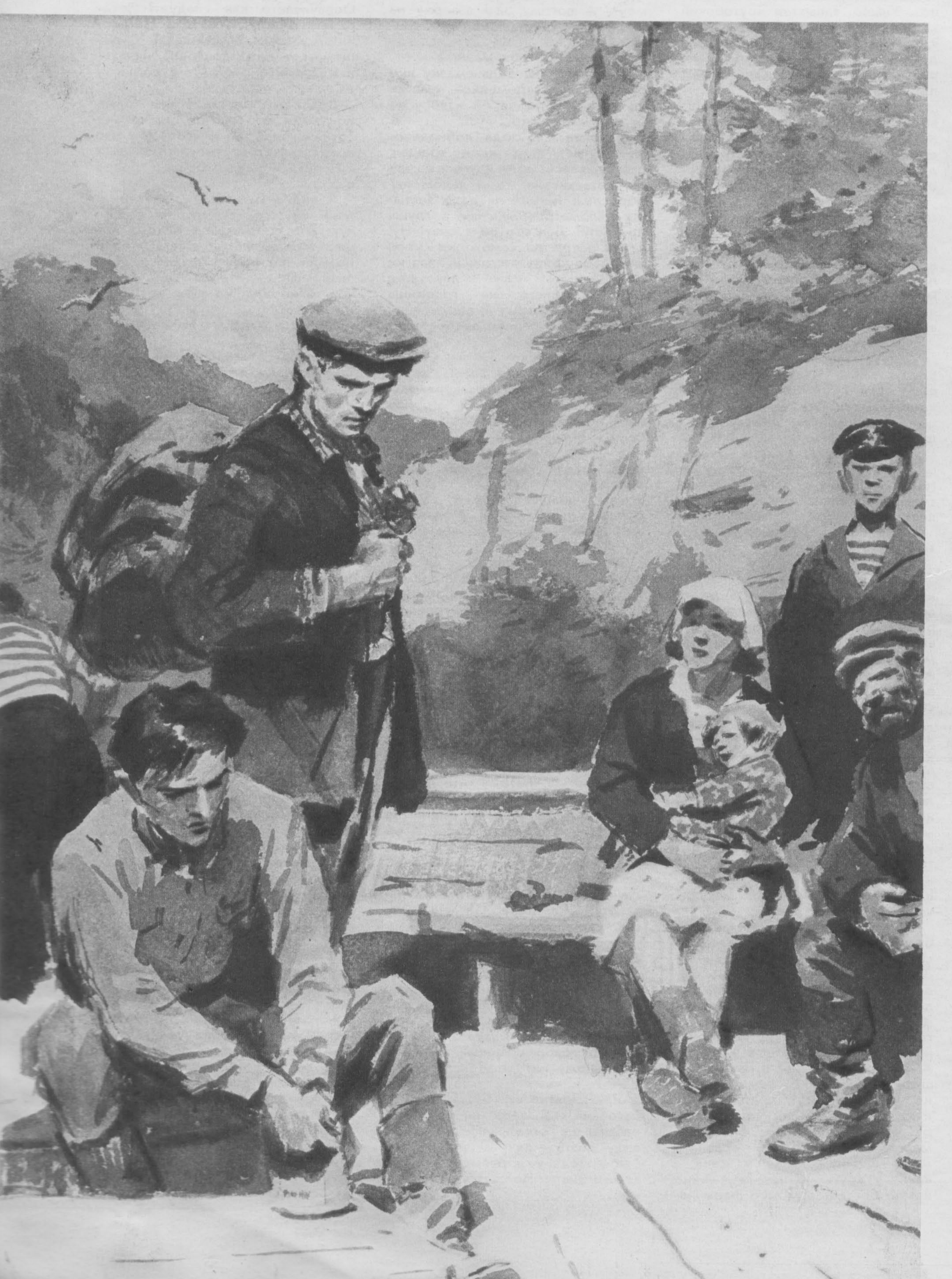
Ночью я проснулся. Вернее, меня разбудил монотонный, назойливо повторяющийся напев:

Не ходи ко мне, бабай,
Мою дочку не пугай!..

Слева от меня на тюках спала востроносенькая веснушчатая женщина. Ее трехлетняя дочь, привязанная за ногу к матери не то солдатской обмоткой, не то какой-то тесьмой, сидела нахохлившись и час от часу оглашала баржу неистовым ревом. Тогда-то молодая мать и бормотала сквозь сон свое заклинание.

Я понял, что мне уже не заснуть. В проеме люка тихонько покачивались вершины лиственниц. Небо смутно розовело, где-то, невидимое мне так же, как и берег, карабкалось к зениту солнце. Я вылез из спального мешка и подошел к борту.

Берега неумолимо надвигались на баржу, окружали деревьями и малахитовым ивняком, сжимали скалами. В воздухе стоял бесконечный писк ласточек, чьими гнездами, как дробью, были пробуравлены, избиты рыхлые, в морщинах весенних заструг песчаники. По осыпающемуся склону сорвалась, сбежала и замерла у самой воды купа пугливых елочек...

Все было затенено, все было пасмурно. И только стоявшие вверху, на виду у солнца, державные сосны рдели и плавились в текучем бесцветном огне.

Из застекленной будки, торчавшей на носу баржи, под неуклюжим рулевым бревном, вышел сонный безбровый шкипер. Потянулся, потер глаза и сплюнул в воду. Затем дернул с просмоленной крыши самодельный спиннинг.

— Места сейчас пойдут рыбные,— пояснил он.— Вон там, за островком...

Надо было спешить, и меня мало устраивала остановка на рыбалку. Но моего совета не спрашивали. Обогнув островок, от которого лучами отходили ребристые мели, «Дорогуша» вильнула к берегу. Очевидно, механик на катере тоже знал «рыбные места». Баржа ткнулась в серо-зеленый, вязкий, как загустевший клей, обрыв, и по надстройке, по люкам заскрежетали, засипели упругие, сухие ветви ивняка. В коричневой воде шевельнулись заглаженные течением травы, похожие на волокнистую каменную породу. Стремительно и шумно, как торпедоносцы, впереди прошли вспугнутые гагары, за ними вскипел пенистый бурун. Тяжело взмыв в воздух, они растаяли в синеве.

Не успел я оглянуться, как отовсюду — с катера, баржи и понтона — зашуршали жилы спиннингов. Звякнули блесны, продребезжали катушки... Началась охота, которая, как известно, пуще неволи. Из черного, душного нутра баржи вышла моя соседка, вежливо прикрыла рукою зевок. Девочка, самозабвенно оравшая всю ночь, кажется, уснула. А может, мать привязала ее к стояку или чемодану.

Боязливо ступив на трухлявый древесный ствол, упершийся в борт, женщина спрыгнула на берег и увязла.

— Ой! — крикнула она, нелепо качнувшись взад-вперед. Вытянув для равновесия руку, беспомощ-

но обернулась, и я впервые толком рассмотрел ее лицо. Оно было довольно миловидным, хотя измельченность черт придавала ему что-то по-лисьи неприятное. Востроносенькая, с приоткрытым ярким ртом и узко посаженными голубыми глазками, женщина смотрела на меня выжидающе.

— Обопритесь на дерево, с которого спрыгнули,— посоветовал я,— и вылезайте потихоньку.

Поругиваясь про себя, она долго счищала с обуви густой налет ила, жирного, как мазут. И, может быть, в благодарность за добрый совет принесла мне из чащи горсть бледно-зеленой и розовеющей смородины.

— Така кисла, така кисла, — ну, прямо, вырви око на леву сторону! — тонким голоском возвестила она.

«Кубанка, что ли?» — предположил я, вслушавшись в ее суетливый путаный говорок; она меж тем продолжала:

— Хиба ж цэ ягода?.. От у нас на Кубани ягода! Ой, боже ж ты мой, ранэчком выбежишь в садок, колы вышня зацвитае,— от единого духа опьянить можно! А якие там перстыкы! Розовые, мякенькие, соковитые, с пушком... А якая там фрукта!

— Зачем же сюда прикатилато? Тебя будто и не звали,— сказал Бутузов, сматывая леску.— Кубань, Кубань!.. Вот и сидела бы на Кубани, а то сорвалась с дитем, близкая ли дорога?..

— С дитем...— опустив голову, сказала женщина.— Абы я без дитя, я и нэ поихала... А то мужик тут, а я там...

Но Бутузов не унимался.

— Кабы ты с добром, Стешка, приехала. А то ж я был на площадке, когда ты на самолете изволила прилететь. Ты ж своему мужику как тот первый снег на голову свалилась. Зачем, мол, с насиженного места сорвалась? А ты ему: «Ох, муженек ты мой ласковый! Непонятливый ты якой! Весна ж... Апрель же!» Только и твоей заботы было, что весна.

Женщина еще ниже опустила голову и смущенно пробормотала:

— Мое дило симейное, чего мэни стыдаться? Ну и весна! Ну и жила б! А только хлиб — и то нэ всякий раз печеный, больше сухари... А як я могу ребенка сухарями душить?

— Молока нэмае! — передразнил Бутузов, ожесточенный своими собственными бедами.— А того в толк не возьмешь, что геологи в маршруты уходят, все детям отдают! И сгущенное молоко и порошок яичный... Сами на мясных консервах сидят. Дак ведь это же временно! Вот по большой воде забросят продовольствие на всю зиму. Старые запасы вышли...

Из темной утробы баржи донесся чей-то густой хриплый басок:

— Вот и взялась бы, Стешка, хлебопеком в партии, все геологам помощь. Да и самой с ребенком лучше при мужике...

Помедлив, Стешка тряхнула куцыми волосенками, слегка волнистыми от старой завивки, и беспечно, с вызовом сказала:

— А! И так нэ пропаду. Проживу як-нэбудь. Дасть бог день, дасть бог и пищу.

— Ага! Даст бог день — полезешь через чужой плетень, и там он тебе даст пищу.— Бутузов сокрушенно качнул головой. — Не моя ты жена! Я бы тебе показал кузькину мать.

— Нэ дуже-то и показав бы. Бачила я таких... ,

— Нет, должно, таких ты еще не видала.

Зеленовато-желтые, пятнистые, как леопарды, неудержимо шли на блесну щуки. Они глотали крючья, загнутые гвозди и готовы были проглотить что угодно, ослепленные масленистым блеском медяшки, заманчиво мельтешившей в воде. Потом они, огромные, метрового размаха, долго и упорно бились на барже, сгибая в дугу хищное, упругое тело. Шкипер добивал их поленом.

Покосившись на Стешку, он сказал себе под нос:

— А и проживет бабенка. У них это просто, ежели с умом да с хитростью. Бабы, они живучие, как кошки. Ту что ни брось, а все на ноги падает!

Стешка посмотрела на шкипера пренебрежительно.

— Бачилы нового мудреца?.. Скилько вас тут наберется на менэ одну?..— И, толкнув шкипера налитой, мягкой грудью, несколько пышной для девчоночьей своей стати, процедила: — Дай пройду, бесстыдник! Чого очи вылупил?.. Повылазят!

Шкипер посторонился. А Бутузов, глядя вслед ей тяжелым взглядом, напомнил:

— Однако пора сматывать удочки. Что-то, сдается мне, водички поубыло. По берегам видно. Как бы нам тут, посередь неба и земли, не закуковать.

«Дорогуша» глуховато зататакала, развернулась, и опять пошли мимо таежные чащобы. Из обрывов торчали комли деревьев, толстые сучья, узловатые пни, засыпанные песком, может, десять, а может, и сотню лет назад. И с каждым годом слой над поваленным и спрессованным лесом становился выше, плотнее, и придет время, когда уже не различишь в обрыве ни пенька, ни комля, а протянется в тисках из песчаника узкий каменистый слой бурого угля.

И оттого, что ты как бы явился свидетелем этого могучего вековечного процесса преображения материи, сердце тронул холодок восторга, а мысли обрели торжественную окраску.

Свечерело,— сгустились тени, померк золотистый обвод вершин на горизонте. Темнее не будет: время белых ночей. Открылся впереди мысок — ели и сосенки заслонили пурпуровый диск солнца, чуть окунувшийся в речную заводь за перекатом. Кажется, что ели и сосенки выгравированы на меди,— их проникновенный чекан по кайме ослепителен, как фольга, а весь мысок заключен в оправу из глазури — так блещет небесным отражением вода.

Здесь, на мыске, расположен лагерь палеонтолога Одинцовой, которой предстоит обследовать с двумя рабочими реку от истоков до низовья. Жизни Одинцовой можно и завидовать и не завидовать,— какими глазами смотреть.

Стешка, например, не завидует,— она тоже знает Одинцову. И, приметив маячившую в тени скалы лодку с женским силуэтом, пожала плечами:

— Господи, и чого ото женщину носыть?..

Бутузов взорвался. Он весь в каком-то неустройстве, в колебаниях, в тоске. И, может, рад случаю излить досаду.

— Это настоящий человек! У ней цель есть, у Одинцовой. Работа! Профессия! Смысл жизни, если бы ты знала... А ты... пустоцвет. Комар ты малярийный!

Стешка не обиделась. Привыкла, что ли, выслушивать такие упреки? Строптиво поджав губы, уронила:

— Нэгарна вона, твоя Одинцова. Того и от людей ховаеться, в тайгу бежить...

Тот же хрипловатый басок из нутра баржи (он принадлежит бухгалтеру, едущему в экспедицию с отчетом) насмешливо прогудел:

— А ты уж красавица! Лебедь белая. Принцесса Турандот...

— Яка вжэ есть. Була б плоха, ваш брат, мужик, нэ приставав бы.

И Стешка с уверенностью в правоте своей и чарах оглядела каждого голубыми пронырливыми глазками.

Но вот уже мысок позади,— отшелестела чеканная фольга, потускнела густая киноварь заката. И, отчужденно выставив ладонь, как бы отстраняя от себя взбалмошную Стешку, Бутузов прошептал:

— Какая же красотища у нас в Сибири!.. Век не уезжал отсюда и не уеду! Какое раздолье!..

Грубое лицо этого человека становится вдохновенным, черты напряженно затвердевают, обретают резкость.

И мне, пожалуй, понятно, почему не оставила его красавица-жена, когда он пил и гулял. Такого бросить — погубить. С таким остаться, повоевать за него — узнаешь и горечь и счастье. Но какое же это счастье, если нет в нем привкуса горечи?..

— А вода падает,— не в первый уже раз намекнул Бутузов, и я увидел, как смеркло и потухло его лицо.— Как-то там мой

Таежные дороги

Николай ФЛЕРОВ

Иду я дорогой осенней
В примолкшем таежном лесу...
Вот здесь, вероятно, Арсеньев
Встречался со старым Дерсу.

И сопки вот так же вздымали
Крутые седые горбы,
И так же с них будто спадали,
К долинам нагнувшись, дубы.

И так же под осень бурели
Листы черноствольных берез,
И так же взбегали метели
Зимою на голый утес.

Но только страшнее и чаще
Ревели кабаньи стада,
И тигры в нехоженой чаще
Их чаще встречали тогда.

...Под серым гудроном,
дороги
Нас к берегу моря ведут,
И видят хребты и отроги
Большой челоэеческий труд.

А он начинался с той карты,
Где первым Арсеньев нанес
И сопку, и берег покатый,
И этот замшелый утес.

сменщик?.. Даже ежли снял он самоходку с камней,— в другом месте по такой воде напорется. Река для него, что темный лес...

Правду сказать, я больше волнуюсь из-за того, как бы мы сами не сели на мель. Еды у нас мало. Рассольники да борщи. До поселка, из которого мы вышли, двести километров, до Вилюйска — все четыреста.

Все-таки ночью мель нас не обошла. В сон это событие врывается, как натужное шарканье днища баржи по песку, надсадное пыхтение мотора, захлебывающийся, с присвистом, болезненный рев винта. Сорвалась откуда-то банка, и ее дребезжание окончательно вывело меня из полудремы, столкнуло с миром реальных вещей.

— Что там? — высунул я голову из спального мешка.

— Незавернутая фантазия,— с мрачной иронией ответил Олег, тихий парень, не встревающий в наши беседы. Да и жует он что-то свое, всухомятку, почти не пользуясь общим дорожным котлом.

— Ох, жисть наша — фантазия! — философски вздохнула в темноте Стешка.

«Дорогуша» прет через мель напролом — и баржа судорожно дергается, и «незавернутая фантазия» неугомонно погрохатывает. Наконец вышли на глубокую воду. Пронесло...

Успокоенный, заснул вновь, но через какой-то час в ушах муторно заскребся знакомый напев: «Не ходи ко мне, бабай...»

Чтоб он пропал, этот бабай, это извечное пугало, порожденное больным воображением нянечек и мам!

Вышел на палубу. Вверху, у рулевого бревна, виднелась длинная фигура Олега. Он дежурил за шкипера. Везде мели. Только успевай рули...

Олег насвистывал странно знакомую мелодию — бодрую, задорную, ласковую.

— Что ты свистишь?

— «Большие бульвары»,— нехотя сообщил он.

Внезапно у меня возникло желание поговорить с этим непонятным и нелюдимым парнем. Вскарабкался на ребристую крышу, обильно политую смолой. Ночью смола застывает, и можно посидеть, не рискуя приклеиться.

— Слушай, Олег... Ну, а ты куда путь держишь?

— В экспедицию.

— Зачем?

— Работы в партии нет по специальности. Привезли, а работы нет.

— Вербованный? — догадался я.

— Да. Вербовали электриком, а тут...

Разгоралось утро. Вода курилась белым дымом и еле-еле просвечивала сквозь испарения атласно-шафрановым, почти телесной теплоты блеском.

— Ну, хорошо,— сказал я, с недоумением посмотрев на его стройную фигуру, обтянутую еще не вылинявшей гимнастеркой.— А на другую работу не согласен? Ты же молодой парень, только отслужился, наверно, в твоем возрасте все должно быть в диковину, все хочется пощупать своими руками. Пошел бы с геологами в поиск,— разве не интересно побродить по тайге, пережить какую-то беду, какие-то приключения?.. Разве не интересно искать и найти кимберлитовую трубку, эту материнскую породу алмазов?..

Олег вяло согласился:

— Интересно, конечно, разве я что говорю?.. Только у меня гастрит.

— И что же, если гастрит?

— Ну, а еда тут какая?.. Тем более в поиске...

— За каким же ты чертом вербовался, если тебе еда здешняя не подходит? — возмутился я.— За каким ты чертом вообще вербовался в экспедицию, если ты электрик, почему не поехал в таком случае на строительство какой-либо гидростанции?.. Захотелось хорошего заработка, а работа не подходит?..

Я пытался разозлить его, вызвать в нем вспышку гнева, минутный взрыв. Но он не вспыхнул и не взорвался. Он смолчал. Было в характере этого парня смутное сходство с характером Стешки. Да, в основе их характеров лежали понятия почти равноценные: беспечность и равнодушие. Стешка беспечна, ей кажется, что не прошли еще ее семнадцать лет, а Олег, наоборот, рано постарел, рано опечалился из-за гастрита. Хотя есть болезни куда пострашнее!

Я спустился вниз, на палубу, откуда тянуло ароматным дымком чая. Наверное, Бутузов уже позаботился...

А река вдали сплошь была испещрена бесчисленными косами и горбами, на глазах превращалась в непроходимый лабиринт. Не знаю, каким чудом мы еще лавировали между этими гофрированными наносами песка.

После завтрака все обитатели баржи вышли на солнышко, столпились у бортов, зорко следя за маневрами «Дорогуши». Раскаленный песок берегов, необозримый, как в пустыне, прямо-таки слепил. Светило старалось вовсю, и хотелось пристать к первому же островку, выкупаться, позагорать... Но каждый знал, что таежный берег — это, к сожалению, не евпаторийский пляж: только разденься — комары загрызут.

С нашей крыши лучше просматривался речной фарватер, нежели с приземистой «Дорогуши». Мели обозначились коричневой, пивного оттенка водой, и мы почти физически ощущаем, что катер идет не туда, не теми протоками, какими надо бы... Хорошо, что механик на «Дорогуше» не слышит наших проклятий.

Но вот катер совершил какой-то немыслимый пируэт, круто повернул от глубокой воды и полез прямехонько на мель. Интересно, что там механика укусило? Что застило ему глаза?

Чем больше «Дорогуша» пыхтит, тем глубже баржу засасывает, заносит песком. Течение тут быстрое. Кроме того, от неожиданного поворота груженный бочками понтон ткнулся в баржу и, сбитый течением, образовал совместно с ней острый угол. Сдвинуть эту, хотя и несложную, «геометрическую фигуру» у «Дорогуши» не хватает сил. Катер изнеможенно дергает толстенный буксир, но баржа стала непоколебимо. Винт захлебывается водой и песком.

— Нда-а,— процедил сквозь зубы Бутузов,— механики...

Он посмотрел, как из-под днища баржи бьют упругие ключи. Наносы у борта становились выше, выше... И вдруг Бутузов спрыгнул в воду. Здесь мелко. По колено.

Упершись спиной в борт баржи, он покраснел от натуги, и мне стало смешно. Семидесятипятисильный катер не сдвинет с места эдакую махину, а Бутузов «своим паром» хочет...

И тут случилось чудо. Я увидел, как нос баржи чуть-чуть сдвинулся. Впрочем, по носу этого даже не заметить. Но внизу, в воде, песок начал рассасываться: значит, днище пошло!

Что ж... Мне осталось одно: тоже спрыгнуть в воду и подсобить Бутузову. Вдвоем, конечно, веселее. От напряжения ноги до колен ушли в песок. Моя модная спортивная курточка, купленная недавно в Якутске, безнадежно прилипла к грязной отекающей смоле. Теперь все на барже увидели, как выпрямляется угол, образованный баржей и понтоном. Четче заработал мотор, гуще взревел винт — «Дорогуша» вышла на глубины.

Вырвались! Но я еще долго размышляю над тем, как все-таки важна иногда помощь одного человека.

Жаль только курточки. Добротная, с «молниями» и пряжечками, она перечеркнута на спине жирными полосами смолы.

— Отмоете авиационным бензином,— сказал Бутузов.

— Ацетоном,— буркнул Олег, на миг оторвавшись от тощей книжечки (кажется, «Хромой бес» Лесажа).

— Дикалоном можно,— нерешительно вставила Стешка, покосившись на Бутузова: она его боится.

Около полудня пристали к берегу. Обед! С катера пришел механик — пожилой измученный человек в меховом тулупчике. Глаза у него воспалены. Уже две ночи он не спал: смены ему нет, проскочить речку до окончательного спада воды надо позарез. И злые слова, поношения, ядовитая насмешка, что каждый из нас копил в душе, готовясь высказать механику,— все это из головы улетучилось, и как-то даже стало неловко...

Ничего не подозревая, механик неторопливо хлебнул уху из вчерашних щук. Вероятно, благо-

даря стараниям Стешки, сдобрившей ее луковицей и перчиком из своих кубанских запасов, уха вполне съедобна.

Усталый механик не заметил ни лука, ни перчика. Он тягуче сказал:

— Это не уха. Ерши да караси — вот для навару первейшая рыба, ежели не потрошить. Чешую только снять, а потрошить не надо. А уж потом в готовую юшку положь рыбу выпотрошенную, сырую да еще раз отвари. Тогда будет уха!

А мы молчали и думали, кажется, об одном: скоро ли опять посадит он баржу на мель, этот механик...

Ждать пришлось недолго. Огромная коса наискось перечеркнула почти всю реку, и только у низменного берега остался узенький проток. Мы все-таки попытались по нему проскочить — и баржа села настолько прочно, что даже у Бутузова не появилось желания раскачивать ее.

Шкипер вышел из будки, протяжно свистнул, скривив щучье лицо, и взял с крыши спиннинг.

— Що ж мы будэмо робыть? — обеспокоенно взглянула на него Стешка.— У менэ ж дите!

Шкипер безмолвствовал, вырезая из латунной мыльницы блесны. Делал он их настолько искусно (с хвостиками и завитушками), что нельзя было не залюбоваться. Стешкина девочка потянулась было к сверкающим подобиям рыбок, за что незамедлительно получила по рукам. Мать ей спуску не давала...

— А ничего не будем робить,— ответил наконец шкипер.— Загорать будем. Рыбачить. Там дожди были, вверху. Помнишь, когда выходили из поселка? Ну, вот... Там вода большая, только мы ушли от нее. Дня через три, а то, должно, через пять, нагонит... Тогда и поедем дальше.

Ему, конечно, легко говорить. Ему где бы ни загорать, лишь бы загорать. Он при деле. При зарплате. Денежки все равно идут.

Так думали, очевидно, мои попутчики. А о чем думал Бутузов? Он ходил по палубе медно-красный — не то от жары, не то от злости. Глаза из-под белесых кустистых бровей смотрели колюче, недружелюбно.

Я испытывал к нему все возрастающую симпатию.

Пока он плыл, у него была какая-то цель. Он думал о встрече с женой, с дочерью, которых любил, думал о Рудничном управлении, о том, как его там примут, как отнесутся к нему старые товарищи-приятели, старое начальство... Но вот баржа стала — и цель отодвинулась, потускнела, и уже не так беспокоили думы о близких, о друзьях, о будущей работе. Но тем сильнее, наверное, грызла его тоска по тому, что оставил он в таежной партии, что было ему сейчас и желаннее и понятней.

Черная вода сошла, обнажив черные осклизлые камни, щебеночное дно, занесенное кое-где илом и песками. И вместе со спадом черной воды схлынула в душе Бутузова волна обиды, волна мелочного и наносного, сбившего привычное течение его жизни. Обнажились в его душе чистые, ключевые родники. Он забыл все свои беды в партии, забыл житейское неустройство, а может, рассудил, что ни к чему помнить это. Самоходка, посаженная на камни в верховьях, не давала Бутузову покоя. Уж такой он, видно, был человек.

Весь следующий день Бутузов строгал Стешкиной девочке свистульки, мастерил ей из наплавного камыша вполне натуральных чертей рогатых, скорбно наблюдая при этом, как неистово прыгают щуки на крючьях шкиперового спиннинга. А к вечеру, затосковав от неприкаянности своего бытия, сказал вдруг:

— Пойду я, должно...

— Куда? — воззрилась на него Стешка.

— Ну, куда... Назад. В партию.

Слов на ветер он не бросал. Тотчас сошел вниз, сунул в рюкзак кружку, приторочил к нему спальный мешок.

Его никто не отговаривал. Только я сказал осторожно:

— А как же вы?.. Далеко ведь. Тайга.

— А ничего,— спокойно отозвался он.— Дойду до лагеря Одинцовой,— может, лодку даст. Моторку. Все равно ей из поселка должны продукты спустить. Вот заодно и лодку назад пригонят.

— А семья? — Стешкины глаза стали круглыми и горячими. Она крепче прижала девочку, и та заревела.

— Вызову семью.

— Воно так. Можно вызвать,— растерянно сказала Стешка, потом замахнулась на дочь: — Цыть, скаженная! — И почему-то всплакнула.— Ты ж скажи там моему... Шоб нэ дуже...

— Скажу,— пообещал Бутузов, не особо вникая в смысл того, что он должен был сказать. Тем более, что этого смысла не было и в Стешкиных словах.

Аккуратно вытирая пальцами нос, она завсхлипывала еще прилежней.

— Пойдем, Олег? — тихо сказал Бутузов демобилизованному электрику.— Будь солдатом! Пойдем, а?.. Пристроим куда ни то... Не пропадешь.

Но Олег, этот молодой и здоровый парень, у которого, правда, гастрит, молча взглянул на дизелиста большими коровьими глазами... Отвернулся, взял консервы — макароны с мясом... Резал он жестянку так медленно и нехотя, точно процесс этот доставлял ему физическую боль.

— Ну, не поминайте лихом,— встрепенулся Бутузов.

Выпрямившись, он посмотрел на нас сверху вниз и каждого, наверное, пожалел: какое-то время все мы были обречены на безделье и скуку.

Воображение мое мгновенно, в строгой последовательности восстановило весь тот путь, который вновь проплывет или пройдет Бутузов. Встал мысок с елочками. Встали островки с трепетными березками. Встали дикие, сжатые выветрившимися известняками верховья речки, где, скособочившись на камнях, до сих пор, наверное, торчала бутузовская самоходка. Его любовь и его забота...

Что ж... Бутузову можно было позавидовать!

А мы остались ловить щук, пока были еще на барже гвозди и латунные мыльницы. Остались поджидать черную воду, несущую с верховьев грязную накипь, сучья, коряги, гнилостный дух прели да иногда такие вот баржи, как наша...

Последние исторические занятия Пушкина

И. ФЕЙНБЕРГ

I

До последних дней Пушкин продолжал работать над своей «Историей Петра». Ему удалось получить доступ к секретным историческим документам, хранившимся в Государственном архиве империи. Ознакомиться с материалами иностранных архивов Пушкин, казалось, не мог. Николай I не выпускал его из России. Между тем изучение дневника А. И. Тургенева неожиданно проливает на этот вопрос новый свет.

Александр Пушкин.

Александр Тургенев.

Замечательные дневники известного собирателя зарубежных архивных материалов Александра Ивановича Тургенева, те «журналы-фолианты», в которые он день за днем записывал, по словам Вяземского, каждую встречу, каждое слово, им слышанное, остаются до сих пор в большей своей части неизданными. А в опубликованных извлечениях из тургеневского дневника можно обнаружить записи, оставшиеся непонятыми из-за того, что Тургенев многое записывал для одного себя, не поясняя содержания своих кратких заметок. Так, 9 января 1837 года он записывает: «Я зашел к Пушкину... потом он был у меня, и мы рассматривали французские бумаги...» 26 января — накануне дуэли — запись Тургенева гласит: «Я сидел до 4-го часа, перечитывал мои письма», — а затем говорится: «Успел только прочесть Пушкину выписку из парижских бумаг...» Эти тургеневские записи были опубликованы, но оставались нераскрытыми. Между тем обращение к подлинному дневнику А. И. Тургенева, к неизданным страницам его и к другим материалам тургеневского архива, хранящимся в Пушкинском доме Академии наук СССР, позволяет ответить на вопрос о том, какие «французские бумаги»

рассматривал Пушкин с Тургеневым 9 января и какую «выписку из парижских бумаг» Тургенев успел прочесть Пушкину 26 января, накануне дуэли.

II

Пересылая в конце 1836 года в Петербург извлеченные из парижских архивов копии донесений французских послов при дворе Петра I и его преемников, А. Тургенев писал: «Вот третий пакет... В нем и полпуда нет, хотя полвека нашей истории в нем уписалось». Привезенные Тургеневым из Парижа и представленные в феврале 1837 года Николаю I исторические материалы поступили после того, как царь прочел их, в Государственный архив. Узнав о том, что Пушкин приступил к работе над «Историей Петра», Тургенев — давний друг поэта — вызвался помогать ему, как раньше помогал Карамзину, доставляя источники для «Истории Государства Российского». Пушкин придавал архивным историческим разысканиям большое значение. «Сколько отдельных книг можно составить тут! — писал он, с увлечением работая в русских архивах,— сколько творческих мыслей тут могут родиться!» Работа Тургенева в парижских архивах чрезвычайно интересовала Пушкина. Он публиковал в «Современнике» его парижские письма, в которых Тургенев уделял много внимания своим архивным поискам и находкам.

Возвратившись в Петербург в ноябре 1836 года, Тургенев виделся с Пушкиным почти ежедневно, иногда дважды — трижды в течение дня. Через месяц по приезде Александр Иванович сообщал: «Пушкин мой сосед. Он полон идей, и мы очень сходимся друг с другом в наших нескончаемых беседах». В это время Тургенев готовил к печати третью часть своих писем из-за границы. Прочитав их, Пушкин 16 января 1837 года писал Тургеневу: «Вот Вам ваши письма... Думаю дать этому всему вот какое заглавие: Труды, изыскания **такого-то** или **А. И. Т.** в римских и парижских архивах. Статья глубоко занимательная». Она появилась в пятой книге «Современника», уже после смерти Пушкина.

III

Нетерпеливый Тургенев в день своего приезда в Париж побывал в Отделе рукописей Королевской библиотеки. Разрешение заниматься в архиве французского Министерства иностранных дел он получил тогда же. «История,— писал он в «Современнике»,— представляется здесь совсем в ином виде, нежели в обыкновенных обозрениях главных событий в государствах: ясно видны тайные политические замыслы, первые, так сказать, зародыши важных исторических происшествий, пружины, коими приводили тогда в действие государственные машины; талант действовавших лиц и правила кабинетов».

Характеризуя прочитанные в архиве донесения столетней давности, Тургенев заметил, что послы и министры говорят в них о Петре «не всегда с равным беспристрастием, но всегда с каким-то невольным, вынужденным энтузиазмом к необыкновенному, великому... Европейские кабинеты вдруг заговорили о нем, о России уже, а не о **Московии!»**

В своих статьях о французских архивах Тургенев вынужден был из-за цензуры о многом умалчивать. Привезенные из Парижа копии донесений французских послов он готовился поднести Николаю I. И, чтоб облегчить царю ознакомление с этими материалами, выделял то, что было в них наиболее важным. С этой целью Тургенев готовил для царя «выписку из парижских бумаг».

Зная дружеские отношения Пушкина и А. И. Тургенева, близость их исторических интересов и занятий, можно было предположить, что Тургенев показал Пушкину привезенные из Парижа исторические материалы, прежде чем представить их царю. В письме к брату от 19 февраля 1837 года Тургенев называет эти архивные материалы «парижскими бумагами». О них же, бесспорно, идет речь и в его дневнике, там, где Александр Иванович пишет, что рассматривал вместе с Пушкиным «французские бумаги» и прочел ему «выписку из парижских бумаг».

Выяснить, какие документы Тургенев показал поэту, помогает обнаруженное нами в дневнике Тургенева между записями от 5 и 7 марта 1837 года черновое письмо к П. И. Кривцову. Тургенев пишет, что приехал с «богатыми и важными приобретениями,— в парижских архивах мною сделанными,— поясняет он,— особливо в Архиве Министерства иностранных дел, где... списал почти все, относящееся до России, с оригинальных бумаг, начиная с первых сношений наших с Францией прежде Петра I — до первых двух годов царствования императрицы Елизаветы Петровны включительно».

Вот, оказывается, какие «французские бумаги» рассматривал Пушкин с Тургеневым. Но нельзя ли попытаться выяснить, какие из этих бумаг привлекли особое внимание Тургенева и что представляла собой «выписка из парижских бумаг», которую он успел прочесть Пушкину?

Нам удалось найти в тургеневском архиве документ, который позволяет дать ответ и на этот вопрос. Обнаруженная рукопись носит название: «Выписки из архива французского Министерства иностранных дел» — и является краткой пояснительной запиской к «парижским бумагам» Тургенева. В этом документе, писанном рукой переписчика, кратко охарактеризованы те из парижских бумаг, которые Тургенев считал наиболее важными. С ними, как нетрудно догадаться, Тургенев и познакомил Пушкина.

IV

На первое место Тургенев выдвигает в пояснительной записке донесения французского посла в Петербурге Кампредона, ярко рисующие события, сопровождавшие смерть Петра и борьбу за престол между сторонниками Екатерины и старой знатью, стремившейся возвести на трон малолетнего внука Петра I (сына царевича Алексея). Донесения эти произвели на Тургенева большое впечатление, когда он впервые прочел их в парижском архиве. «Будущее России решилось в этой эпохе на долгое время», — писал в пушкинском «Современнике» Тургенев, касаясь донесений Кампредона. Это были те самые — получившие позднее историческую известность — донесения, на которых основывался впоследствии Соловьев, рассказывая о смерти Петра I в своей «Истории России». Мы едва ли ошибемся, полагая, что с депешами Кампредона, которым Тургенев отвел первое место в своей «выписке из парижских бумаг», он прежде всего и познакомил Пушкина.

Сообщая 10 февраля 1725 года Людовику XV и графу де Морвилю о смерти Петра, Кампредон писал о том, как перепугалось все население, опасавшееся каких-либо беспорядков. «Опасения эти,— пояснял он,— имели тем большее основание, что никакого определенного распоряжения насчет престолонаследия не было, мнения вельмож по этому вопросу разделились, войско шестнадцать месяцев уже не получало жалования и доведено было до отчаяния непрестанными работами, а ненависть народа к иностранцам достигла до последней степени.

По всем человеческим предвидениям казалось, что счастью вдовствующей императрицы (то есть Екатерины.— **И. Ф.**) наступил конец и что приближенных ее: князя Меншикова, Толстого и других постигнет та же участь». Между тем, доносил Кампредон, «всемогущему угодно было сделать возможным то, что людям представлялось невозможным». «Орудием всего этого,— писал Кампредон,— явился князь Меншиков, склонивший на сторону императрицы гвардейский полк». Далее он сообщает: «Во время совещания некоторые гвардейские офицеры в сильном волнении кричали, что если совет будет против императрицы, то они разможжат головы всем старым боярам. Так кончился этот памятный день...»

Помимо депеш Кампредона, чрезвычайно заинтересовала Тургенева найденная им в парижском архиве «записка» Вестфалена, составленная 5 мая 1729 года по получении известия о смерти графа Петра Андреевича Толстого. А. И. Тургенев сообщал в письме от 21 сентября 1835 года, напечатанном в «Современнике»: «Сегодня прочел я биографию графа Толстого, которую написал датский министр, при дворе Петра I, Екатерины I и Петра II долго находившийся... Я еще ничего не читал любопытнее сей записки о сей эпохе». Надо думать, что, рассматривая с Пушкиным «парижские бумаги», Тургенев показал ему и эту «записку». Рассказывают, говорится в ней, будто Петр I за несколько недель до своей кончины, перечисляя добрые и дурные стороны своих министров, сказал: «Петр Андреевич (Толстой) во всех отношениях человек очень ловкий, только, имея дело с ним, не мешает держать добрый камень в кармане, чтобы разбить ему зубы, в случае если бы он вздумал кусаться».

В «записке» Вестфалена сообщались также интересные сведения о роли Толстого в деле царевича Алексея. Петр I «отправил Толстого к беглому сыну, поручив ему обещать царевичу прощение, если он возвратится... Еще до отъезда из Амстердама он (то есть Толстой.— **И. Ф.**) составил себе план действий, именно положил сблизиться с любовницей, которую царевич увез с собой из Петербурга — смышленой и довольно хорошенькой чухонкой. Толстой воспользовался слабой стрункой ее — с самыми горячими и низкими клятвами обещал выдать ее замуж за младшего своего сына и дать за ним 1000 душ крестьян, если только она убедит царевича немедля вернуться в Россию».

Содержание «записки» Вестфалена о Толстом заставляет признать ее документом, представлявшим в свое время большой интерес. Поэтому Тургенев и отметил ее в «выписке из парижских бумаг», которую он прочел Пушкину накануне дуэли.

V

На другой день после дуэли, 28 января, Александр Иванович писал о том, как 27-го, на вечере у князя Щербатова, услышал он, «что Пушкин ранен и очень опасно...» «Я все не думал о поэте Пушкине,— говорит Тургенев в одном из своих известных писем о дуэли и смерти Пушкина,— ибо видел его накануне, на бале у графини Разумовской, накануне же, т. е. третьего дня провел с ним часть утра; видел его веселого, полного жизни... Третьего и четвертого дня (то есть 25 января.— **И. Ф.**) также я провел с ним большую часть утра; мы читали бумаги, кои готовил он для пятой книжки своего журнала»... 25-го утром Пушкин был занят чтением писем Тургенева, предназначавшихся для «Современника», а на другой день, 26-го утром, Тургенев прочел Пушкину «выписку из парижских бумаг». Таковы были последние исторические занятия поэта.

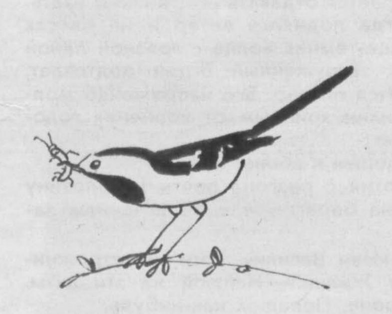
В этот день Пушкин отправил письмо к Геккерену, не оставлявшее другого исхода, кроме дуэли. По свидетельству близкого поэту современника, А. Н. Вульфа: «Перед дуэлью Пушкин не искал смерти; напротив, надеясь застрелить Дантеса, поэт располагал поплатиться за это лишь новою ссылкою в Михайловское... И там-то на свободе предполагал заняться составлением Истории Петра Великого».

Если б жизнь Пушкина не пресеклась так внезапно, он воспользовался бы в своей «Истории» материалами, с которыми его начал знакомить Александр Тургенев. Сделать это Пушкину не было суждено, но до последнего дня его глубоко интересовала история петровской эпохи.

«Вчера в 2¾ мы его лишились, лишилась его Россия и Европа,— писал Тургенев, сожалея о Пушкине как об историке, не завершившем своего труда.— Последнее время мы часто видались с ним и очень сблизились; он както более полюбил меня, а я находил в нем сокровища таланта, наблюдений и начитанности о России, особенно о Петре и Екатерине, редкие, единственные. Сколько пропало в нем для России, для потомства, знают немногие; но потеря, конечно, незаменимая. Никто так хорошо не судил Русскую новейшую историю: он созревал для нее и знал и отыскал в известность многое, чего другие не заметили. Разговор его был полон жизни и любопытных указаний на примечательные пункты и на характеристические черты нашей истории. Ему оставалось дополнить и передать бумаге свои сведения. Великая потеря».

ПОШУТИЛИ

Рассказ

Сергей НИКИТИН

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Май. Светает рано. От нечего делать ночной сторож Пронюшка Леший смастерил из прелой мережи сеть, залег в сухой бурьян под плетень и ладится поймать трясогузку. Из уголка рта он пустил слюнку, в глазах у него резь, палец, на который намотана веревочка, посинел, а птица все не дается — прыгает возле сети, кланяется на тоненьких ножках и, утащив куда-то пучок сухого мусора, возвращается назад, вертлявая, стройненькая, веселая.

Проходит час. Над широкими плесами разлива сияет чистое, бело-желтое солнце; слышно, как бурлят на гривах тетерева, как урчит в поле трактор и где-то очень-очень далеко, должно быть, на пристани, стучат железом о железо.

Пронюшке ни до чего. Он не видит даже, как сворачивают с дороги и останавливаются в угрожающем соседстве с плетнем пыльные хромовые сапоги.

— Эй-эй! — запоздало кричит он, подбирая полы тулупа.— Оболтаю уши-то, забудешь тогда, как над стариком озоровать, поганец ты эдакий! — Но сейчас же лицо его приобретает выражение деликатной укоризны. — Как же так, Иван Василич? А еще начальство!

Ваня Воеводин, которого лишь недавно, после выборов на должность председателя сельсовета, стали звать Иваном Васильевичем, сконфужен.

— Это ты, Пронюшка? Какого черта ты в бурьян залез? — бормочет он, оглядываясь по сторонам. — Вставай, закурим, что ли. Небось, свои-то за ночь попалил.

Пронюшка, кряхтя, поднимается, берет из пачки тоненькую папироску «Север» и закуривает. Он маленький, безбородый, с голубыми, ясными глазами, и почему прозвали его Лешим, который, как известно, остроголов, мохнат и нем, совершенно непонятно. Виноваты в этом, должно быть, мальчишки. Он рассказывает им всякие небылицы про леших, овинников, анчуток и показывает на потеху ружейный артикул «штыком вперед коли, назад прикладом бей», который он усвоил еще на службе в царской армии.

— Это ничего, — примирительно говорит он Ване. — Ты, значит, пошутил, это ничего. Я люблю шутить...

— Постой! Вроде стрельнули за рекой? — перебивает его Ваня.

Оба молчат и, дымя папиросками, смотрят на тот берег. С венца, где они стоят, видна вся заречная пойма с густо-синей полосой елового леса, гривами ольшаника, дуба, липы, с непролазной тальниковой крепью, уже окутанной желтой дымкой цвета. Проходит немного времени, и оттуда опять доносится звук выстрела.

— Это на Лыковой гриве, — по едва заметному дымку определяет Пронюшка. — Богато кто-то возьмет чирочков.

— Что он, запрещения не знает? — хмурится Ваня. — Вон, вон! Опять наподдал, подлец! Ну, нар-род! Ведь сам я объявления на каждом столбе клеил — никакого внимания.

— Надысь я в пойму за лозой ездил. Чирка та-а-ам, что комарей! Так и свистят над головой. Чуть шапку не сбили, — рассказывает Пронюшка.

За рекой из-под кустов ольшаника опять вырывается длинное облачко голубого дыма, и вслед за этим раздается глухой хлопок выстрела.

— Накроем? — предлагает Ваня.

— Да это свой кто-нибудь, — нескоро возражает Пронюшка, глядя из-под ладони на сверкающий на солнце плес.

— Ну и что же! Запрещение для всех одно.

— Оно так... Да только ляд с ним! Свой ведь...

— Бей своих, чужие бояться будут. Мы его только пугнем на первый раз, чтоб не повадно было, — уговаривает Ваня сторожа, — отнимем ружье, пусть походит за нами.

— Пошутим, значит, — раздумывает Пронюшка.— Пошутить — это можно, шутить я люблю. Только сопротивления не оказал бы...

— А шомпол твой где?

— Пустое дело. Для видимости больше держу.— Пронюшка достает из-под плетня одноствольную шомполку и с сомнением смотрит на массивный изогнутый курок. — Когда я ее запыжил? Лет пять назад, а то и все двенадцать. Порох там, чай, в камень спекся. Непременно ей ствол должно разорвать, ежели выпалишь.

— Так что же ты раньше-то не стрелял?

— А в кого? Чтобы у складов кто шалил или у сельмага, — случая не было, а животную я люблю, животную не трогаю.

— Ну, возьми хоть для видимости,— советует Ваня.

По крутому склону они спускаются к воде, садятся в легкий ботничок и отталкиваются от берега. На воде в такое время раздолье. Перебив стремительное русло реки, ботик выходит на полои, вертко огибает стволы дубов, продирается сквозь кусты и опять выплывает на широкие безветренные плесы.

— Шутили и мы раньше, — сквозь дрему бормочет Пронюшка. — Был еще до нашей власти на селе такой озорник — Прошка, по прозванию Конь. Силы необыкновенной. На мизинце ведро с водой от реки до села носил. Вот приедут мужики на мельницу, а он положит кому-нибудь жернов в сани и ухмыляется в сторонке. Мужики всем миром бьются-бьются — ни с места. Идут к Прошке: «Помоги ради бога». А тот сейчас с них на водку... К старости этот Прошка стал ходить только по ветру. Идет этак, бывало, спросишь его: куда, мол, ты, Проша? А так, мол, иду по ветру. Против уж не ходил...

На воде в бесчисленных отражениях лучей тепло. Пригревшись, Пронюшка всхрапывает и, вдруг очнувшись, начинает мочить водой лицо и голову.

— И надо мной шутили, — приободрившись, опять заводит он. — Продавал я как-то в районе огурцы. Отторговался, думаю: полагается... Кгхм!.. Привязал лошадь к заборчику, зашел. Моментом это я, значит, обернулся, подхожу к лошади — что за нечистая сила! Смотрю, телега по эту сторону забора, а лошадь — по другую. И не то чтобы распряглась да ушла, ничуть! Стоит запряженная, как была, а оглобли между досками просунуты. Выпимши-то не сразу и сообразил, в чем дело. Хожу вокруг, скотину браню на чем свет стоит. А в стороне наши парни ржут, как в театре. Ах вы, думаю, ососки эдакие! Шутить туда же! Стал их совестить, а они пуще ржут. Перепряг я лошадь да от сраму убрался поскорей.

Наконец ботик причаливает к усыпанному прошлогодней листвой бугру. Издалека доносится нежное покрякиванье чиркового маночка. Ваня и Пронюшка высаживаются и начинают подкрадываться, высоко поднимая ноги, чтобы не шелестеть листвой. К шалашу, сложенному из сосновых веток и припорошенному сенцом, они подходят со стороны лаза; Ваня кашляет и громко говорит:

— Ни пуха ни пера, хозяин!

— Вылезай, голубь, поглядим, какой ты есть, — добавляет Пронюшка.

В шалаше ни звука. Кто-то притаился там и, должно быть, наблюдает за подошедшими в щелочку. Наконец там слышится вздох облегчения:

— Фу, черти, как напужали! — Весь в сенной трухе из шалаша вылезает печник Жилин и поднимается с четверенек на ноги. — Я уж думал, агенты какие. Аж душа захолонула.

Печник — мужик прижимистый, жадный. Значит, за ружье он готов удавиться, и Пронюшке тем более интересно пошутить над ним.

— Стой! Ни с места! Бери у него ружье, Иван Василич! — кричит он тонким, срывающимся голосом и делает своей шомполкой артикул «штыком вперед коли».

Ваня берет из рук оторопевшего печника ружье, раскладывает его и вынимает патроны.

— Ишь ведь какую бескурковку-то справил, — укоризненно говорит он, почему-то истолковывая отличные качества ружья не в пользу его хозяина. — Нет, чтобы дешевенькой централочкой обзавесть, а то ведь «Зауэр», три кольца.

Жилин беспокойно перебегает взглядом с лукавого лица Пронюшки на строгое, со сдвинутыми бровями лицо Вани и не знает, как все это следует понимать.

— Ладно, мужики, ступайте своей дорогой,— хмурится он. — Всю охоту у меня отпугнете.

— Мы тебе отпугне-ем!..— обещает Ваня.— Мы вот на тебя акт составим. Подпишешь акт и получишь ружье обратно.

— Это как же? Не пойму я что-то.

— А вот так. Передам акт в охотничью инспекцию, там разберутся. Может, премию за отличную стрельбу дадут, а может, оштрафуют — это уж их дело.

Пронюшка не выдерживает и тихонечко прыскает.

— Пойдем, Прон!

— Правов не имеете! — кидается за ними Жилин.

— Найдем права.

— Ты, голубь, не суперечь. Правов у власти много, — ласково говорит ему Пронюшка.

— Власть-то его до околицы.

— Это как сказать, голубь.

— Ладно, бери, бери, — бубнит Жилин, идя за Ваней. — И на тебя управа найдется. Мы тоже не лыком шиты. У меня сын в районе всему начальству печи перекладывал. Прикажут — и отдашь, да еще с почтением. Знали мы таких шустрых. Коротко подстрижен ружья-то отбирать. Купи сперва такое.

К своему удивлению, Ваня и Пронюшка не находят ботика на прежнем месте. Похлюпывая днищем, он качается у тальниковых кустов метрах в десяти от берега.

— Ты последний выходил! Почему не втащил как следует? — напускается Ваня на Пронюшку.

— Вот и кукуйте тут до морковкиного заговенья, — злорадствует Жилин. — На моем-то ботике сын дрова из поймы возит. За мной будет к обеду, а то и к вечеру. Посмотрим еще, как вас взять отсюда.

— Теперича надо плыть. Не иначе плыть надо, — суетится Пронюшка.

Ваня начинает молча сбрасывать пиджак.

— Неужели плыть хочешь? — ахает Пронюшка. — А у меня вот малярея. Я плыть ни за что не могу.

— Давай, Иван Василич, я сплаваю, — предлагает вдруг Жилин. — Я попривычней буду, не раз по весне с ботика-то кувыркался.

— Обойдемся, — цедит Ваня сквозь зубы.

— Пущай сплавает, — урезонивает его Пронюшка. — Раз он привычный, пущай!

Ване и самому не хочется лезть в обманчивую весеннюю воду, но в свои двадцать четыре года он так молод, как тому и полагается быть, и сейчас им владеет еще не остывшее ревнивое чувство заводилы-мальчишки, который хочет быть всегда впереди и который никому не даст нырнуть дальше, вскарабкаться на дерево выше, добежать куда-нибудь быстрее и пойти на опасность раньше, чем он.

Раздетый уже по пояс, белый, мускулистый, с коричневым, огрубевшим на солнечном ветру лицом, он садится и начинает стаскивать сапоги.

Но и Жилин почти раздет. Он шагает через спущенные штаны, подходит к воде и, черпая ее широченными, привыкшими хватать кирпичи ладонями, растирает себе грудь, живот, поясницу.

— Стащи-ка, старина! — просит Ваня Пронюшку.

Тот берется за сапог и начинает тащить.

— За пятку надо! Ну что ты голенище-то сучишь? — сердится Ваня. — Никогда сапоги не снимал, что ли?.. Эй, Жилин, не моги без меня лезть в воду!

Но Пронюшка нарочно дергает тонкий хромовый сапог за голенище и, трясясь от смеха, припадает лбом к Ваниной ноге.

— Пу... пу... пу-щай спла-аваить, ежели привычный... — едва выговаривает он. — Ох, моченьки моей нету!.. Люблю шутить!

Когда ботик наконец у берега и Жилин выходит из воды, Ваня, хмурясь и глядя в сторону, хочет накинуть ему на плечи Пронюшкин тулуп.

— Нельзя этого, — важничая, объясняет Жилин. — Вот и видно, что застыл бы ты без меня, Иван Василич, прямо вовсе бы сомлел. Первое дело — надо растереться, чтобы всю наружность огнем палило, а потом, хоть в легкой одежде, ничего тебе не станет.

Он крепко растирается своими исподними, и кожа его даже на расстоянии начинает отдавать жаром.

— Ты теперича что же? С нами поедешь или сына ждать будешь? — спрашивает Пронюшка.

Жилин косится на свое ружье и, видя, что Ваня не собирается отдавать его, решает ехать.

Теперь, когда поднялся ветер и на плесах гуляет зловеще-темная волна с грязной пеной на гребне, а загруженный ботик подтекает, ехать становится опасно. Все напряженно молчат; лишь Жилин хриплым от волнения голосом командует:

— Носом держи к волне! Носом!

Наконец ботик с разгона почти наполовину выскакивает на берег. Все с облегчением закуривают.

— Ты бы, Иван Василич, того, не строжничал, — просит Жилин. — Наплюй на эти акты. Свой суд короче. Поладим как-нибудь.

Он искательно заглядывает Ване в глаза и, кажется, попроси Ваня, готов внести на крутояр. Пронюшка, который по стариковскому обычаю спит очень мало и не знает, чем занять долгий день, не прочь еще позабавиться. Он подмигивает Ване из-за плеча Жилина и отчаянно мотает головой.

— Поладим! — усмехнулся Ваня. — Мы и то попугать только хотели. А тебя — не-е-ет. Тебя нельзя так. Ты тогда всю пойму, как орешек, вылущишь. Нет, Жилин, с тобой мы по гроб жизни поладить не сможем. Какие же могут быть лады, ежели ты тайком по ночам колхозные травы выкашиваешь?

— Не мой грех, — гудит печник.

— И вообще вы, Жилины, шкуродеры, калымщики и отходники! — вскипает вдруг Ваня. — Трофим-то твой где? Небось, опять на сторону пасти ушел? А Петр? Дрова в пойме ловит, мережи ставит? А ты с Павлом? Опять скоро в город лыжи навострите печи перекладывать? В колхозе одну старуху ветхую оставишь, чтобы усадьбу по угол не оттяпали, так, что ли?.. Поладим! С февральским волком тебе ладить, шкуродер несчастный!

— Вот это да! Вот это кладут в штаны крапивы! — восторгается Пронюшка, хлопая себя по бедрам. — Ты, голубь, мотай на ус. Тебе правду говорят. А за правду не сердись: скинь шапку да поклонись.

— Молчи ты, прибаутошник! Черт линялый! — отмахивается от него Жилин.

Осыпая песок, все трое начинают подниматься на крутояр.

— Акт подписывать — это мы подождем, это мы еще посмотрим, — бормочет Жилин. — Надо сперва сыну сказать. Это мы не дураки, подписывать-то...

На венце все останавливаются перевести дух, потом Ваня идет в сельсовет, а Пронюшка и Жилин — по домам.

Однако не проходит и двух часов, как в кабинет к Ване вваливается Пронюшка.

— Жилин-то! Жилин-то! — закатывается он, падая грудью на стол. — Водкой меня потчевал. Говорит, акт не подписывай. Ох, помру!..

— Ну, а ты?

— Чего я? Выпил, конечно...

— Не подпишешь?

— Акт-то? За милую душу!

Ваня достает из ящика лист бумаги, исписанный крупным красивым почерком, и начинает читать вслух.

— Значит, писать? — спрашивает Пронюшка, когда чтение окончено.

Он долго вытирает слезящиеся от смеха глаза и в последний раз смотрит на председателя так, словно хочет сказать: «Свой все-таки... Может, пошутили и ладно?»

— Пиши, — говорит Ваня.

Тогда, приняв чрезвычайно серьезный вид, Пронюшка берет со стола ученическую ручку, опускает ее по самую железку в чернила и, пачкая ими пальцы, выводит: «Прон Игнатыч Лунев». Потом, склонив голову набок, долго любуется зеленовато мерцающими буквами и добавляет: «Сторож».

Владимир ВАРНО

Снег падал,
мокрый и мохнатый,
на пальмы,
гальку
и на мол.
Он таял
на плечах у статуй,
а все-таки
все шел и шел.

И там,
где скользкий пляж
и пристань,
где шлюпки хрупки и малы,
неудержимо
шли на приступ,
рыча и прыгая,
валы.

Косые,
в клочьях сизой пены,
веселой ярости полны,
с размаху
бухались о стену
и скатывались со стены.

И с каждым новым разворотом
их мощь уверенно росла.
Пусть гибли полчища без счета,
но новым не было числа.

Они оттуда приходили,
где силы моря так свежи!
— Увы, напрасные усилья, —
уныло скептик пробрюзжит.

А ты не слушай пустомелю
и утром погляди окрест:
весь пляж
от водорослей зелен,
и опрокинут волнорез!

Молодечно

Л. Т. Кокле. ЛИГО (латышский народный праздник).

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

О Тэк Ген. ЗАБАСТОВКА В ВОНСАНЕ В ЯНВАРЕ 1929 ГОДА. Корея.

Ким Рин Квон. ВОИНЫ-ОСВОБОДИТЕЛИ. Корея.

Международная выставка изобразительного и прикладного искусства на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов.

В. К. Калнрозе. В РЕЧНОМ ЗАЛИВЕ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

Киностудия „ЗИЛфильм"

И. ВЕРШИНИНА

Фото И. Тункеля.

Мчится стремительно автомобиль. Фары бросают вперед снопы лучей; лучи скрещиваются, расходятся, оставляя на экране надпись «ЗИЛфильм». Первый фильм самодеятельной киностудии Завода имени Лихачева, «Сева едет за город», вышел на экран. И хотя премьера эта, вероятно, не займет большого места в истории кино, в жизни кинематографистов автозавода она была очень важным событием.

Сколько времени думали они о ней, мечтали, долго и напряженно готовились и... не верили! Не верили, что когда-нибудь это произойдет: потухнет свет в зале, и на экране они увидят то, что создавали, чем жили весь этот год. Да разве только год!

Еще в школе Марат Ларин, Михаил Эфрус, Виталий Абрамов, держа в руках фотоаппараты, мечтали о кинокамерах, еще школьниками, занимаясь в детской художественной самодеятельности Дворца культуры ЗИЛа, они думали о кино. В 1956 году Марат Ларин решил организовать при Дворце культуры кинокружок. Желающих оказалось столько, что пришлось проводить набор в несколько туров.

И вот первый фильм создан.

В кружок приходит новое пополнение, теперь уже главным образом из автозаводцев. Поначалу заводская молодежь скептически отнеслась к этой затее. Как это так вдруг самим снять фильм? Не получится! Пустая затея. Сейчас, когда кружковцы одержали победу, доказали, что время потратили не зря, к ним потянулись и другие. В планах «ЗИЛфильма» теперь уже две кинокартины: одна хроникальная — о своем заводе — и одна художественная. О ней идут особенно горячие споры.

Шум, оглушивший нас, едва мы приоткрыли дверь с дощечкой «ЗИЛфильм», множество возбужденных лиц, в боевой готовности стоящая киноаппаратура — все это говорило о том, что съемочный день в разгаре.

В павильоне — он одновременно был гримерной, кабинетами главного режиссера и директора, светоцехом, операторским цехом, складом и репетиционным залом — шумели, размахивали карандашами, бумагами. О том, что горячие дебаты длятся не первый час, свидетельствовала пепельница, едва заметная под грудой окурков.

Из висевшего на стене расписания занятий киноколлектива мы узнали, что здесь идет обсуждение сценария будущего фильма.

Конечно, заманчиво экранизировать готовые хорошие рассказы — там и интересные образы, и волнующие конфликты, и занимательный сюжет... Но не правильнее ли будет поставить фильм по своему сценарию о жизни, столкновениях, быте заводской молодежи — ведь в этой среде кружковцам все такое близкое, знакомое, родное!..

Это был не схоластический спор: от слов тут же переходили к делу. Операторы и пиротехники, художники и актеры мгновенно проигрывали перед кинокамерой то, что предлагали, о чем спорили. Два — три человека вставали под ослепительные лучи софитов, все остальные группировались у киноаппарата. И поди тут разбери, кто режиссер, кто сценарист, кто осветитель, а кто местная кинозвезда. Все молоды, у всех хорошие, «киногеничные» лица, и с одинаковым энтузиазмом гуртом устремляются они к сценарному плану и к глазку киноаппарата, к монтажному столу и к гримерному зеркалу. И это не беспорядок, не хаос, не толчея. Это кинолюбители. Они любят кино, отдают ему весь свой досуг, и все процессы в нем для них одинаково интересны...

Общеизвестную истину: кино — искусство коллективное — здесь понимают по-своему.

Даже главную роль в кинокомедии — незадачливого долговязого Севу — играли в фильме... четыре человека, причем совершенно разного роста. Это, конечно, делалось не из стремления к оригинальности. Фильм весь снимался на натуре, а главный исполнитель роли Севы не мог отлучаться с работы.

В комедии есть эпизод: Сева, увлекшись завтраком, не замечает, что лодка отчалила. Весел нет, вода прибывает, растерянный Сева черпает воду ботинком... гребет руками... Севу в этом эпизоде играл инженер Михаил Ножкин. Съемка шла успешно, лодка уплывала. Актер делал все предусмотренное сценарием, пока эпизод не был отснят. Тут муки творчества сменились другими. Надо было возвращаться, а без весел с середины реки это сделать оказалось не так просто. Выручили хорошая спортивная подготовка, закалка и молодость.

Да, хорошая спортивная подготовка всех участников оказалась очень кстати. Ведь здесь нет ни цеха комбинированных съемок, ни высокой техники, ни опыта: все делается впервые, все открывается заново. Надо было снять бросающуюся на дерево за Севой собаку. Но собака была смирная и не реагировала на актера. Тогда на самую вершину влез оператор, за ним режиссер, но только когда догадались примостить кошку, собака стала проявлять требуемую по роли эмоцию...

Малейшая оплошность грозила порой срыву съемок. В эпизоде, где Сева падает в воду, актер оступился и действительно свалился в ручей. Крик вырвался из груди всех присутствующих. Это не была боязнь за жизнь актера: глубина ручья — 30—40 сантимет. ров,— но костюм героя взят напрокат в костюмерной «Мосфильма»...

Веселая комедия понравилась зрителям.

Кадры из фильма «Сева едет за город». →

Дневник ОГОНЬКА

Михаил Георгиевич Хутинаев.

Человек, спасший город

...Это было весной 1920 года. В столице Дагестана Петровске (ныне Махачкала) скопились штабы разгромленных деникинских дивизий. Железнодорожные пути, станция и порт были забиты эшелонами с боеприпасами и награбленным добром. Под страхом смертной казни деникинцы заставляли рабочих ремонтировать паровозы и вагоны.

— Не вешайте головы, друзья,— подбадривал товарищей председатель профкомитета машинист Михаил Георгиевич Хутинаев.— Беляки готовят город к эвакуации. Держите ухо востро!

В штормовую ночь, когда транспортные суда с войсками не могли отчалить от пристани, комендант станции полковник Фрельберт вызвал Хутинаева.

— Поведешь воинский состав. Не прибудешь вовремя — поставлю к стенке!

Хутинаев знал: готовится кровавая расправа над партизанскими аулами. Козырнув коменданту, он быстро зашагал в депо. Пока в вагоны грузили пушки и снаряды, подпольщики-большевики развернули агитацию среди солдат.

Когда поезд тронулся, в паровозную будку вскочил смазчик.

— Все в порядке. При первых выстрелах остановим поезд,— сказал он машинисту и вытащил из-под угля сундучок с ручными гранатами.

Ниточка рельсов потянулась от моря в горы. Начался подъем. Пора! Когда Хутинаев уменьшил скорость, в вагонах загремели выстрелы. Поезд остановился.

Через полчаса все было кончено. Захватив боеприпасы и вооружение, солдаты ушли в горы к партизанам. А Хутинаев повел опустевший состав назад к Петровску.

Где-то вдали на севере ухали пушки, зарницы разрывов озаряли темное небо, но на станции не было слышно ни паровозных свистков, ни рожка стрелочника. На паровоз поднялся смертельно бледный комендант.

— Подтянуть вагоны с пироксилином! Да скорей поворачивайся, все полетит к черту! — крикнул он машинисту.

Хутинаев понял: готовится страшное преступление. Взорвать пироксилин, зажечь составы со снарядами, бензиновые баки, взорвать весь город, превратить его в пылающий костер, остановить продвижение красных войск к нефтяному Баку — таков был злодейский план деникинцев.

Хутинаев оцепенел от сознания своего бессилия.

— Ты что, трусишь? — пригрозил комендант, вынимая пистолет.

Под дулом пистолета Хутинаев прицепил вагоны с пироксилином к паровозу и подтянул их на главный путь.

— А теперь убирайся к дьяволу! — крикнул комендант и спрыгнул с паровоза.

Но Михаил Георгиевич не покинул паровоза. Немного переждав, он взялся за реверс и тихим ходом неслышно стал выводить состав с пироксилином к семафору. Промелькнули огоньки путевых казарм, последних домишек окраины. Хутинаев облегченно вздохнул и дал скорость. Когда над морем взвилась сигнальная ракета и канонерки белых начали обстреливать станцию, нащупывая вагоны с пироксилином, смертоносный поезд уже мчался по берегу моря далеко от города. Только на 27-м километре, на разъезде Уйташ, Михаил Георгиевич остановил состав с пироксилином. Зная, что белые все равно не откажутся от попытки взорвать город, охваченный тревогой за его судьбу, за судьбу товарищей, родных, машинист решил вернуться в Петровск. Подъезжая к станции, он заметил на путях яркий синий огонек, который змейкой подползал к брошенному белогвардейцами бронепоезду «Олег». «Горит бикфордов шнур, подготовлен взрыв!» — догадался машинист. Затормозив паровоз, он бросился к горящему шнуру и затоптал огонь.

Город Петровск, вокзал и порт, жизни сотен людей, многомиллионные богатства были сохранены для молодой Советской республики.

Страна высоко оценила геройский подвиг Михаила Георгиевича Хутинаева: он был награжден орденом боевого Красного Знамени. Благодарные земляки-горожане назвали одну из улиц Петровска его именем.

...Сейчас старый машинист — персональный пенсионер. Но его часто можно видеть в железнодорожных мастерских у паровозов и станков, он беседует с молодыми рабочими, передает им свой опыт работы, делится воспоминаниями о боевом прошлом.

И. ПОНЯТОВСКИЙ

КОРИФЕЙ ШАХМАТНОЙ МЫСЛИ

Пятьдесят лет назад в городе Люблине умер великий русский шахматист Михаил Иванович Чигорин.

Чигорин являлся не только выдающимся мастером-художником шахматного искусства, но и крупным общественным деятелем, видным литератором. Организованные и руководимые им журналы «Шахматный листок», «Шахматный вестник», «Шахматы», а также шахматные отделы в периодической прессе сыграли большую пропагандистскую роль в развитии шахмат в России. При непосредственном участии Чигорина во многих городах России были созданы кружки, в которых число любителей шахмат измерялось тысячами.

Рассматривая шахматы как искусство, Михаил Иванович посвятил им свою жизнь, был первым русским гроссмейстером, первым претендентом в борьбе за звание чемпиона мира.

Чигорина правильно называют основоположником русской шахматной школы, воспитателем целой плеяды видных шахматистов.

Чигорин с большим успехом представлял русское шахматное искусство на международных турнирах, где обычно добивался крупных успехов. В Будапеште (1896 г.) и в Вене (1903 г.) он был первым призером. Его игра, отличавшаяся богатством творческой фантазии, смелостью, нетерпимостью к шаблону и догме, снискала к себе симпатии во всем мире и создала ему мировую славу.

Недаром чемпион мира того времени Вильгельм Стейниц, когда к нему обратились с вопросом, кого он считает наиболее достойным своим противником, не задумываясь, назвал Чигорина. В теории шахмат Михаил Иванович был крупным новатором.

Чигорин был победителем первого, второго и третьего всероссийских турниров (1899, 1901, 1903 годы), а в 1906 году выиграл матч у победителя 4-го Всероссийского турнира Г. Сальве и, таким образом, оставался непобедимым у себя на родине до самой смерти.

В личной жизни Чигорин был простым человеком, и все его современники вспоминают о нем с исключительной теплотой.

Известен случай, когда юные шахматисты, ученики одной из петербургских гимназий, задумали пригласить к себе Чигорина для сеанса одновременной игры. Квартира Чигорина находилась далеко, и пока посланные делегаты добрались к нему, был уже 11-й час вечера.

Чигорина они застали за работой: он готовил очередной шахматный отдел для журнала «Нива». Делегаты с большим смущением сообщили ему о цели прихода.

— А много вас там? — спросил Михаил Иванович.

— Человек десять,— ответили ребята.

— Маловато,— сказал Михаил Иванович.— Поедем, но с условием, чтобы в следующий раз было не меньше двадцати!..

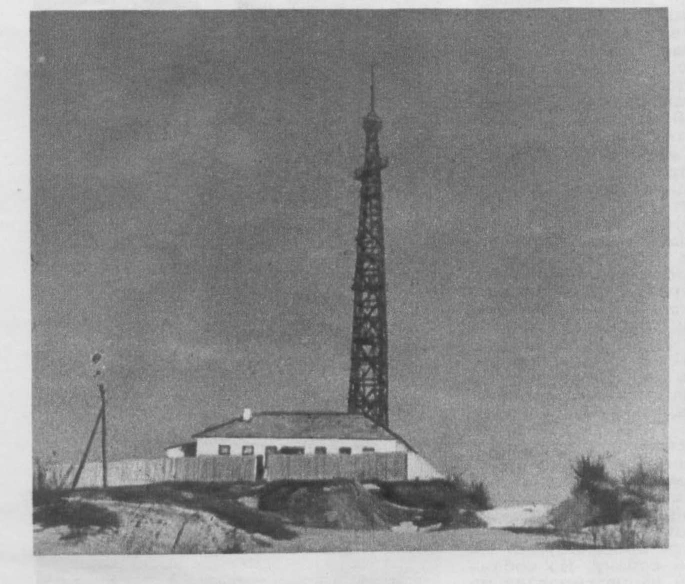
Чигорин играл с молодежью до 3 часов ночи и покорил их простотой обращения и своей блестящей игрой. Он вышел из «борьбы» полным победителем.

Михаил Иванович мечтал сделать шахматы народной игрой и верил, что рано или поздно это случится.

Советские шахматисты воплотили в жизнь мечты Чигорина. В СССР в шахматы играют миллионы. Своеобразный, творчески яркий стиль чигоринской игры, переходя из поколения в поколение, сохранился в основных чертах и в игре советских шахматистов.

П. РОМАНОВСКИЙ,
заслуженный мастер спорта.

ПОКАЗЫВАЕТ РАЙОННЫЙ ТЕЛЕЦЕНТР

Идет передача. Радиолюбители Б. Шумов (стоит) и Е. Антонович у пульта управления.

Фото М. Ципорина.

Недавно на окраине Каменки (небольшого городка в Пензенской области) выросло новое здание и рядом с ним — ажурная вышка. Это районный телевизионный центр.

Началось все с того, что преподаватели технического училища Б. Шумов, Е. Антонович и В. Гурьев собрали телевизор и начали принимать передачи из Москвы. Потом задумались: а почему бы нам не создать свой телецентр?

Инициативу радиолюбителей поддержали в райкоме партии и руководители завода «Белинсксельмаш». На одном из московских предприятий изготовили аппаратуру, которую затем смонтировали в Каменке своими силами. И вот в эфире прозвучало:

— Внимание, начинаем первую передачу...

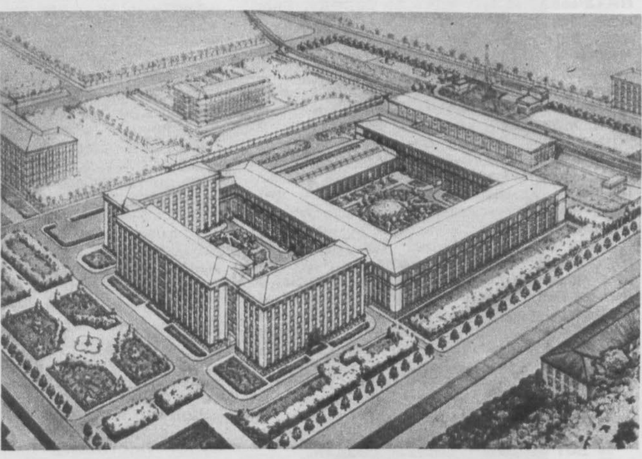
В домах рабочих, в молодежных общежитиях Каменки, в окрестных колхозах засветились экраны телевизоров. Сейчас их насчитывается уже около двухсот.

Каменский телецентр показывает художественные, научно-популярные и документальные фильмы, спектакли столичных театров, снятые на пленку.

О. АЛЕКСАНДРОВ

Дневник ОГОНЬКА

Комбинат «Радянська Україна»

В Киеве сооружается огромный комбинат печати издательства «Радянська Україна». Комбинат будет ежесуточно потреблять около двадцати вагонов бумаги. Здесь предполагается набирать и печатать 12 республиканских газет и 19 журналов.

Комбинат оборудуется по последнему слову техники. Первая очередь его — газетно-ротационный и газетно-стереотипный цехи — вступит в строй в этом году.

В. БАУТНОВ

В лаборатории медико-биологической станции. Профессор В. А. Неговский (справа на втором плане) и его сотрудники оживляют обезьяну.

СМЕРТЬ ОТСТУПАЕТ

Свыше 20 лет коллектив лаборатории экспериментальной физиологии по оживлению организма Академии медицинских наук СССР работает над проблемой борьбы со смертью на крайних этапах умирания. В результате кропотливого труда создана комплексная методика оживления организма, которая все шире внедряется в клиническую практику.

Известны случаи, когда люди, получив тяжелые травмы или не выдержав сложной операции, оказывались в состоянии так называемой клинической смерти, но их с помощью разработанной лабораторией методики возвращали к жизни.

Однако оживление удается, если состояние смерти продолжается не свыше 5—6 минут.

Как перешагнуть эти 5—6 минут и сделать возможным оживление организма спустя более продолжительное время после прекращения деятельности сердца и дыхания? Над решением этой проблемы продолжает трудиться коллектив лаборатории под руководством профессора В. А. Неговского.

Несколько лет назад с этой целью в лаборатории стали применять искусственное охлаждение организма (гипотермию). При этом исходили из предположения, что при более низкой температуре будет значительно медленнее происходить распад клеток.

Первые опыты производились на собаках. Удалось добиться оживления собак в искусственно созданной низкой температуре не через 5—6 минут, а через целый час после наступления клинической смерти.

Сейчас опыты перенесены на обезьян. На этот раз мы встретились с профессором В. А. Неговским и группой его сотрудников в Сухуми на медико-биологической станции Академии медицинских наук СССР, располагающей самым крупным в нашей стране питомником обезьян.

— Мы твердо убеждены,— сказал профессор,— что человек в условиях искусственного охлаждения также может быть оживлен не через 5—6 минут, а спустя более продолжительное время после смерти. Опыты с обезьянами как раз и помогут нам решить этот вопрос. Нами уже оживлены три обезьяны. Две из них, Марианка и Астрин, перенесли десятиминутную смерть, а обезьяна Кефа — двадцатиминутную клиническую смерть. И они чувствуют себя так, будто с ними ничего не произошло. Опыты мы продолжаем. Изучение процессов умирания и оживления обезьян в условиях гипотермии дает нам много ценного в борьбе за жизнь человека.

И. ЗАЙЦЕВ

Полвека спустя...

В журнале «Огонек» № 34 за 1957 год наше внимание привлекла заметка «На пороге столетия». В ней речь шла о профессоре Киевского университета Б. Я. Букрееве, которому недавно исполнилось 98 лет. И мы вспомнили, что в Ташкенте живет один из многочисленных учеников Б. Я. Букреева — ныне доктор архитектуры, заслуженный деятель науки Узбекской ССР Леонид Николаевич Воронин, которому скоро исполнится 80 лет...

Л. Н. Воронин, оказывается, тоже читал заметку в «Огоньке» о своем старом учителе. После полувекового перерыва он послал в Киев письмо и получил ответ. В связи с этим хочется сказать несколько слов о Воронине.

Будучи еще до революции студентом Московского университета, Леонид Николаевич слушал лекции К. А. Тимирязева, работал у него в лаборатории. Из университета Воронин был исключен из-за «неблагонадежности». Продолжать учебу удалось в Киевском политехническом институте.

С дипломом инженера приехал Л. Н. Воронин более сорока лет назад на работу в Туркестан. После революции Леонид Николаевич становится одним из организаторов технического образования в молодой Узбекской республике. Много лет отдал Воронин Среднеазиатскому политехническому институту, воспитав не одно поколение специалистов.

Л. Н. Воронин.

С. БЕРЖАНЕР

Мирмекий выходит из-под земли

Решительно трудно поверить, что эти каменные постройки почти две тысячи лет были погребены под землей! Очень уж крепкими, прочными выглядят четырехметровые крепостные стены, тянущиеся вдоль узеньких улочек, под которыми проложены закрытые водосточные канавы. Улицы, как и примыкающие к ним тесные дворики, тщательно вымощены. В некоторых дворах — ровные круглые площадки, будто из цемента, окрашенные в своеобразный темно-розовый цвет. От площадок тянутся желоба к таким же темно-розовым четырехугольным колодцам.

— Что же стекало в колодцы?

— Вино, молодое виноградное вино,— отвечает нам профессор Виктор Францевич Гайдукевич и, оживленно жестикулируя, показывает: — Сюда вот свозили урожай винограда. Виноград укладывали на эти вот плиты и рычажными прессами выжимали сок.

Не менее подробно профессор объясняет и свойства строительного материала, так напоминающего современный цемент: смесь битой черепицы с известковым раствором гарантировала желобам и колодцам полную водонепроницаемость.

Когда слушаешь Виктора Францевича, то кажется, будто сам он был жителем древнего города Мирмекия на берегу Керченского пролива. И не нужно большого воображения, чтобы, глядя отсюда на море, представить себе парусные и гребные суда, приплывавшие с Эгейского моря, из портов Эллады. Ведь таким именно путем попала сюда глиняная амфора, которую держит в руках профессор,— ее привезли в Мирмекий с острова Хиос в IV веке до нашей эры.

О Мирмекии — одном из городов Боспорского царства — встречаются упоминания у античных писателей Птолемея, Плиния-Старшего, Псевдо-Скилака. В описании Крыма, составленном Страбоном в начале нашей эры, даже точно указывается местоположение Мирмекия: в двадцати стадиях от Пантикапея — столицы Боспорского царства. В переводе на современные меры длины это составляет около трех с половиной километров. Именно на таком расстоянии от центра Керчи (на месте которой стоял Пантикапей) ведутся в наши дни археологические раскопки.

Еще в середине тридцатых годов В. Ф. Гайдукевич — в то время молодой ученый — начал здесь свои исследования. Ныне под его руководством вот уже второй год работает советско-польская боспорская археологическая экспедиция. Наряду с сотрудниками Института истории материальной культуры Академии наук СССР, Ленинградского университета и Государственного Эрмитажа в экспедиции участвуют член Польской академии наук К. Михаловский, профессор Краковского университета М. Бернард, доктор В. Лепик-Копачинская, архитектор Вл. Терлецкий.

Кварталы древнего города Мирмекия на берегу Керченского пролива.

Советские и польские археологи обнаружили при раскопках Мирмекия немало городских построек, самые древние из которых относятся к концу VI века до нашей эры и самые поздние — к III веку нашей эры. Мощные крепостные стены, подземные водостоки, обломки глиняных водопроводных труб, красочно расписанные куски штукатурки, мощеные улицы свидетельствуют о высокой культуре древнего города. Давильни и резервуары для хранения вина указывают, что в Мирмекии было высоко развито виноградарство и виноделие.

Обширная коллекция находок археологов поступила в собрание Государственного Эрмитажа. Часть ценных памятников культуры древнего города увезли с собой польские ученые. Первые результаты совместных исследований советских и польских археологов публикуются в сборнике, издающемся в Варшаве.

С. МЕСЯЦЕВ

Домашний музей

Тринадцатая квартира во втором блоке Дома специалистов — адрес этот хорошо известен многим жителям Витебска. В свободное время сюда часто приходят рабочие, студенты, научные работники институтов, учащиеся школ. Хозяин, бывший преподаватель медицинского института, пенсионер Иван Данилович Галькевич, сразу же приглашает гостей в комнату, где, по его словам, он проводит лучшие часы своей жизни. Ее можно сравнить с музейным уголком. Здесь множество самых различных предметов: щиты с медалями и монетами, фаянс, фарфор, старинная бронза, мрамор, стекло, живопись, резьба по камню, старые книги... Иван Данилович, которому сейчас 63 года, с детских лет занимается коллекционированием. Больше всего полюбилась ему нумизматика. К 1928 году у него уже было более пятисот различных русских медалей и монет, ценные предметы старого белорусского быта. Он безвозмездно подарил свою коллекцию Витебскому музею. После войны И. Галькевич вернулся в родной Витебск и продолжал сбор экспонатов.

Подолгу задерживаются посетители около денежной коллекции. Здесь собрано свыше четырех тысяч древних золотых, бронзовых и серебряных монет и медалей — монеты Рима, Греции, Византии, Швеции, Португалии, монеты-малютки, чеканенные при Иване Грозном.

Иван Данилович Галькевич в своей комнате-музее.
Фото П. Азарченко.

Почти нет того дня, чтобы этот своеобразный музей не пополнялся чем-нибудь новым. Весь свой достаток Иван Данилович тратит на приобретение экспонатов. Все собранное приобретено в Витебске или на территории Витебской области.

Посетители, покидая этот гостеприимный уголок, оставляют в книге отзывов много теплых слов.

С. ШАИРКО

Индустрия „думающих" машин

Инженеры налаживают машину «Урал», предназначенную для отправки в Индию.

В. ПЕКЕЛИС

Фото автора.

В невысоких прохладных корпусах то и дело видишь надписи: лаборатория, лаборатория, лаборатория... В белых халатах, склонившись над столами и приборами, сидят инженеры, техники, рабочие. В их руках мелкие детали и миниатюрный инструмент: маленькие паяльники, небольшие кусачки, пинцеты, крошечные сверла. В ящиках лежат электронные лампы — высокие и низкие, темные и светлые. Тут же небольшие кубики-коробочки всевозможных конденсаторов, тонкие трубочки с усиками — сопротивления, пластмассовые детальки и миниатюрные усилители на пальчиковых лампах и полупроводниках и бесконечная паутина разноцветных проводов. Позже все это будет вмонтировано в тонкие ажурные каркасы — «скелеты» будущих машин.

А сами «скелеты» делаются в механическом и каркасно-сварочном цехах.

Вспомогательных цехов много. Всех не обойти. Но вот один из них нельзя оставить без внимания — это цех намотки. За небольшими столиками, склонившись над тихо жужжащими машинами, сидят девушки-намотчицы. Ровно, виток к витку, маленький станок мотает тончайшую проволочку. Толщина ее — пять сотых миллиметра! Намотка идет ряд за рядом, сразу заполняя пять секций.

— А ведь еще совсем недавно,— говорит намотчица Елена Буслова, — проволочку мотали вручную, каждую секцию отдельно. Теперь у нас перед глазами счетчик. Взглянул — и видишь, сколько метров какого проводника в секциях.

...Можно долго ходить по заводу счетно-аналитических машин, присматриваясь к цехам и участкам, но ничего специфического для предприятия, производящего стальных «математиков», не увидишь, пока не побываешь в больших залах цеха моделирующих установок. Здесь идет сборка, монтаж и настройка машин. Здесь сразу вас охватывает трепет: на ваших глазах из деталей-крошек с помощью инструментов-малюток рождаются «думающие» машины, иную из которых не во всякую большую комнату поместить можно. Стоит пройти по рядам, и видишь рождение блоков-усилителей, блоков управления, программных блоков, блоков-коэффициентов. Все они компактно монтируются в тонкие металлические ящики с двумя откидными ручками наверху и спереди.

На участке сборки блоки вставляют в высокие шкафы-стойки. Получаются секции, похожие на картотечные шкафы библиотеки: такие же окошки-вырезы для надписей и удобные ручки, позволяющие легко задвигать и выдвигать блоки. Внешне секции почти одинаковы. Но каждая группа их выполняет свою сложную работу.

В отдельном блоке собран небольшой, с виду простой пульт управления: два рычажка — «решение», «контроль», две кнопки — «пуск», «остановка». Под стеклом, словно циферблат шахматных часов,— счетчик импульсов.

Электронная математическая машина непрерывного действия готова. Но прежде чем она поступит к потребителю и начнет решать сложные системы линейных дифференциальных уравнений, она должна пройти наладку, настройку, испытание.

Этот процесс идет непрерывно на всех стадиях производства: и когда изготовляют отдельные детали, и когда монтируют небольшие устройства, и когда собирают блоки, и когда составляют секции... Как же может быть иначе,— математическая машина не имеет права ошибаться! Нужны абсолютная надежность и предельная точность.

Еще более сложна и трудоемка проверка и настройка электронных цифровых машин.

Вот стоит «раздетая» универсальная цифровая вычислительная машина «Урал», созданная группой инженеров под руководством Б. Рамеева. Сняты стеклянные дверки шкафов-стоек. Рядом осциллограф. От него тянется провод к тонкому зажиму. Он мелкими, острыми зубчиками впился в место спайки проводничка в одном из устройств машины, и на экране осциллографа замелькала зеленая змейка.

Идет проверка схемы, потом наладка.

Отношение наладчика к машине напоминает отношение учителя к ученику. «Урал» решает задачи, ответ которых наладчик знает. Часто ответ не сходится. И тогда ищут ошибку: где и в чем «соврала» машина. Любую установку, а тем более «думающую», наладить не так-то просто. Инженеры будут «гонять» ее до тех пор, пока она, как рояль у хорошего настройщика, не станет давать во всех октавах нужный тон.

На пульте управления прямо перед оператором — часы. Четко выбивает стрелка секунды. Как бы вторя ей, на панели то зажигаются, то гаснут пунктиры красных сигнальных лампочек. Инженер, принимающий машину, смотрит на них и, словно по книге, читает, где, что и как делается в машине.

Инженер заглядывает в тетрадь с записью безошибочного хода решения задачи. Поймал ошибку — спеши: машина ждать не будет. Она работает быстро, и ошибки растут, как снежный ком.

Шурша разматывается лента «магнитной памяти». Греется, гудит машина. На термометре тридцать восемь градусов. Жарко. Потрескивают переключатели.

— Посмотрите, что нужно сделать,— говорит наладчик инженеру,— выборки нет!..

Хорошо работает «Урал», но если закапризничает...

Так и сегодня. Смена кончилась, но в журнале наладчик пишет: «Машину не выключать»,— и ставит жирный восклицательный знак. Машину будут еще проверять и проверять.

...Идет серийный выпуск «Урала». Готова головная машина № 1. Наладчики «гоняют» вторую, с английскими надписями на пульте управления. Это экземпляр для Индии. Стоит под проверкой третья.

«Урал» работает. Теперь машине под силу инженерные расчеты научно-исследовательского института, конструкторского бюро, высшего учебного заведения. Она может заменить 400 вычислителей с автоматическими арифмометрами. Ее скорость — 100 операций в секунду. Систему дифференциальных уравнений, описывающих движение самолета, «Урал» решает за 4 часа; обычный путь решения займет больше года — 400 дней!

У машины есть собратья. Они созданы из тех же элементов, что и «Урал». Это уже машины специального назначения с высокой точностью вычислений — сотые, тысячные процента! Они гораздо меньше «Урала», экономичнее и удобнее.

Для расчетов долгосрочных метеорологических прогнозов, для вычислительных работ в геодезии и картографии конструкторы во главе с Н. Масловым создали новую машину-автомат. Название ее соответствует назначению — «Погода».

Электронная моделирующая установка «ЭИ-С» — самая большая среди известных машин подобного класса. Сложнейшие задачи подземной гидравлики, расчеты рациональной разработки нефтяных месторождений даже с автоматическими арифмометрами требуют 200 человеко-месяцев труда расчетчиков на 100 скважин. А «ЭИ-С»? Эта модель-богатырь позволяет исследовать в 70—80 вариантах все расчеты, необходимые для расположения 50 эксплуатационных и 250 нагнетательных скважин. И на все уходят не многие месяцы, а только 2—3 дня!

Другая машина. Она хоть и невелика, но велики будут ее дела. Даже человек, не знающий, для чего она предназначена, при первом взгляде скажет: «Связана с железной дорогой». Об этом говорят надписи на панели: программа профиля пути, подъем, уклон, начальная скорость, тяга.

...Растет и растет выпуск математических машин. Стремительно вверх поднимается линия на диаграмме. Отправная точка — 1950 год. Проходит пять лет — 737 процентов! Проходит еще год — и небывалый скачок: цифра перевалила за тысячу — 1 171 процент!

В шестой пятилетке выпуск математических машин будет увеличен в 4,5 раза. Это даст возможность перейти к новой фазе индустриального развития страны.

ПОГОНЩИК ВОЛОВ И СТАЛЬНОЙ ЯСТРЕБ

Рассказ

Бахабани БХАТТАЧАРИЯ
Индийский писатель

Рисунки А. КОКОРИНА.

Это произошло на восходе солнца, и звуки, похожие на барабанную дробь, огласили окрестности. Мужчины бежали с полей, на ходу вытирая о дхоти[1] перепачканные землей руки. Женщины громко звали детей, и голоса их звучали резко и пронзительно. А дети плясали от восторга и с визгом хлопали друг друга по спинам.

— Слышали? — вопили они.— Летающее чудо! Мы полетим на нем в небо!

— Мы дотронемся до облака, мы сожмем его в кулаке, чтоб из него пошел дождь!

И все это потому, что на большом лугу, раскинувшемся к западу от индийской деревушки Сонамитти, стояло летающее чудо; солнце сверкало на его крыльях, а толпа вокруг росла с каждой минутой.

Погонщик Бишан запряг в повозку свою пару волов и тронулся туда же, куда спешили все люди. Он уговаривал волов бежать быстрее, стегал их толстым коротким хлыстом и даже раза два дернул каждого за хвост.

— Чак! Чак! — кричал он.— Живей! Не спите на ходу, братцы!

[1] Дхоти — род мужской одежды; кусок материи, обертываемой вокруг бедер и спускающейся до колен.

Нельзя было терять ни секунды. Летающее чудо в любой момент могло улететь. Кто знает, может, такое событие бывает с человеком лишь раз в жизни! Конечно, и здешним людям случалось видеть это чудо в небе — оно походило на какую-то большую незнакомую птицу, сверкающую крыльями в голубой дали; иногда его, словно блуждающую звезду, видели и ночью, но никому в деревне не доводилось видеть летающее чудо на своем поле, будто обыкновенную повозку, стоящую на земле; никому не случалось дотронуться до этой крылатой штуки!

Но зачем она прилетела сюда? Неужели только для того, чтобы отдохнуть немного на твердой земле? А может быть, тут кроется какая-нибудь другая причина, как намекают люди?

Деревянные колеса резали глубокую дорожную пыль. Волы бежали рысью, и от непривычной быстроты движения широкие бока их тряслись и раскачивались из стороны в сторону.

— Чак-чак! — подбадривал их Бишан.—Веселей, почтенные! Быстрей, дух из вас вон!

Когда повозка поравнялась с сельским Храмом Науки, как называли здесь школу, где жил деревенский учитель, из дверей школы послышался голос молоденькой жены учителя Камини:

— Эй, погонщик! Не подвезешь ли нас на луг, где опустилось это летающее чудо?

К ступням ног Камини пристала красная пыль. Одной рукой она придерживала накинутый на голову конец сари, за другую руку уцепилась ее шестилетняя дочка Баблу.

— Сколько возьмешь? — спросила Камини, когда повозка остановилась возле школы.

— Что ты, мать, я сам еду туда же! Как я могу брать с тебя плату? — Тут взгляд погонщика упал на крытую соломой крышу кухни, и лицо его расплылось в улыбке.— Ай-яй-яй, какая тыква у тебя растет!.. А усики-то у нее гибкие, упругие!.. А цветы-то, цветы какие!..

— Первая поспевшая тыква будет твоей.

Сделка была заключена, и Камини вместе с дочерью забралась в повозку.

Зазвенели колокольчики, и повозка покатилась по дороге, которая шла сначала вдоль опушки тенистой манговой рощи, а потом красной лентой запетляла среди ярко-желтых рисовых полей. Высокие колосья риса упруго склоняли под ветром свои отягченные полными зернышками головки.

— Никогда уж не увидит она этого чуда,— тихо, словно про себя, произнес погонщик волов, печально покачав коротко остриженной головой.— Что за злая судьба! Даже в такой день эта проклятая подагра не дает ей шевельнуть ни одним пальцем. Вся деревня будет глазеть, только ей нельзя!

— О ком ты, погонщик?

— О моей старой бабушке. Бедняжка, она же помешана на всяких хитроумных машинах, совсем помешана. Как и раньше, в далекие дни ее молодости, когда здесь только что проложили железную дорогу.

— Железную дорогу? — удивленно спросила Камини.— Но ведь ее провели здесь чуть ли не сто лет тому назад.

Погонщик улыбнулся.

— А ты думаешь, бабушке меньше? Это случилось, когда ей было лет четырнадцать — пятнадцать...

— Что случилось? — воскликнула Камини.— Расскажи, погонщик! — умоляюще произнесла она.

— Железнодорожную станцию построили в Чурни, это в часе ходьбы от нашей Сонамитти.

— Да, я знаю. А дальше что?

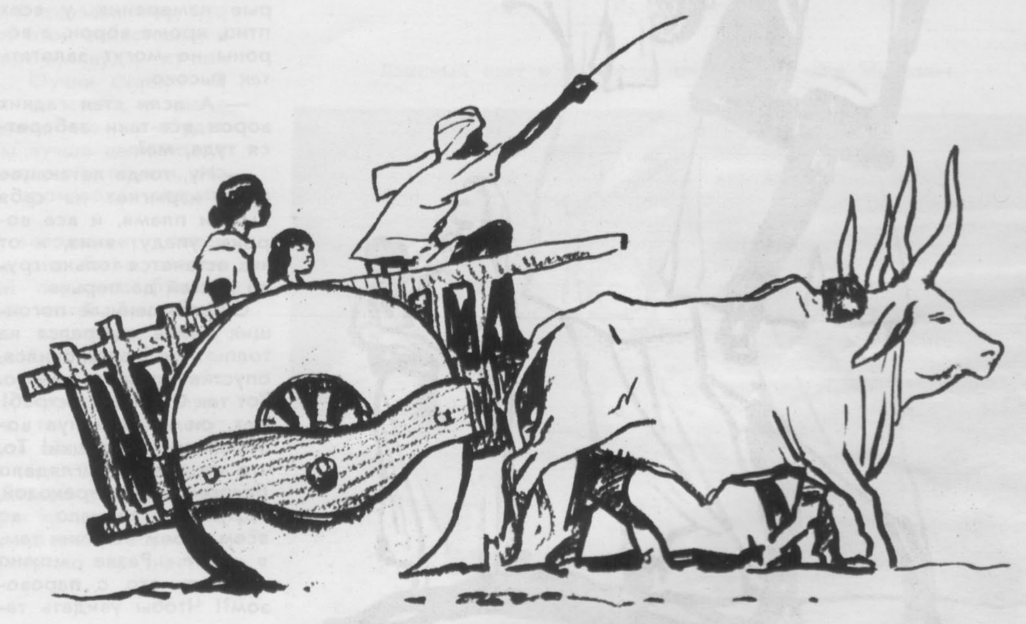
— Бабке тогда было лет четырнадцать — пятнадцать. Она только что замуж вышла.

— Ну, рассказывай же,— нетерпеливо сказала Камини, так как погонщик снова умолк.

— После того, как построили железную дорогу, бабка не раз видела паровозы, когда они грохотали мимо деревни и выдыхали черный дым из своей толстой ноздри. Но никогда еще не случалось ей потрогать это чудовище. Дед давно уже догадывался о ее заветном желании и однажды отвез ее на своей повозке в Чурни. Наконец-то стояла бабка рядом с паровозом, а тот был спокоен, как слон. Наконец-то могла она протянуть руку и дотронуться до его железной шкуры.

Теперь уж Бишан весь ушел в свой рассказ, он говорил так, словно сам был свидетелем этой сцены. Он забыл о волах, повернулся к слушателям, и речь его потекла быстрее.

— Так вот, однажды дед привез ее в Чурни. Они ждали долго. Потом услышали вдали грохот. Паровоз приближался на всех парах. Это было настоящее чудовище. К паровозу были прицеплены большие крытые повозки из стекла и металла, они сверкали свежей краской. Бабушка стояла, затаив дыхание, не в силах пошевелиться. Однако поезд вряд ли собирался стоять долго, и дедушка напомнил ей об этом. Только тогда бабушка пришла в себя. Прежде всего она нагнулась, чтобы посмотреть на множество колес, на которых стояли вагоны. Затем подошла к паровозу; его туловище, похожее на бочку, было забрызгано маслом, словно вспотело от тяжелой работы. Бабушка внимательно оглядела паровоз и человека в черных штанах, который управлял этим дрессированным чудовищем. Потом она повернулась и пошла вдоль поезда, заглядывая то туда, то сюда; она увидела и лампы, которым не надо масла, чтобы гореть, и вентиляторы, которым не надо рук, чтобы приводить их в движение. Все осмотрели ее глаза, каждую вещь, каждого пассажира, женщину, ребенка, мужчину. Наконец, когда паровоз, словно громкоголосая кукушка, дал длинный гудок и, пыхтя, тронулся, а за ним быстро и плавно, будто по стеклу, за-

скользили вагоны, бабушка снова замерла, затаив дыхание. И прошло довольно много времени, прежде чем она вновь обрела дар речи.

Она повернулась к дедушке и сказала: «Вот это поистине сила! Должно быть, я совершила в прошлой жизни много добрых дел, что удостоилась увидеть его». И, закрыв глаза и сложив ладони, она в глубоком поклоне склонилась перед этим «воплощением силы». Дед разразился смехом, увидев это, но, видно, на глаза у него все-таки навернулись слезы. Через два дня они опять поехали в Чурни. На этот раз дедушка купил два билета. Они ехали на поезде. Они ехали до следующей остановки. Домой они возвращались пешком.

На некоторое время Бишан замолчал, словно ему было трудно оторваться от созерцания картин прошлого и вернуться к настоящему.

— Стара она теперь стала,— хрипло прозвучал его голос,— а все еще помешана на хитроумных машинах, помешана так же, как и в давно прошедшие молодые годы.

— Какая досада, что она не увидит летающего чуда! — Камини с сожалением покачала головой.— Это бы ее взволновало, как и в те дни.

— Она-то и приказала мне мчаться туда и посмотреть это чудо. Потом она увидит его моими глазами. Она захочет знать все: как оно выглядит, чем пахнет...

Наступило молчание. Погонщик подстегнул волов:

— Эй, братья осла! Вперед, дух из вас вон! Быстрей, быстрей!

Маленькая Баблу, которой наскучил неинтересный разговор, оживилась и тоже закричала.

— Вперед! Быстрее! — подгоняла она и животных и человека.— А то мы опоздаем, и крылатое чудо улетит.

Наконец показалась толпа, плотной массой стоявшая на лугу. Повозка остановилась. Бишан распряг волов.

— Дорогу матери из Храма Науки! — кричал он, осторожно прокладывая в толпе путь шедшим за ним Камини и ее дочери.

Такое маленькое! Бишан был разочарован. Разве ж это чудо! Стрекоза, да и только! Куда ему до исполина-паровоза! Особенно забавны эти два колеса, словно в небе есть дороги, вымощенные булыжником. Представьте себе ястреба, у которого вместо лап колеса. И крылья слишком жесткие, вряд ли их можно складывать или даже махать ими. А хвостто, как плавник у рыбы! Из морды торчат какие-то широкие металлические мечи — что ж, это хорошее оружие! Наверно, летчик, когда сражается в воздухе, насквозь протыкает врага этими мечами...

Да, бабушка ничего почти не потеряла... Бишан почувствовал облегчение и радость. Только, пожалуй, не стоит разочаровывать ее. «Бабушка,— скажет он ей,— эта летающая повозка в два раза больше паровоза. А пушки торчат из нее, как иглы из дикобраза. Никакому врагу не уйти от такого чудовища. На него даже смотреть страшно... И пахнет от него, как от солдата в походе». Бабушка будет внимательно слушать и довольно покачивать головой. «Таким я себе и представляла его,— скажет она.— В «Рамаяне», нашем древнем сказании, описана такая летающая колесница; она, говорят, существовала в то время. Бишан, мальчик! Жизнь — это огромное колесо. Оно медленно вращается в потоке времени. За сто лет колесо поворачивается на толщину пальца. И то, что было наверху, мало-помалу исчезает, но время идет, и оно появляется снова».

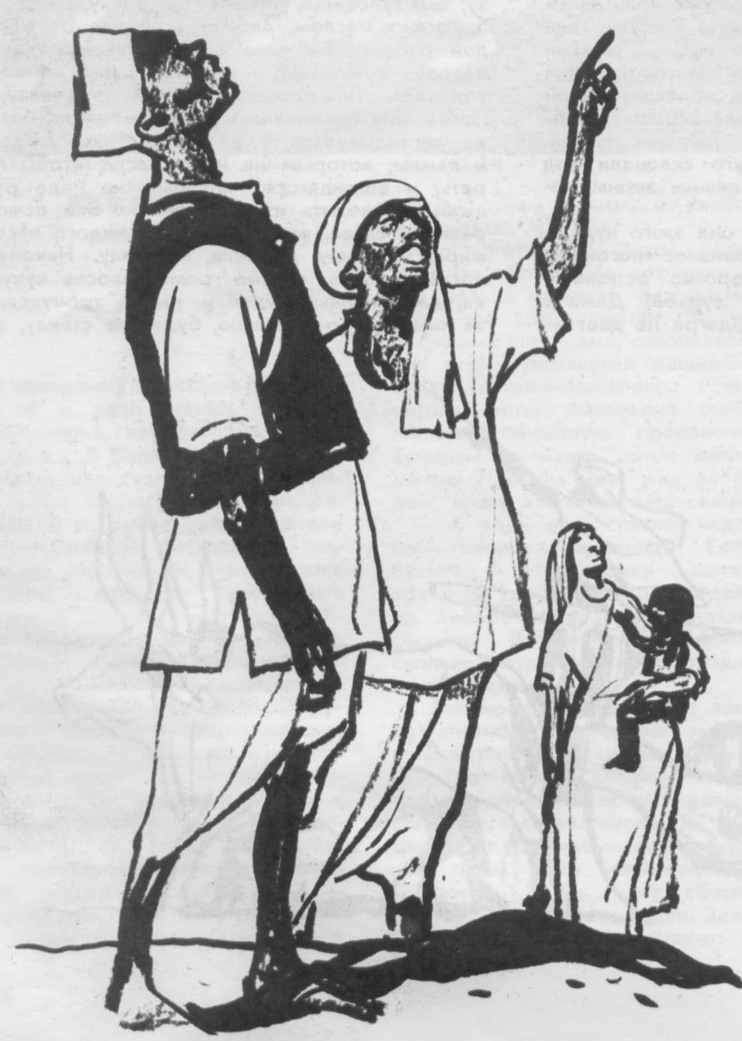
«Нет! — решительно сказал себе Бишан.— Пусть в сознании бабушки останется летающее чудо, каким она его себе воображает».

Рядом с летчиком торчала жирная туша сельского полицейского. Он вел себя так, словно был по меньшей мере правителем всей Бенгалии.

— Осади назад, добрые люди! — шумел он.— Подальше, подальше, не то струя воздуха засосет вас, поднимет и грохнет об землю!

Самолет вот-вот должен был подняться. Но никто так и не мог сказать, почему он опустился здесь. Полицейский расхаживал с таким важным видом, будто пузо его отяжелело от доверенной ему тайны. Однако заметное смущение, написанное на его лице, говорило о том, что и он ровно ничего не знает.

Все: мужчины, женщины, дети — затаили дыхание, когда длинные лопасти пришли в движение. А когда машина помчалась по полю, затем оторвалась от земли и взмыла вверх, люди от изумления сначала открыли рты, а потом завопили во все горло. Провожаемая одобрительными криками, машина все выше и выше забиралась в небо, сверкая на солнце крыльями.

— Мам, мам! — кричала Баблу, изо всех сил дергая мать за подол сари.— А что, если на самом верху неба на это крылатое чудо нападут птицы? Пятьдесят или даже двадцать птиц?

— Птицы не злы, дорогая. У них только добрые намерения, у всех птиц, кроме ворон, а вороны не могут залететь так высоко.

— А если стая гадких ворон все-таки заберется туда, ма?

— Ну, тогда летающее чудо изрыгнет из себя дым и пламя, и все вороны упадут вниз, и от них останется только груда костей да перьев.

Ошеломленный погонщик волов выбрался из толпы и остановился, опустив глаза в землю. Вот так Стальной Ястреб! Нет, он не обманул воображение бабушки! То, что на земле выглядело беспомощной стрекозой, вдруг засверкало во всем своем величии там, в небе. Разве можно сравнить это с паровозом?! Чтобы увидеть такое чудо, надо и впрямь совершить очень много добрых дел.

— И все-таки... — бормотал про себя Бишан. Сомнения все еще не оставили его.

Волы мирно жевали траву. Бишан снова запряг их и, погруженный в раздумье, прислонился к боку одного из животных.

«У Стального Ястреба,— размышлял он,— огромная скорость. Он летает быстрее, чем любое крылатое существо. И все-таки зачем это нужно, чтобы так жадно пожирались расстояния? К чему кончать путешествие за два или три часа? — Бишан никак не мог разрешить своих сомнений.— Не лучше ли ехать в простой повозке? В дороге можно и с людьми поболтать (ведь на небесных дорогах беседовать не с кем), можно остановиться и сорвать в поле цветок или стебелек сочной, зеленой травы, можно и еще многое сделать... Так почему же надо так жадно пожирать расстояние?»

Бабушка знала бы, что ответить, она помешанная на хитроумных машинах, совершенно помешанная. Взглянув на летающее чудо, она сразу вообразила бы, что летит на нем, взмыла бы вверх и носилась по небу, словно блуждающая звезда. У бабушки именно так устроен ум. Таким он был у нее, когда она была молода, таким остался и теперь, когда голова ее поседела, зубы выпали, а жизненные невзгоды избороздили лицо глубокими морщинами.

Бишан сжал лицо ладонью, горячая волна нежности прихлынула к его сердцу. И в то же время он почувствовал превосходство над бабушкой: ведь теперь он знает больше нее. Бишан наклонился к голове вола и прошептал ему на ухо:

— Будь спокоен, брат. Мы тоже кое-что значим. Хоть семь дней иди от Сонамитти в какую хочешь сторону, нигде не найдешь такой упряжки, как наша. Быстрей нас никто не бегает.

Однако и эти слова не успокоили его, не наполнили, как бывало прежде, уверенностью. Казалось, беспокойный дух бабушки преследует Бишана. Она, человек вчерашнего, вся жила в сегодняшнем дне. Так как же может он, человек сегодняшнего дня, быть другим?!

Бишан поднял лицо к небу. Там, высоко-высоко, легким, прозрачным облачком плыл след, оставленный Стальным Ястребом. В глазах Бишана загорелось что-то вроде вызова летающему чуду.

О, если б она, его старая бабушка, была здесь, если б могла она полететь на Стальном Ястребе! Бишан почувствовал, как забилось у него сердце, когда он представил себе это зрелище. Разве не волновалась бы она еще больше, чем тогда, когда впервые увидела паровоз или ехала в качающемся и постукивающем на стыках рельсов вагоне?

Да, это было бы прекрасно! Но чтобы увидеть это, ему, Бишану, очевидно, надо было совершить в прошлой жизни множество добрых дел...

Крылья воображения подхватили Бишана. Одна за другой возникали перед его глазами удивительные картины... Вон она, его старенькая бабушка, со своими мечтами о чудесных машинах, парит на Стальном Ястребе высоко-высоко в небе!

Эй, брат-летчик, осторожней, не то расстанешься с жизнью! Осторожней, не ударься о падающую звезду! Не подлетай слишком близко к солнцу, а то крылья Стального Ястреба растают, как лед в жаркую погоду. Осторожней, как бы злобный Сатурн не затянул тебя в мрачную бездну! Осторожней, иначе ты навеки будешь обречен скитаться в одиночестве по небесным дорогам и никогда не вернешься на землю. Так будь же осторожней, эй, брат-летчик!

Нетерпеливое позвякиванье колокольчиков, висевших на шее волов, ворвалось в мечты Бишана. А он, напряженно вытянув шею, все словно прислушивался к чему-то, все стоял, прислонившись к жирному воловьему боку. Мысли его витали далеко-далеко, потому что Бишан, погонщик волов из Сонамитти, отдался движению века и теперь вместе со своей бабушкой летел на Стальном Ястребе, все выше взмывая в голубые просторы неба.

Перевел с английского Вл. БЫКОВ.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ встречи

Владимир ПОЛЯКОВ

Фото автора.

Мария Пуйманова

Осень зажгла огоньками кроны деревьев. Шуршит под ногами жесткий ковер из листвы каштанов и кленов. Кружатся на легком ветру падающие листья, и кажется, что весь город в прозрачной золотой дымке. Ласково позванивает колокол у собора святой Лоретты. Застыли над Влтавой фигуры святых на Карловом мосту. Цокает гулко по брусчатке мостовой вороная лошадка, везущая почтовую карету, полную писем.

Дома-памятники, дома — свидетели истории восьми веков — поблескивают стеклами окон. Так спокоен город, так тихи его улицы, что невольно спрашиваешь: была ли когда-нибудь здесь война?

Покой и тишина на древних улицах, уютно светят по вечерам газовые фонари, и огоньки Праги отражаются в плавно текущих водах Влтавы.

Обо всем этом чудесно написано в стихотворной поэме Марии Пуймановой «Прага».

Я много слышал о писательнице и поэтессе Пуймановой, с увлечением читал ее роман «Люди на перепутье» и вот сегодня, сейчас, встречусь с ней.

Поднимаюсь по лестнице. Это лестница большого старинного каменного дома. На лестничной площадке распятие, убранное цветами. Оно висит здесь с давних времен.

Пуйманова встречает меня в прихожей. Среднего роста седая женщина с удивительно молодыми и яркими глазами. У нее необычайно легкая походка и мягкий, приветливый голос.

Мы проходим в столовую, и сразу на столе появляются чай и маленькие, аппетитно приготовленные сандвичи.

Конечно, меня интересует, над чем работает сейчас писательница, но Пуйманова не хочет ничего сообщать до выхода книги. И мы беседуем о произведениях, которые уже вышли. Недавно выпущена в свет книга Марии Пуймановой «Записано карандашом». Это впечатления от поездок в Советский Союз, в Германию, Францию, Голландию, Болгарию, Польшу. Вышла поэма в стихах «Пани Кюриева» («Мадам Кюри»). Не далее, как вчера, Пуйманова была на лекции московского профессора И. И. Анисимова о социалистическом реализме.

— Ну, и как вам понравилась лекция?

— Мне понравилось то, что, когда я слушала Анисимова, я чувствовала несокрушимую силу, которая подпирала речь. Эта сила — сорок лет Советской России.

И мы говорим о Москве. Пуйманова рассказывает о том, как пребывание в Советском Союзе, знакомство с литературой и искусством России помогли ей в работе.

Начинается разговор о писателях, и я спрашиваю Пуйманову о Юлиусе Фучике.

— Мы были мало знакомы. Но одна встреча была очень интересной,— рассказывает Пуйманова.— На заводе бастовали рабочие, и мы — группа писателей — поехали туда. Я ехала с Фучиком. Он был весел, жизнерадостен, воспринимал эту забастовку, как праздник. Он видел в ней рост сознания рабочих, и его это радовало. Я сказала ему, что буду писать об этой забастовке, и попросила совета, куда лучше сдать статью. Фучик сказал: «В «Руде празо» не стоит, у нас в партийной печати это не будет новинкой, а вы лучше напишите о забастовке в «правой» печати, это освежит ее и произведет впечатление...»

Пуйманова вспоминает такой эпизод: когда она была совсем маленькой, ей подарили бумажный кукольный театр. Там были разные куклы и среди них — смерть с косой. Пуйманова сожгла эту смерть в печке, ибо очень боялась, что если ее просто выбросить, то смерть могут найти и вернуть ей.

Кукольная смерть была уничтожена Пуймановой в ее детские годы. Всю свою зрелую жизнь писательница посвятила борьбе с настоящей смертью за настоящую жизнь.

Король кукол

Имя Йржи Трнки — крупнейшего художника, режиссера-кинематографиста — широко известно во всем мире. Я просил помочь мне встретиться с ним, но услышал, что сие невозможно. Трнка работает день и ночь над новым фильмом, его осаждают многочисленные делегации из всех стран, со всех континентов, к нему стремятся экскурсии.

— Может быть, позвонить к нему по телефону?

— Не подойдет. У него очень твердый характер.

И все же, узнав, что он часто обедает в ресторане «Славия», я отважился пойти туда.

— Скажите, пожалуйста,— обратился я к гардеробщице,— соудруг Трнка здесь?

— Да. Он, как всегда, за своим столиком,— ответила гардеробщица.

И, сдав пальто, я устремился в ресторан. Со мной была переводчица Марта Дандова. Она уверяла меня, что ловить Трнку во время обеда неудобно, но я не отступал.

В уголке ресторана за столиком сидел Йржи Трнка. Я его сразу узнал: не узнать его невозможно. Кто видел хоть раз его портрет, тот запомнил его навсегда. Большой, широкий лоб, спокойные умные глаза, чуть-чуть прищуренные. Они смотрят на вас, как будто не проявляя большого интереса, но вы чувствуете, что они заглядывают в самую глубину. Тяжелые крестьянские усы, литой подбородок, зачесанные назад волосы. Высокий, широкоплечий, он монументален.

— Проминьтэ (по-чешски — извините),— говорю я, подойдя к столику.— Мне сказали, что у вас очень твердый характер и вы никого не принимаете, но у меня тоже твердый характер, и я решил, что встречусь с вами во что бы то ни стало.

Трнка улыбается. У него на щеке появляется симпатичная ямочка. Я объясняю, кто я и откуда, и вот уже мы втроем — Трнка, переводчица и я — сидим и пьем черный кофе. Сейчас Трнка ставит «Сон в летнюю ночь» Шекспира. И завтра утром он ждет меня в своей студии.

Завтрашнее утро пришло очень быстро. Трнка принял нас в своем кабинете.

— В павильоне идет подготовка к съемке,— сказал он.— Предлагаю вам пока посмотреть мои картины. Выбирайте, что хотите.

— Я хотел бы посмотреть те фильмы, которые вы сами считаете наиболее интересными.

Трнка отобрал пять фильмов: «Бумажный цирк», «Два Мороза», «Роман с контрабасом», «Шпаличек» и «Ария прерий».

В «Бумажном цирке» действуют плоские куколки, вырезанные ножницами из бумаги. Но как они живут на экране, эти бумажные циркачи! Сколько обаяния и юмора в этих клоунах, медведях-жонглерах! Этот фильм — водопад выдумки.

На экране — маленькие деревянные домики, занесенные снегом. Церквушка. Обледеневший

Иржи Трнка.

Ленивый едет в лес (кадр из фильма «Два Мороза»).

колодезь. И розовый в лучах заходящего солнца вечер. Этот фильм — «Два Мороза» — народная чешская сказка. Старый Мороз и его юный коллега хотят отомстить людям за то, что они их не любят.

— Заморозим их! — решают Морозы.

И вот на дорогах появляются люди. Старик едет в телеге в лес за дровами. И молодой паренек тоже едет на паре лошадей.

— Я возьму на себя того, который постарше,— говорит старый Мороз,— поскольку я сильнее тебя и опытнее, а ты бери молодого.

Так и решили.

Молодой Мороз напал на ленивого, сонного паренька и быстро заморозил его. А старый Мороз напоролся на трудового человека. Он морозит его, колет, налетает на него снежным вихрем, леденит его, а человек работает, трудится в поте лица своего: рубит и пилит деревья,— и ему нипочем мороз. Умаялся старик Мороз. Трудовой человек чуть не загнал его в гроб. Вот сюжет этого мудрого, по-настоящему педагогического фильма. А как он сделан! Сколько любви к природе Чехии в лирических картинах зимы, в этих маленьких двориках, в лунном свете над крестом церквушки, в искорках синего снега, в петляющих дорожках, по которым бегут рысцой веселые кони!..

«Ария прерий» — пародия на голливудский ковбойский фильм. Здесь и почтовая карета с любящим виски кучером, и прекрасная незнакомка, поющая блюз, и злодей-авантюрист, показывающий карточные фокусы и прячущий «кольт» в кармане, — в общем, полный голливудский набор.

Совсем иная картина «Шпаличек». Это фильм о чешских народных песнях. Здесь и деревенские праздники, и свадьба, и посиделки, и трогательный сельский оркестр, и старые обряды. Весь фильм пронизан большим сердечным теплом, ласковым юмором, любовью к народу, к его песням, танцам и музыке.

Зажегся свет в маленьком просмотровом зале, и нас пригласили в павильон.

Трнка возился у киноаппарата. На столе в полутора метрах от камеры — крохотный зеленый лес. «Вдалеке» — Афины. В траве среди цветов стоит двадцатипятисантиметровая грациозная кукла. Это Титания — царица фей и эльфов. Трнка склоняется над «кустами» и «деревьями» и придает кукле Титании нужную позу.

— Снимайте.

Оператор снимает, а Трнка, уже в другой части павильона, подбирает с ассистентами цветы для сцены во дворце Тезея. Просто удивительно, как нежно он поправляет своими большими руками крохотные, хрупкие лепестки цветка.

Цветы отданы по назначению, и Трнка опять у визирной трубки аппарата, он устанавливает свет — идет съемка. Какое нечеловеческое терпение надо иметь и как нужно любить свое дело, чтобы снимать кукольный фильм, в котором надо сто, а может, двести раз менять положение куклы, чтобы добиться плавной смены движения!

Здесь жил и писал Ярослав Гашек

Местечко Липнице — в ста двадцати километрах от Праги. Туда мы и едем. Мы — это товарищ Анчик, литературовед, занимающийся изучением жизни и творчества Ярослава Гашека; Мирек, водитель «Татры» и страстный любитель «Бравого солдата Швейка»; переводчица Марта Дандова и я. Едем по дороге, обсаженной пожелтевшими грушами и кленами. Слева и справа — равнины, напоминающие Россию. А попадающиеся по пути березки делают пейзаж совсем родным. Возникают черепицы крыш. Это городок Мохов.

— Здесь делают нашу «сливовицу». Вы пробовали? — спрашивает Здена Анчик.— Славный напиток! Его любили и Швейк и Гашек.

— И я,— говорит Мирек.— А вы, соудружка Дандова?

— А я пью только кофе,— говорит Марта.

— Прекрасный кофе был в кофейне «Думовка»,— сообщает Анчик.— А вы знаете, что делал Гашек в «Думовке»? — улыбается он и тут же сам отвечает: — Он сам играл там свою маленькую пьесу «Стакан черного кофе». В этой пьесе было пять ролей, и Гашек один играл все пять. На пари. Поспорил с друзьями, что сыграет, и сыграл. Пьеса начиналась с рассуждений официанта, который находился один в кафе. Официант уходил, и постепенно являлись посетители: любитель политики с газетой, крестьянин, профессор и другие. Все они ожидали официанта, чтобы заказать чашечку кофе, и вели свои монологи. Это было в 1911 году. Гашеку было тогда 28 лет...

Въезжаем в Липнице. Небольшие аккуратные домики, маленькие садики с разноцветными фарфоровыми гномами посреди клумб, усыпанные желтыми листьями осени. На горе — старый замок князя Цтибора, заложенный в 1238 году. Последним частным хозяином замка в 1925 году был некий граф Траутмансдорф.

Наша «Татра» останавливается у старого двухэтажного дома. Внизу помещается какое-то учреждение, на втором этаже живут горожане. Дом ничем не приметен. И только небольшая дощечка, прибитая на стене слева, сразу меняет отношение к этому дому и вызывает волнение. На ней написано:

«Здесь бывал гостем Ярослав Гашек, создатель бравого солдата Швейка».

Да. Здесь, в этом доме, в гостинице «У короны», жил Гашек, и здесь он писал многие главы своего замечательного романа.

А неподалеку находится другая, существующая и сегодня гостиница — «В уголке», где также бывал и сиживал Гашек.

В маленькой комнатке этой гостиницы за простым деревянным столом встретились мы со старожилами Липнице — Антонином Крупичкой и Лексой Инвальдом.

Лекса Инвальд — бывший хозяин гостиницы «У короны», ныне пенсионер. Внешне суховатый, задумчивый человек в клетчатом коричневом пиджаке с серым жилетом поверх рубашки кирпичиками, в скромной кепочке, немного застенчивый, он подходит к столу и, узнав, что я интересуюсь Гашеком, с удовольствием присаживается к нам. Поговорить о Гашеке — это для него огромное

Лекса Инвальд (слева) и Антонин Крупичка.

Ресторан «У чаши». Он столь чтим в Праге, что сюда ходят с детьми.

удовольствие. Крупичка очень соответствует своей фамилии. Он маленький, кругленький, с тихим голосом, с легкой, чуть катящейся походкой. Синий пиджачок, серый с лиловым свитер и старая фуражка, прикрывающая седины. Крупичка — в прошлом сапожник. На его производственном счету пятнадцать пар обуви, сделанных и отремонтированных им для Гашека. Сейчас он хранитель и главный гид Липницкого замка и находящегося в нем маленького музея Ярослава Гашека. Крупичка и Инвальд — почти одногодки. Первому семьдесят три года, второму семьдесят два.

Мы едим вепршовоу с кнедликами, запиваем ее пенистым смиховским пивом и беседуем.

Друзья вспоминают, с улыбкой поглядывают друг на друга и рассказывают.

Друг Гашека художник Панюшка писал картину «Атака замка в Липнице». Он пригласил Гашека поехать в замок. Там тогда находился епископ Опат. Панюшка очень волновался, чтобы Гашек не забыл называть епископа «ваше превосходство». Но Гашек был простой человек. Узнав, что фамилия епископа — Робичек, он сказал: «Всего хорошего, пан Робичек». Епископ был возмущен.

В темные вечера Гашек иногда читал новые главы «Швейка» Инвальду и его жене Марии. Это были чудесные вечера...

Крупичка и Инвальд рассказывают, а вокруг нас сидят липничане и внимательно слушают, отставив в сторону кружки с пивом. Гашек — их земляк, и они с гордостью произносят его имя.

Вечереет. По узким улочкам, мимо заборчиков и сараев поднимаемся мы в гору на укрытое ветвями деревьев небольшое кладбище. Товарищ Анчик подводит нас к скромной могиле, огражденной каменными плитами. Здесь в январе 1923 года был похоронен Гашек. Это не были пышные похороны. Сюда не съезжались писатели, не приходили делегации общественности. Тогда правители Чехословакии и писательская верхушка числили Гашека где-то на краю литературы. Имя большевистского комиссара пугало их, а похождения Швейка они считали пустым анекдотом. Однако сюда сошлись граждане Липнице, любившие Гашека, ценившие его великий талант, видевшие в нем большого человека и большого писателя. Товарищ Гашека учитель Мареш произнес короткую речь, и всё.

На могиле еще нет памятника. Но миллионы томиков «Похождений бравого солдата Швейка» стоят памятниками Ярославу Гашеку на полках библиотек всего мира.

Поднялся ветер. Янтарь осенней листвы шумит над могилой.

— Идет туман,— говорит Мирек.— Надо ехать.

Мы прощаемся.

Через два с половиной часа мы в Праге. Наше путешествие заканчивается на Альбертове в ресторанчике «У чаши». Здесь на вывеске изображен улыбающийся, как полная луна, Швейк, а на стене в зале висит загаженный мухами портрет императора Франца Иосифа, за оскорбление которого, как вы помните, был арестован хозяин трактира «У чаши» пан Паливец...

На улице уже темно. Желтобелым светом горят в тумане газовые фонари.

Они начинают плавать

Настроение у этих ребят, видно, отличное. Они закончили тренировку в новом московском бассейне «Динамо», и теперь для них наступила веселая «пятиминутка», когда можно вдоволь поплескаться, понырять и даже поиграть в салочки на воде.

В часы, когда занимаются новички-малыши, бассейн напоминает огромный аквариум. Красные, желтые, фиолетовые, черные и голубые шапочки торчат над бирюзовой водой. Брызжут во все стороны маленькие фонтанчики. Но вот преподаватель В. Г. Анофриев дает команду, и дети сплываются к кафельной стенке. Начинается урок по плаванию.

Для шестилетнего новичка, пришедшего впервые в бассейн, воспитанник «Юного динамовца» кажется верхом совершенства, который может все, даже проплыть 50 метров стилем «брасс». Пока малыш лишь мечтает об этом.

Самостоятельный заплыв!

Фото А. Бочинина и С. Фридлянда.

Николай ДРАЧИНСКИЙ

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Конец полосатого заговора

СИРИЯ
ДАМАСК

Полковник надевает бороду

Не дождавшись дипломатического автомобиля в пятницу, Надим, как было условлено с рыжим американцем, снова приехал на площадь Мухаджерин к 15 часам 30 минутам следующего дня. На этот раз он был один: капитана задержали неотложные дела в его воинской части. Надим сел за столик под брезентовым тентом летнего кафе, потребовал бутылку чешского пильзенского пива и стал ждать. Несколько человек прогуливались по другую сторону площади, любуясь городом с высоты. В тени молодых деревьев играли дети.

Мухаджерин — в переводе приблизительно означает беженцы или поселенцы. Такое название этот район получил много лет назад. После подавления восстания Шамиля с Кавказа в Турцию переселились тысячи черкесов. В то время и появились неподалеку от Дамаска сначала лагерь, а затем деревня, населенная черкесами и курдами, которую назвали «мухаджерин» — «беженцы». Людям было трудно обжиться на крутых каменистых склонах ржавой горы Касьюн. Пожалованная султаном сухая, знойная земля не родила, воды не было, и поселенцы бедствовали. Поэтому слово «мухаджеринец» было равно слову «бедняк».

Деревня, некогда отстоявшая довольно далеко от Дамаска, теперь слилась с городом и приобрела совершенно иной вид. Это один из самых благоустроенных районов столицы. Красивые новые улицы выходят на эту площадку, как бы врезанную в крутой спад горы. Отсюда открывается великолепный вид на город и зеленую долину внизу.

Слева видно каменное нагромождение зданий, высокие минареты знаменитой мечети Омейядов. Там деловой центр столицы. Справа, как зеленый каракуль, раскинулись сады западной Гуты. Они тянутся до самого горизонта, где маячат сизые горы Джабел Мениа. В этой долине садов выращивают главным образом абрикосы. Из них делают густую пасту, затем ее раскатывают в огромные тонкие коржи и сушат на солнце. Так изготовляется камардин — восточное лакомство, которым издревле славится Дамаск. Знаменитый дамасский камардин купцы вывозили отсюда во многие арабские страны.

Из клубящейся зелени садов выступает целая система зданий: строится новый госпиталь, он будет самым большим в Сирии. А за ним стоят шеренги похожих, как близнецы, белых многоэтажных домов. Это Новый Мезе — пригород Дамаска, где городской муниципалитет строит дома для людей, которые в официальной статистике называются «жители, имеющие ограниченный достаток»,— для мелких чиновников, рабочих, ремесленников.

Надиму не пришлось долго любоваться городом с высоты. В назначенное время на площади появился автомобиль «CD 157». Сделав два круга, машина остановилась, из нее вышла дама. Надим тотчас ее узнал: это была мадам Стоун. Она прогулялась по площади, достала альбом и принялась рисовать пейзаж. В это время мальчик лет семи, который играл с ребятами в тени, закричал не по возрасту басистым голосом: «Смотрите! Шпионка! Она рисует новое здание штаба!» Ребятишки подхватили эту версию своего сверстника и подняли страшный крик.

— Звереныш!.. — проворчала мадам Стоун, но поспешила к машине. Когда агент службы безопасности явился на шум, он увидел лишь удалявшийся автомобиль с дипломатическим номером «CD 157», орущих детей и хохочущих взрослых.

Надим пошел к телефону и позвонил капитану Абдаллаху:

— Завтра, как условлено.

В воскресенье, 11 августа, Надим и капитан Абдаллах в 11 часов вечера направились к дому № 6 по улице Рауда. По дороге их догнал автомобиль. Человек, сидевший у руля, жестом пригласил их в машину. Это был Стоун. Вопреки ожиданиям Абдаллаха он не остановился у дома № 6, а повернул автомобиль назад, не доезжая этого места. Они долго колесили по ночным улицам Дамаска, то быстро мчались вперед, то неожиданно поворачивали назад или без всякой видимой необходимости останавливались на несколько минут в каком-нибудь темном переулке и снова уезжали. «Боится слежки. Что-то уж очень много сегодня предосторожностей»,— подумал капитан Абдаллах и спросил:

— Куда мы едем?

— Сейчас вы встретитесь с одним из руководителей движения,— ответил Стоун.

Наконец машина нырнула в открытые ворота какого-то особняка. Прошли через садик и остановились у двери с тыльной стороны здания. Стоун постучал два раза. Худой высокий человек лет двадцати открыл дверь и повел капитана в полуподвал. Надиму Стоун велел сидеть в машине, сказав, что вернется через пять минут.

Дверь комнаты, где ожидал капитан, открылась. Вошел человек, державший в руках соломенную шляпу. Это был полковник Ибрагим Хусейни. Абдаллах был готов сейчас увидеть кого угодно, но только не военного атташе Сирийской Республики в Риме. Он не мог скрыть искреннего удивления:

— Как? Вы здесь, в Дамаске?

Хусейни обнял капитана:

— Мне сообщили многие имена. Но я не соглашался сюда приехать и увидеться с этими людьми, пока не узнал, что вы, Абдаллах, с нами.

Абдаллах полюбопытствовал:

— Однако как вы оказались здесь?

В ответ полковник достал из шляпы искусственные усы и бороду и повертел ими в воздухе.

— Мое путешествие сюда было чистейшим трюком. Я приехал по фальшивому паспорту Саудовской Аравии и с помощью вот этого камуфляжа!

Затем полковник перешел к делу. Движению крайне необходимы три батальона пехоты, батальон кавалерии и бронетанковая группа. Эти силы должен обеспечить Абдаллах. Ему следует активнее заняться вербовкой. При этом полковник уточнил, что он потребует от американцев предоставить капитану больше денег и все необходимые сведения.

— Мне точно известно, что американцы дадут нам большую сумму, примерно 300—400 миллионов долларов,— говорил Хусейни.

Дату начала движения назначат американцы, продолжал полковник. Но он им в этом не очень доверяет. Уж больно они торопятся! Поэтому он просит Абдаллаха сообщить ему свои соображения на сей счет в Рим с помощью особого шифра.

Жители Дамаска читают сообщение о раскрытии заговора.

Как только выступление начнется, он, Хусейни, снова появится в Дамаске. Капитан должен обеспечить ему танк или бронемашину. Хусейни явится якобы помогать правительству, а на самом деле — заговорщикам.

Капитан Абдаллах в душе улыбнулся: «Хитрая бестия этот полковник! Хочет удержаться в двух седлах сразу. Появится в танке на улицах Дамаска и посмотрит, чья берет. Чего доброго, еще может выступить в роли спасителя законного правительства от заговорщиков, если те проиграют».

В это время вошел худой американец, который открывал дверь. Он молча сделал знак Хусейни следовать за ним. Полковник взял свою шляпу, актерскую бороду и, простившись, ушел.

Капитан Абдаллах тоже направился к двери, но на пороге выросла могучая фигура рыжего Джетона. Он снова усадил капитана и повел с ним ленивую беседу. Наконец он сказал, что капитану пока уходить нельзя, и удалился. В двери щелкнул замок. Абдаллаху стало ясно: он пленник.

...В эту ночь полковник Хусейни имел свидания еще с несколькими офицерами-заговорщиками. На

Продолжение. См. «Огонек» №№ 3 и 4.

совещании в доме Говарда Стоуна он называл их «героями», «спасителями страны». Он требовал, чтобы в самом начале путча были уничтожены командующий бронетанковыми войсками генерал Башур и все командиры бригад.

Всех офицеров американцы задержали на несколько часов в тех помещениях, где проходили встречи. За это время полковник с фальшивой бородой пересек границу и достиг аэродрома Раяк в Ливане. Отсюда он немедленно вылетел в Рим на специальном американском самолете.

Диктатор мечтает о будущем

Подполковник Катар Хамзе лежал в прохладной ванне, когда к нему в дом неожиданно снова явился Махмуд Неемэ. Встретившему его слуге уволенный лейтенант сказал, что хочет безотлагательно видеть подполковника по чрезвычайно важному и экстренному делу.

— Что случилось? — спросил Катар, выходя к гостю в халате, с мокрыми волосами.

— Вы должны немедленно ехать. Вас ждут.

— Встреча должна состояться ведь через несколько часов!

— Она состоится сейчас, подполковник.

— Да, но... но у меня дела...

— Люди требуют, чтоб вы явились немедленно.

Катар оделся и поехал. По пути он размышлял: «Кто же наконец этот таинственный «шеф» заговорщиков? Почему так неожиданно изменено время встречи? Боязнь провала? Предосторожность? А может быть...» Он вспомнил, что второпях позабыл захватить револьвер.

В доме на улице Рауда его ждали Стоун и рыжий Джетон. Катар сразу заметил, что американцы очень взволнованы. То один, то другой ненадолго покидали комнату и, возвратившись, шептались между собой. В дверь постучали, и Стоун поспешно вышел. Он вернулся минут через пять.

— Все в порядке. Едем.

Автомобиль полчаса носился по улицам северо-западного района Дамаска. Стоун правил машиной, а Джетон с заднего сиденья почти все время смотрел в стекло. Автомобиль свернул в тихую боковую улицу и остановился у темного дома.

Джетон задержал подполковника в каком-то коридоре, Стоун скрылся за дверью. В ближайших комнатах электричество было погашено, и только лампочка, горевшая в коридоре, слабо их освещала через приоткрытые стеклянные двери.

Стоун быстро вернулся и пригласил Катара пройти направо. Он ввел подполковника в небольшой салон, указал на дверь в противоположной стене и скрылся.

Катар открыл дверь. На диване в окружении трех американских дам сидел человек в светло-коричневом костюме и пил кока-кола. Катар сразу же узнал его. Это был Адиб Шишекли.

Бывший диктатор поднялся навстречу, раскрывая объятия.

— Гляди, Катар, я пришел сюда по собственной крови! — произнес Шишекли арабскую поговорку, которая означает, что он приехал, поставив на карту собственную жизнь. Он был сильно возбужден, многоречив, всеми силами хотел казаться веселым и самоуверенным. Внешней бравадой он пытался скрыть страх...

Катар покосился на женщин, щебетавших на диване. Безработный диктатор махнул рукой:

— Это для конспирации. Они не понимают по-арабски.— И затем продолжал: — Мы хотим изменить положение вещей. Но что поделать с прошлым? Мы не должны о нем вспоминать, дорогой Катар! Давайте думать о будущем. А в будущем мы по достоинству оценим вас и ваших людей. Я гарантирую вам солидное положение в стране и комфорт в жизни.

Прошлое бывшего диктатора было столь ненавистным для сирийцев, что он решил как-то извиниться за него даже перед заговорщиком.

Инструкции «шефа» состояли в том, чтобы обеспечить максимальное количество вооруженных участников. Обо всем докладывать американцам. У них все нити. Накануне выступления Катар получит точный план операции. Частью сил ему, очевидно, придется блокировать дороги, ведущие в Дамаск. Генеральный штаб будет захвачен специальной группой, усиленной бронетанковым отрядом. Она должна будет немедленно уничтожить начальника 1-го отдела штаба полковника Бизри, шефа 3-го отдела полковника Нефури и 2-го отдела подполковника Сарраджа.

— Эти люди испробовали власти. Но ничего. Их дни сочтены! — со злостью сказал Шишекли.

В этот момент вошел Стоун и, посмотрев на часы, сказал:

— У нас нет больше времени.

Катар простился и вышел. Его перехватил рыжий Джетон:

— Сейчас уходить небезопасно. Вы подождете здесь. — Рыжий проводил Катара в соседнюю комнату и запер за ним дверь на ключ. В этом заточении подполковник пробыл более двух часов.

В верхнюю часть двери были вделаны узорные стекла. Через них мало что было видно, едва различались тени. Однако и по ним Катар определил, что примерно 15 человек группами по двое или по трое входили в комнату, где находился Шишекли. При этом очередная порция посетителей появлялась лишь после того, как уходила предыдущая. Беседы продолжались 5—7 минут. Потом все стихло. Время тянулось мучительно медленно. Катар нервно ходил из угла в угол.

Наконец замок щелкнул и дверь открылась. Женщина лет пятидесяти, не говоря ни слова, жестом пригласила подполковника выйти. Он последовал за нею. Свет был всюду погашен. Выйдя на улицу, Катар вскоре остановил проезжавшую мимо машину и помчался в штаб, чтобы доложить обо всем властям.

...Получив сведения о появлении в Дамаске зловещей фигуры бывшего диктатора, служба безопасности приняла все меры, чтобы его задержать. Было усилено наблюдение за дорогами, пограничными пунктами, автомобилями. Правда, тот факт, что все офицеры-заговорщики после встречи с Шишекли задерживались полтора — два часа, показывал, что за это время американцы, видимо, постарались хорошенько упрятать бывшего диктатора или, что еще вероятнее, переправить его через границу. Поиски продолжались, но Адиб Шишекли, уже однажды заочно приговоренный сирийским судом к смертной казни, исчез...

Старинная крепость в Халебе.

«Кушанье сварено»

— С военной стороны это дело простое и легкое.— Аббас методично перебирал четки.— По сигналу своими двумя батальонами вы занимаете телеграф, радиостанцию, узловые перекрестки Халеба и контролируете дороги, ведущие в город. Непременно обеспечьте надежную охрану банков.

— Банков?

— Да, да! Имейте в виду, с банкирами ссориться нельзя. Это могущественные люди.

— Мне кажется, моих двух батальонов недостаточно.

— У вас будет еще один. Его командир свяжется с вами перед выступлением. Сил вполне хватит. Между прочим, как вы считаете, где лучше начать выступление — в Халебе или Дамаске?

— Дамаск — столица.

— Да, но Халеб — самый большой город и крупнейший промышленный центр. К тому же он вблизи турецкой границы.

— Какова ситуация в Дамаске? Можно ли быть уверенным в успехе дела?

— «Кушанье сварено», и скоро его подадут на стол,— улыбнулся Аббас. Он добавил, что два самых опасных для заговорщиков центра — гарнизоны Катаны и Кабуна — обезврежены. Они не смогут объединиться и выступить одним фронтом на помощь правительству. Офицеры будут арестованы или изолированы другим способом, техника и вооружение выведены из строя. В Кабуне операцию возглавит один известный полковник, специалист в области бронетанковых войск.

— Прошлый заговор не удался из-за неопытности иракских политиков, с которыми мы были связаны,— продолжал Аббас.— Теперь совсем другое дело. Шансы движения колоссальны. Его усыновила Америка.

Аббас снова напомнил, что командовать всеми вооруженными силами повстанцев в Халебе будет он, его собеседник Фархан Жармакани. Пусть его не смущает, что имена сообщников пока держатся в секрете. Таково требование конспирации. Накануне выступления эти офицеры сами явятся к нему и будут выполнять все его распоряжения.

— Ну, а если...

— Если переворот не удастся? Вы со своими людьми легко сможете укрыться в Турции. Там о вас позаботятся.

Что касается дамасских дел, продолжал Аббас, то он сегодня ждет курьера из Сирии, который привезет ему от американцев последние сведения о деталях заговора. Американцы сами взялись за дело, у них сходятся все тропинки. Боясь провала, они никому не доверяют, и правильно делают. Во всяком случае, майор Жармакани будет своевременно поставлен в известность обо всем. К нему в Халебе явится некая личность и свяжется с ним при помощи такого пароля:

— Абдул Сатер вышел из госпиталя? — спросит пришелец.

— Он вышел и получил десять дней отпуска для окончательного выздоровления,— должен ответить Фархан.

— Разве он уже снял гипс? — снова спросит незнакомец.

Вопрос должен остаться без ответа.

— Лицо, которое явится к вам с этим паролем, уполномочено передать инструкции и планы выступления, а также необходимые суммы,— сказал Аббас, заключая беседу.

Когда Жармакани вышел в прихожую, он снова увидел двух молчаливых здоровяков, которые привезли его сюда, в этот дом на берегу моря. Парни встали и пошли следом за ним. «По выправке видно, что бывшие военные»,—

подумал майор. Втроем они сели в автомобиль и поехали. Машина остановилась в темном переулке близ отеля «Сент-Джордж». Фархан понял, что нужно выходить.

Фархан вышел на набережную. Теплое море лениво плескалось в темноте. Справа роем золотых огней сбегал с гор к полукруглой бухте шумный, пестрый Бейрут. Майор задумался над событиями последних дней.

Три дня назад к майору Фархану Жармакани, воинскому начальнику в Халебе, пришли на квартиру две неизвестные женщины. Они сказали, что им необходимо поговорить с майором наедине. Фархан смутился. Заметив это, одна дама пояснила:

— По весьма важному деловому вопросу.

— Что вам угодно? — спросил Фархан, когда они остались одни.

— Мы имеем для вас письмо.

— Давайте.

— Это письмо от Фаддалаха Абу Мансура, вашего друга, — очень тихо сказала дама, протягивая конверт.

В письме говорилось:

«Дорогой брат Фархан, мы хотим, чтоб вы немедленно осведомили нас через предъявительниц настоящего письма:

1. На кого вы можете рассчитывать среди ваших офицеров и кто из офицеров является предметом вашего особого доверия. 2. Характеристику и положение офицеров в Халебе. 3. Наше доверие к вам очень велико, мы все оценим (труды и расходы), приняв во внимание ваш счет. Сохраните это письмо в верном месте до нужного момента. 4. Ответ должен последовать в течение 48 часов».

Фархан положил письмо и встал, давая понять, что разговор окончен. Но, прежде чем уйти, дамы настаивали, чтоб он незамедлительно поехал в Бейрут и позвонил по телефону № 22360. Майор, очевидно, им не доверяет, у него консервативные взгляды на женщин, говорила дама. Но в Бейруте он во всем удостоверится сам.

Жармакани связался по военному проводу с властями в Дамаске, а на следующий день выехал в Бейрут. Добрых полдня он слонялся по знойным улицам и время от времени звонил по указанному номеру, но телефон не отвечал. Лишь вечером в трубке послышался голос:

— Мы вас ждем. Где вы находитесь?

Затем человек на том конце провода справился о приметах одежды майора и велел дожидаться у третьей пальмы на набережной против отеля «Нормандия». Минут через пятнадцать у пальмы остановился автомобиль. Из него выглянул дюжий парень, внимательно оглядел Фархана и кивком пригласил в машину.

В автомобиле Фархан оказался между двух молчаливых и хмурых конвоиров. Только тут он подумал, что его путешествие не совсем безопасно. Ведь он едет в самое логово заговорщиков, в чужой стране, вдали от друзей. И потом эти женщины... Может, это провокация и его решили специально заманить сюда? Говорят же, что женщины — вестники несчастий.

Машина остановилась у большого дома. Рядом слышался шум моря. Фархан и его конвоиры поднялись в лифте на третий этаж. Здесь майора встретил Фаддалах Абу Мансур.

— Я рад, что вы откликнулись на мое письмо, — сказал беглый преступник. — А мы уже было стали подумывать, что вы струсили. Ведь вы не дали ответа тем двум дамам.

— К чему впутывать в дела женщин?

— Без предрассудков, дорогой Фархан. Когда-то мы с вами вместе служили, и я не помню, чтоб вы отличались суеверием.

Фаддалах сказал, что он не уполномочен обсуждать с ним дела, попросил майора подождать, а сам ушел. Он вернулся через полчаса с двумя другими.

— Аббас, — представил Мансур одного из них и намекнул, что это — важное лицо, уполномоченное решать дела и обсуждать план действий. Второй господин за все время не проронил ни слова.

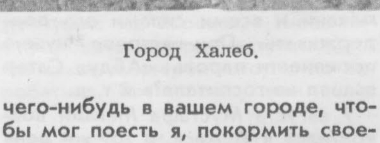
...И сейчас, глядя на море, густое и темное, как нефть, Фархан размышлял о случившемся. Неужели паутина заговора действительно так опутала армию, как уверяют эти люди? Разумеется, они преувеличивают, им нужно побольше навербовать соучастников и вселить в них уверенность в успехе. Но все равно, вести плохие, очень плохие. Нет, женщины действительно вестники несчастий.

— Желаете женщину, мосье? Здесь, совсем рядом. — Фархан очнулся и увидел, что рядом стоит сутенер, каких еще немало на бейрутских набережных.

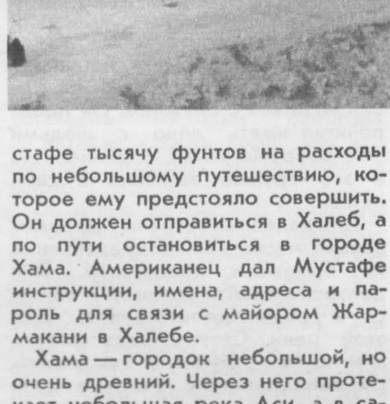
— Прелестная жен...

Майор зло выругался и быстро пошел прочь.

Город Халеб.

Встреча не состоялась

Служащий американского посольства Артур Клоуз далеко не случайно познакомился с капитаном Мустафой Мальки, уволенным из армии за причастность к деятельности запрещенной в стране национально-социальной партии. Американец приглашал его к себе в дом. Четыре вечера Артур присматривался к бывшему офицеру, а на пятый вовлек в заговор. Мустафа стал его верным помощником и неукоснительно выполнял распоряжения дипломата.

Мальки имел задачу привлекать к заговору бывших офицеров, изгнанных из армии. Ведь они хотят снова возвратиться на службу, и переворот открывает им такую возможность, говорил Артур Клоуз. Офицеры же действительной службы, в распоряжении которых находятся военные части, получат вознаграждение до начала выступления и после него. А уволенные получат жалованье лишь после переворота. Заметив кислую мину на лице бывшего капитана, Клоуз сказал:

— Не беспокойтесь. Все участники будут представлены и повышены в чинах. Они получат жалованье за все то время, что не служили. Один крупный офицер в чине полковника специально следит за этим делом. Никто не будет обойден.

И, как бы в подтверждение сказанного, американец вручил Мустафе тысячу фунтов на расходы по небольшому путешествию, которое ему предстояло совершить. Он должен отправиться в Халеб, а по пути остановиться в городе Хама. Американец дал Мустафе инструкции, имена, адреса и пароль для связи с майором Жармакани в Халебе.

Хама — городок небольшой, но очень древний. Через него протекает небольшая река Аси, а в самом центре города стоят на реке гигантские оросительные колеса — нории. Быстрое течение вращает эти колеса, которые черпаками поднимают воду на высоту четырех- или пятиэтажного дома и выливают в каменные акведуки. В буквальном смысле это водопровод, «сработанный еще рабами Рима». Туристы, проезжающие мимо, непременно останавливаются поглазеть на эту древнюю диковину.

Сирийцы рассказывают, что жители Хамы отличаются некоторыми своеобразными чертами. И чтоб было понятно, в чем состоит это своеобразие, рассказывают такую басню. В древности некий святой апостол, не то Петр, не то Павел, отправился из Иерусалима проповедовать христово учение. Он побывал во многих городах, а однажды вечером приближался на своем ослике к Хаме. Первый житель, которого увидел апостол, был парнишка лет десяти.

— На тебе, чадо, грош, — сказал скаредный апостол, — и купи мне чего-нибудь в вашем городе, чтобы мог поесть я, покормить своего осла и приятно провести ночь.

Через некоторое время парнишка вернулся. Он принес арбуз и полгроша сдачи. Апостол разгневался и стал парня ругать.

— Ты неразумный старик! — возразил тот. — Я исполнил все твои пожелания, да еще принес тебе полгроша сдачи. Арбуз ты съешь сам, корками покормишь осла. Остаются еще семечки. Щелкай их, и тебе всю ночь не будет скучно!

Апостол поразмыслил и двинулся дальше: в этом городе люди чересчур проницательны и практичны, его религия здесь не найдет себе приверженцев. Был ли такой эпизод в действительности — неизвестно, но в Хаме до сих пор нет ни одного христианина.

Поэтому, когда Мустафа, отыскав дома бывшего капитана Мутиха Жаби, завел с ним беседу, она кончилась значительно раньше, чем предполагал гость. Мустафа начал издалека. Он-де слышал от одного сирийского купца, проживающего в Ливане, что в армии существует некое движение... Как истый житель Хамы, Жаби прервал его и спросил напрямик, что, собственно, предлагает Мальки.

Мустафа открыл карты, и они условились, что, как только мя-

Сирийское село в горах Анти-Ливана.

теж начнется, Жаби отправится в город Хомс, примкнет к заговорщикам. Предварительно они еще увидятся через два дня в Дамаске и обсудят детали.

В Халебе Мустафа встретился с майором Жада и передал ему инструкции американца. Жада должен встретиться с Фарханом Жармакани и всеми силами его поддерживать. При встрече нужно произнести пароль: «Абдул Сатер вышел из госпиталя?» и т. д.

9 августа Мустафа Мальки возвратился в Дамаск. В тот же день он доложил Артуру Клоузу о результатах поездки и о своих переговорах с Жада, Мутихом Жаби и некоторыми другими офицерами. Американец сообщил, что в Дамаске уже все подготовлено к выступлению, силы стянуты. Завтра или послезавтра будет окончательно определена дата мятежа.

В воскресенье, 11 августа, Мустафа снова увиделся с Артуром. Тот сказал, что Мальки нужно присоединиться к отряду, которому предписано занять казармы военной полиции. Для беспрепятственного прохода в казармы заговорщикам будет сообщен пароль-пропуск.

— Если выступление не начнется до 14 августа, мы с вами встретимся в этот день,— сказал американец на прощание.

Однако эта встреча не состоялась. Ночью Мальки был арестован.

В 24 часа...

Говард Стоун последний раз проверил расположение фигур на своей шахматной доске. Запутанные нити конспирации сходились в его руках. Бывший лейтенант Ахмед Шумик, который стал главным агентом по связи, без конца мотался между Дамаском и Бейрутом, передавая указания, сведения, инструкции главарям национально-социальной партии в Ливане и заговорщикам в Сирии.

Стоун получил сообщение, что национальные-социалисты переправили контрабандой в Сирию большие партии оружия. Тайные склады его устроены в Латакии и в Ракка на Евфрате. Стоун не любил возиться с оружием. Он предпочитал иметь дело с людьми уже вооруженными, с армией. Но и это оружие зачислил в свой актив.

За пределами страны сформировано несколько подразделений из бежавших предателей. Они должны перейти границу и влиться в ряды заговорщиков. Для этой цели Стоун через своего агента Али Аль-Кхуш дал распоряжение капитану Фахри в день путча занять дорогу Дамаск — Бейрут и обеспечить беспрепятственный проход этих подразделений, а также проезд «важных личностей» в столицу.

Перед Стоуном вставали самые разнообразные проблемы. Один капитан сообщил, что ему не хватает двадцати водителей танков. Где их взять? Десять сомнительных танкистов нашли среди банд, сформированных за рубежом. Капитан вместе с сообщением об этом получил 10 тысяч фунтов, чтоб «законтрактовать» недостающих танкистов, при этом отбирать лишь надежных и отвергать сомнительных.

Не забыл Стоун и о газетах. Он понимал, что после путча начнутся мощные народные демонстрации, большую роль в организации сил народа сыграет прогрессивная печать. Махмуд Неемэ получил распоряжение встретиться с некой личностью, которая будет ожидать его у гостиницы Омейядов в Дамаске и вручить ему деньги. В петлице незнакомца будет красная роза. Этому человеку поручено вывести из строя типографии и сорвать выход двух популярных газет: «Ар-Рай аль-Амм» и «Ан-Нур».

Начало мятежа Говард Стоун решил приурочить к возвращению сирийской правительственной делегации из Москвы и Праги. Этим он хотел убить двух зайцев. Во-первых, показать мировому общественному мнению, что армия не одобряет заключенных там договоров. Во-вторых, ни за что не допустить претворения этих соглашений в жизнь.

В это время сирийская экономика действительно переживала ряд трудностей. Традиционные предметы сирийского экспорта — хлопок, пряжа и пшеница — усилиями американцев бойкотировались на внешних рынках. Продукция многочисленных текстильных фабрик Халеба шла в Ирак. Но теперь багдадские коммерсанты под давлением американцев расторгли выгодные контракты. Сирийский хлопок и пшеница издавна экспортировались в страны европейского средиземноморья. В этом году на рынки Греции, Италии и Франции американские монополии бросили по демпинговым ценам зерно и хлопок. Кроме того, они использовали все свое политическое влияние в этих странах, чтоб не допустить сделок с сирийскими фирмами. Англия, Франция и США бойкотировали традиционную дамасскую ярмарку, уже давно ставшую крупным событием в коммерческой жизни Ближнего Востока. «Ирак петролеум компани», которая сооружала новый большой нефтепровод через Сирию, прекратила строительство. Тысячи рабочих оказались на улице.

Успешные переговоры правительственной делегации во главе с Халедом Аземом сначала в Москве, а затем в Праге открыли блестящие перспективы для развития сирийской экономики. Сирия получала обширные и устойчивые рынки для сбыта своей продукции. Кроме того, СССР предоставил Сирии долгосрочный заем на выгодных условиях, а также различную техническую и научную помощь. Эти соглашения обратили в призрак столь тщательно разработанную империалистами экономическую блокаду страны.

Поэтому Стоун торопился. Он создал обширную законспирированную сеть, состоящую из очень пестрых, разношерстных элементов. Мысленно проводя смотр своим силам, Стоун не видел какой-то четкой, монолитной организации. Там и сям на карте возникали разобщенные черные полоски заговорщиков. Все эти полоски, не сливаясь между собой, тянулись к нему. Заговор был полосатым не только по своей структуре, но и по составу его участников. Их не объединяла какая-либо общая идея или политическая программа. Отщепенцы, обиженные, ошметки прошлого разгромленного заговора — вот материал, из которого Стоун тайно возвел свое строение.

Ему пришлось даже учредить двух «шефов» заговора — полковника Хусейни и Адиба Шишекли. Одиозная фигура бывшего диктатора вызывала презрение даже у некоторых заговорщиков.

Но Говарда Стоуна меньше всего интересовали политические разногласия участников его заговора. Он не заботился особенно о стабильности правительства, которое придет к власти в результате путча. Американец отлично понимал, что даже при полном единстве заговорщиков народ не позволит им долго оставаться у власти. У Стоуна была другая цель: ему было достаточно, чтоб это «правительство» продержалось хотя бы столько дней, сколько нужно, чтобы объявить о «коммунистической угрозе», и тут немедленно вступит в действие «доктрина Даллеса — Эйзенхауэра».

Шестой флот, как пожарная команда, дежурит наготове у сирийских берегов. «Пожарные» ждут лишь вызова. После переворота «правительство» даст им сигнал. Тогда «на законном основании» в Сирии немедленно высадятся подразделения американской морской пехоты. А когда эти парни в белых шапочках будут разгуливать по улицам Дамаска, Халеба, Латакии, разногласия среди заговорщиков уже не будут иметь большого значения.

Стоун дал сигнал к началу мятежа. Но выполнять этот приказ оказалось некому: основные кадры заговорщиков были арестованы в течение одной ночи.

12 августа в 9 часов утра началось чрезвычайное заседание сирийского правительства. Оно заслушало доклад Второго бюро Генерального штаба об американском заговоре в армии.

В этот же день генеральный секретарь Министерства иностранных дел Сирии Салах эд-Дин Тарази в 13 часов 45 минут заявил поверенному в делах посольства США в Дамаске, что сирийское правительство требует, чтоб три сотрудника посольства: Говард Стоун, Франциск Джетон и военный атташе полковник Моллой — в 24 часа покинули страну, ибо они занимаются деятельностью, не совместимой с нормами международного права.

«Полосатый заговор» с треском лопнул.

Люди и годы

Степан Некрасов в 1912 году.

Виктор ВАСИЛЬЕВ

— Вы хотите написать статью в «Огонек»? Но ведь обо мне там уже писали.

— Неужели? А когда?

— Лет тому, как бы сказать, около пятидесяти, еще до империалистической. Да вот, поглядите сами.— И он достает из стола аккуратно сложенную, но уже давно пожелтевшую, с взлохмаченными краями страницу девятого номера «Огонька» за 1910 год...

С любопытством разворачиваю листок. В небольшой заметке рассказывается о «Северных играх», состоявшихся сорок восемь лет назад в Выборге с участием спортсменов многих стран Европы. Как рассказывал «Огонек», помимо сенсации, вызванной Николаем Васильевичем Струнниковым, который с блеском занял первое место, неожиданным был успех юного петербуржца Степана Некрасова. На дистанции десять тысяч метров никому почти не известный юноша обогнал знаменитых норвежцев чемпиона мира О. Матиссона и Седергаука и занял четвертое место.

...Более полувека увлекается конькобежным спортом ныне пенсионер, а совсем еще недавно — слесарь Ленинградского завода металлического спортивного инвентаря Степан Александрович Некрасов. Пятьдесят семь лет прошло с того дня, когда десятилетним мальчиком Некрасов впервые ступил коньками на... нет, не на лед, а на снег. Чтобы попасть на каток «Звезда» на Семеновском плацу, возле Витебского вокзала, надо было обладать тридцатью двумя копейками, а для сына слесаря эта сумма была целым состоянием. Правда, вскоре выход, а вернее, «вход», был найден, и мальчик, подлезая под забор, стал кататься на льду.

Еще не выучившись как следует бегать, он любил состязаться с кем-нибудь в скорости. Душа мальчугана уже изведала острую сладость спортивного азарта. Жили Некрасовы возле ипподрома, где зимой часто устраивались заезды на приз для «городских одиночек» — саней с наездником и седоком. В роли такого седока и выступал, на зависть сверстникам, девятилетний мальчик. Он должен был не просто восседать, а и притормаживать на поворотах специальным рычагом, чтобы сани не заносило в сторону.

В 1904 году произошло событие, которое оставило в сознании мальчика глубокий след: он увидел на катке первого русского чемпиона Паншина. Прославленный скороход катался со всеми своими медалями, завоеванными в различных состязаниях. Восхищенным взором провожал подросток Паншина. В этот день Степе Некрасову захотелось стать первоклассным конькобежцем.

С пяти до семи часов музыканты на «Звезде» уходили греться в буфет, каток пустел, и сторожа начинали разметать лед. Именно это время Некрасов выбрал для тренировок. Два часа без передышки проходил он круг за кругом, развивая скорость и тренируя выносливость. Вскоре он стал выступать в состязаниях новичков и даже, случалось, брал призы. Но впервые о нем всерьез заговорили после одной истории.

Было это в конце декабря 1909 года. В воскресный день на Фонтанке у Симеоновского моста, на катке, три конькобежца решили соревноваться в выносливости. Едва они взяли старт, сзади прицепился какой-то паренек. Коньки у него были «полубеговые» — не трубчатые, а тяжелые, вырезанные из стали, с загнутыми носками. Спортсмены в быстром темпе пробежали кругов пятнадцать, и один из тройки отстал. Спустя несколько кругов отказался от борьбы и другой, за ним — третий, а неизвестный молодой конькобежец с той же резвостью пробежал еще пять кругов.

Как ни в чем не бывало, не придавая никакого значения своему успеху, заскользил он к раздевалке и был крайне удивлен и смущен, когда его здесь окружила толпа.

— Ты кто такой? — с напускной строгостью допрашивал растерявшегося победителя какой-то дядя с купеческой бородкой.— Новичок? А по какому такому праву ты чемпионов столицы конфузишь, а?

Когда узнал ошеломленный Некрасов, что «оконфузил» весьма известных конькобежцев, в том числе и чемпиона Петербурга Георгия Блюваса, он едва не сел с перепугу на лед.

Спустя месяц разыгрывался традиционный приз имени Паншина. Среди участников был и чемпион России москвич Струнников, находившийся в Петербурге по пути в Выборг, на «Северные игры». В виде исключения был допущен и юный Некрасов, все еще выступавший в разряде новичков.

Приз выиграл, конечно, Струнников, но вторым оказался Некрасов. И тут же решено было послать его вместе со Струнниковым в Выборг, где, как мы уже знаем, он успешно выступил на длинных дистанциях. С тех пор Некрасов не раз побеждал на многих состязаниях в Петербурге.

...Давно, очень давно это было, но Степан Александрович помнит все события до мельчайших деталей. У него не только ясная память, но и верный глаз, твердая рука, не знающее устали сердце. И обязан Некрасов всем этим любимому спорту.

Издавна Степан Александрович тренирует молодых конькобежцев, и нередко ученики его выступали на коньках, сделанных его умелыми руками. Слесарь седьмого разряда с пятидесятилетним стажем, он всегда изготавливал коньки только марки «ОЗ» — особого заказа. На коньках Некрасова Борис Шилков, например, завоевал звание чемпиона мира и Европы, а Дмитрий Сакуненко установил мировые рекорды. И ветеран спорта горд, что его коньки служили быстрейшим в мире.

Он и сам до сих пор причастен к событиям на ледяной дорожке, правда, уже, разумеется, не в качестве скорохода, а в ином амплуа. В богатейшей коллекции всевозможных спортивных наград и медалей Некрасова есть один экспонат, полученный старым спортсменом около двух лет назад,— почетный значок за двадцатипятилетнее судейство. Судью всесоюзной категории

Некрасова считают одним из первых «пистолетов» страны: Степан Александрович был стартером на мировых чемпионатах в Москве, судил на многих других крупнейших состязаниях.

...Я уже прощался с Некрасовым, когда он вдруг спросил:

— А знаете, я вот думаю, чего это вы обо мне, старике, вспомнили? Я ведь вот как эта пожелтевшая страничка из старого «Огонька», что давно прочитана и забыта.

— Как видите, не забыта.

— Так-то оно так. Но ведь сколько сейчас замечательной молодежи, которая прямо чудеса творит! Да что далеко ходить, вот днями прочитал я о девчушке из Яхромы — Нине Никифоровой, которая в тринадцать лет стала мастером спорта по акробатике. Вот к кому вам съездить бы!

— А что ж, может быть, и съезжу,— сказал я, не совсем уверенный в том, что говорю правду, но Степан Александрович поймал меня на слове:

— Ну, а коли так, коли ее повидаете, то уж очень прошу: передайте девочке наисердечнейший привет! Мол, дедушка Некрасов из Ленинграда, старый спортсмен, желает ей еще боль-

С. А. Некрасов тренирует молодых скороходов.

ших радостей и удачи в спорте и, конечно, в ученье. А ведь ей, поди, не приходится, как мне в детские годы, пробираться на стадион под забором, а?

...Нет, ей не приходилось проникать на стадион столь неудобным способом. В первый же раз, когда десятилетняя девочка пришла на стадион Яхромской прядильно-ткацкой фабрики, на нее тут же обратили внимание. Впрочем, она и сама этого добивалась. Расположившись неподалеку от места, где занималась группа юных акробатов, она проделала «мостик» и несколько других незатейливых упражнений, разученных дома. Все это нужно было, чтобы привлечь внимание тренера Виталия Николаевича Комкова и попасть в его группу. Но когда Комков подошел к девочке, она неожиданно вся зарделась от смущения. В голубых глазах девочки вдруг отразился испуг, слегка вытянутые вперед губы вот-вот, казалось, задрожат в плаче. Комков не подал виду, что разгадал состояние девочки, и заговорил с ней таким тоном, будто знал ее уже не первый год. И Нина тут же успокоилась.

Словом, она стала посещать занятия секции. Это произошло, несмотря на то, что все ученицы Комкова имели уже первый либо второй разряд и включение в такую группу новичка выглядело странным. Но Виталий Николаевич поступил так неспроста. Сын заслуженного мастера спорта, педагог с высшим физкультурным образованием, Комков разгадал в девочке незаурядное спортивное дарование. Гибкость, природная пластика движений, желание заниматься акробатикой — чего еще можно было желать тренеру от своей маленькой ученицы?

Комкову доставляло особенное удовлетворение работать с Ниной. Жадно, как губка, впитывала она в себя все его наставления и с необыкновенным увлечением, на которое способны только дети, проделывала сначала простые, а потом все более сложные акробатические упражнения. И Виталий Николаевич не удивился, когда менее чем за год девочка уже догнала в акробатике своих старших и более опытных подруг. А спустя еще год, когда Нина перевыполнила норму первого разряда, тренер с радостным волнением почувствовал, что талантливой акробатке уже под силу стать мастером.

Поговорив с матерью Нины, ткачихой Яхромской прядильно-ткацкой фабрики, и заручившись согласием школы и врача, Комков подал заявку на участие Нины Никифоровой во всесоюзных соревнованиях по акробатике. Сначала тринадцатилетнюю девочку было не допустили к состязаниям взрослых, но потом, в виде особого исключения, Нина была включена в состав участниц. Это было разумное решение: школьница из Яхромы не только стала после этих соревнований самым юным мастером спорта в СССР, но и неожиданно заняла общее второе место, опередив многих опытных акробаток.

О Нине Никифоровой еще рано писать очерки: и тонкие косички с трепыхающимся белым бантиком, и смешливые губы, и по-детски ясные-преясные голубые глаза — все напоминает о том, что перед вами девочка, почти ребенок. Придет время, и, мы надеемся, спортивные летописцы воздадут ей должное.

Ленинград — Яхрома.

Нина Никифорова рассказывает подругам о состязании.

Фото Дм. Бальтерманца.

ПЕРВЫЕ МЕДАЛИ ГОДА

Инга Артамонова на дистанции.

Фото Б. Уткина.

Чемпионат сильнейших скороходок страны, который происходил в Ленинграде, можно считать состязанием международного класса. В нем принимали участие абсолютные чемпионки мира разных годов Л. Селихова, С. Кондакова, Р. Жукова, И. Артамонова и рекордсменка мира Т. Рылова.

Вместе с ними на ледовую дорожку выходили молодые спортсменки, которые за короткий срок успели проявить свои способности в полной мере. Они воспитаны на катках различных северных городов. Невольно обращаешь внимание на «конькобежную географию» нашей страны. Если раньше на подобных состязаниях боролись москвички, ленинградки и горьковчанки, то теперь на всесоюзную ледовую дорожку вышли представительницы Уфы, Калинина, Тулы, Иркутска, Челябинска, Свердловска.

Широта географии предопределила и рождение новых талантов, которые вступили в соревнование со знатными и заслуженными спортсменками. И только Софье Кондаковой, которая сейчас находится в хорошей форме, удалось противостоять натиску молодых.

В фокусе внимания зрителей было единоборство Инги Артамоновой и Тамары Рыловой. Их борьба задавала тон всему чемпионату.

В первый день соревнований, в беге на пятисотметровой дистанции, Рылова, показав отличную технику бега, финишировала с хорошим результатом — 48,1 секунды. Артамонова отстала от нее более чем на 2 секунды. Такая крупная потеря на короткой дистанции обязывала Артамонову «отыгрывать» в дальнейшем не две, а больше секунд, ибо потеря времени прогрессивно увеличивалась в соответствии с увеличением дистанции. Таков закон подсчета очков.

Первая неудача чемпионки мира стала темой горячих споров на трибунах, в аллеях парка «Динамо» и даже в раздевалках. Некоторые сгоряча считали, что Рылова уже обеспечила себе победу.

В раздевалке все лежат на шезлонгах, раскладушках, диванах. Некоторым делают массаж. Молодой врач разносит глюкозу. Ее нужно пить за полчаса до выхода на лед, тогда она дает дополнительные силы.

Здесь много знакомых лиц. Еще недавно они стартовали в таких же состязаниях и устанавливали рекорды, а теперь, став тренерами, беспокоятся за своих подопечных, которым вот-вот нужно выйти на лед.

Зоя Холщевникова тихо (чтобы другие не услышали), но назидательно говорит Артамоновой о беге на виражах, Ольга Акифьева недовольна бегом подшефной Г. Савинцевой (хотя молодая спортсменка в общем оправдала надежды), Евгений Сопов беседует с Софьей Кондаковой и Риммой Жуковой, а Иван Аниканов решил помочь своей ученице более конкретным способом: он точит коньки Тамары Рыловой специальными камнями «Арканзас» и мелкозернистым камнем «Индия». Под его ловкими движениями летят заусеницы, и лезвие конька становится острее.

Бег на 1 500 метров выиграла Артамонова, однако по сумме двух дистанций продолжала первенствовать Рылова.

Уже к концу дня стало очевидным, что на первое место могут претендовать только эти две скороходки.

За остальные места упорно боролись В. Стенина из Свердловска, Р. Меньшова из Калинина, Р. Белова из Тулы, Г. Савинцева из Ленинграда и москвичка С. Кондакова.

Второй день соревнований проходил при сильном, порывистом ветре, который то утихал, то вновь возникал и тем иногда путал карты. Одним «везло» — они проходили дистанцию лишь под легкий шум ветра, а другим приходилось вести неравную борьбу с порывом ветра, и тогда казалось, что девушки не бегут, а идут по льду, преодолевая невидимое препятствие. И все же случайностей не было.

Обе дистанции второго дня — 1 000 и 3 000 метров — выиграла Инга Артамонова, завоевав звание абсолютной чемпионки Советского Союза. Она получила красный свитер и первые золотые медали этого года. Второе место заняла Т. Рылова, а далее Р. Белова, Г. Савинцева, С. Кондакова и В. Стенина. Это наша сильнейшая шестерка.

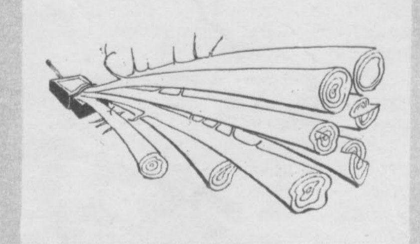
В феврале в Швеции советские скороходки будут оспаривать звание чемпионки мира. Видимо, и там борьба разыграется между Артамоновой и Рыловой. А впрочем...

М. МАРТЫНОВ

Ленинград.

Про зажигалку

С. СИНЕЛЬНИКОВ Рисунки Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

— Это же продукция военного времени! — удивились промкооператоры.— Зачем она теперь, раз спичек хватает.

Министерские работники, ведающие торговлей хозяйственными товарами, словно сговорились с промкооператорами:

— Зажигалки? Это ведь продукция военного времени. Ее вроде бы незачем выпускать, так как спичек в стране предостаточно.

Обращаясь в Центросоюз, где сосредоточена почти вся торговля на селе, я уже не ожидал ничего нового. И верно, к тому, что привелось накануне слышать, там лишь добавили эпизод, смахивающий на анекдот. В течение нескольких лет на складах хранились большие запасы камней для зажигалок. Чтобы избавиться от неходового товара, хотели было вновь наладить изготовление зажигалок, но так и не набрались смелости.

— Злополучные камни и поныне лежали бы мертвым грузом, но им в конце концов, слава богу, нашли применение. Вы, может быть, видели игрушечные мотоциклы? Когда их заводят, они сами ездят и из-под колес сыплются

искры. Вот на эту и другие заводные игрушки с искрой удалось израсходовать никому не нужные камни...

После трехкратной неудачи оставалось отвести душу в беседе со специалистом по сувенирам. Уж кто-кто, а он, думалось, подтвердит: пора иметь в продаже зажигалки, хорошие и разные, от простейших, дешевых, до подарочных, с резьбой, самоцветами или иными украшениями. В дирекции московского ГУМа порекомендовали такого специалиста. Но...

— Зажигалки не пойдут,— решительно отрезал он.—Никто ими пользоваться не станет: спички лучше.

— Вы не заметили, что многие наши курильщики, побывав за границей, привозят оттуда зажигалки?

— У нас тут недавно иностранные туристы закупили кучу балалаек,— не растерялся специалист.—Это не значит, что дома у себя они станут балалаечниками.

— Для многих зажигалки все же удобнее спичек.

— Тем, что карманы пропахнут бензином?

— Не принимайте в продажу плохие зажигалки. Да их и не обязательно заправлять бензином. Нынешняя техника способна дать, скажем, горючую пасту или баллончики с газом.

Собеседник стоял на своем: зажигалки, мол, нужны лишь в тех странах, которые бедны лесом...

Как же быть? На счастье, повстречался знакомый хозяйственник.

— Святая наивность! — расхохотался он, узнав о моих неудачах. — Вы, чего доброго, ожидали, что вас отблагодарят за напоминание! Не тут-то было, в лоб их не возьмешь. Ищите маневр.

— Какой?

— Они вас спичками, а вы их бейте тем же!

Хозяйственник пояснил, что имеет в виду.

Пришлось поехать на спичечную фабрику.

...Своеобразный юбилей можно отметить в нынешнем году — стодвадцатипятилетие спичек. Канули в прошлое века, когда высечь искру, добыть огонек стоило немалых усилий. Правда, поначалу и «зажигательные спички» были не слишком просты в обращении. В коробке лежали длинные лучины с белыми глазированными головками. В придачу к коробку покупателей снабжали стеклянной банкой с очень едкой жидкостью — серной кислотой. Чтобы лучина загорелась, ее опускали в жидкость и быстро вынимали оттуда, соблюдая притом крайнюю осторожность во избежание ожогов. Глазированная головка бурела, вспучивалась, и вслед за удушливым дымком появлялось пламя. Лишь впоследствии удалось избавиться от опасных хлопот с серной кислотой: на боковинках коробков стали делать фосфорные тёрки-намазки вроде теперешних. А размеры лучин,— иначе говоря, спиц, от которых и пошло название спичек, — постепенно уменьшались.

...Калужская фабрика «Гигант» представляет собой огромный механизированный конвейер. Здесь все делают машины.

Однако и современная техника не избавила спичечное производство от его, если можно так выразиться, врожденного порока: оно пожирает много древесины. Когда походишь по великолепным цехам «Гиганта», становится не по себе: сколько труда и ума вкладывают тут люди в дело, а мы, чиркнув спичкой, опустошаем леса!

Нельзя сказать, что на «Гиганте» не озабочены этим. В дирекции сообщили о серьезном успехе коллектива: в начале 1957 года уменьшили размеры спичечной соломки и коробки, что принесет ежегодную экономию в десять тысяч кубометров леса.

— А на других фабриках?

Ответить калужане не смогли, но посоветовали встретиться с бывшим главным инженером «Гиганта» В. А. Поспеловым, работающим ныне в Министерстве бумажной и деревообрабатывающей промышленности РСФСР.

Поспелов поведал:

— Подобно «Гиганту», и другие фабрики уменьшили размеры соломки, благодаря чему ежегодное потребление леса снизится в спичечной промышленности страны почти на сто тысяч кубометров.

— Больше экономить древесину не на чем?

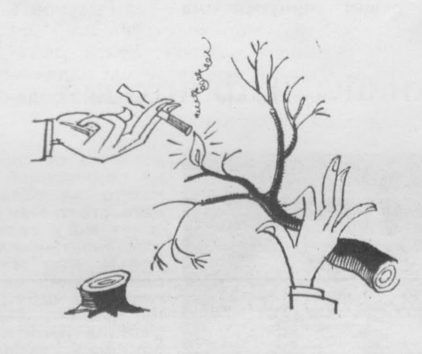
— Нет.

Тут я и счел возможным вставить свой каверзный вопрос:

— А на зажигалках?

— Да, действительно! Странно, что о зажигалках забыли. Они принесли бы пользу.

Он тут же принялся за подсчеты. И вот что они показали. Курильщики потребляют примерно треть всей продукции спичечной промышленности. На спички для них ежегодно затрачивается свыше двухсот тысяч кубометров леса. Если будут выпускать хорошие зажигалки, то ими обзаведется, можно ожидать, половина всех курильщиков. Это позволит сэкономить сто тысяч кубометров леса в год. Кроме того, будет сбережено много ценных химикалиев и бумаги, высвободятся тысячи железнодорожных вагонов, занятых дальними перевозками леса и другого сырья для спичечных фабрик.

Очень интересные подсчеты!

...С полсотни лет назад в газетах России вдруг запестрели рекламные объявления спичечных фабрик, расхваливавших на все лады свой товар. Неспроста это было. Фабриканты учуяли, что появился грозный конкурент—«зажигательная машинка». Кое-кто предсказывал, что любопытная новинка вскоре вытеснит спички из обихода.

В империалистическую войну и в первые послереволюционные годы зажигалки действительно распространились по всей стране. Но были они плохие: их чаще всего делали кустарным способом из гильз от стреляных винтовочных патронов. К тому же бензина и камней для зажигалок не хватало. И как только спичечная промышленность начала восстанавливаться, многие, естественно, старались избавиться от своих самоделок. Почти то же повторилось во время Отечественной войны.

Но это отнюдь не значит, что курильщики относятся с неприязнью к зажигалкам.

Беседовал я со многими людьми: моряками и геологами, рыболовами и охотниками, туристами и шоферами, а также с курильщиками «без особых примет». Все в один голос твердили:

— Да, зажигалка нужна.

Опытный завмаг притом отметил:

— Если снизится спрос на спички, станет посвободнее в складских помещениях, забитых всюду до отказа.

Другой завмаг добавил:

— Чем меньше спичек, тем лучше в пожарном отношении.

Наконец, продавщицы из секции подарков в ГУМе, не зная мнения своего начальника, сказали:

— Зажигалки, как сувениры, хорошо пойдут. Пойдут и отдельно и в комплекте с портсигаром. Ведь подарочный ассортимент для мужчин у нас очень беден!

Может быть, не следовало бы так подробно писать о том, что яснее ясного. Но у торговых работников, призванных изучать запросы потребителей, зажигалка, похоже, выпала из памяти. Недавно издан второй том объемистого «Товарного словаря». Там легко найти статью под названием «Задвижка печная». За нею следует статья «Зажим для галстуков». О зажигалке забыли.

Что ж, пусть в словаре этот товар отсутствует, но на полках магазинов он должен появиться! Позаботиться о том стоит и совнархозам и республиканским советам промкооперации. Ведь зажигалка нужна, ее ждут, она, кроме всего прочего, лес бережет!

«Комендант» Малого Хулама

Жил он в глухом ущелье Малый Хулам, в устланном сухой травой логове, под огромной серой каменной глыбой. Это был крупный дикий кабан, секач, каких немало бродит в лесах Кабардино-Балкарии. Могучая грудь говорила об огромной силе, почти метровое рыло вооружали острые клыки, а вздыбленная жесткая щетина уже отливала сединой. Малый Хулам представляет собой «котел»: с трех сторон его окружают высокие замшелые скалы, и только один ход ведет в него — по бурному потоку. С отвесных скал падают вниз ручьи, высоко на выступах белеют березки, в расщелинах цепляется за камень шиповник. Звери заходили сюда неохотно. Секача с рубцами многочисленных ран и свинцовыми пулями в теле охотники прозвали Комендантом.

Однажды, когда с неба сыпалась снежная крупа, Комендант вышел из логова и, гонимый голодом, стал пробираться, громко сопя, по склону через березняк к выходу из своей «крепости». Он порылся на альпийских пастбищах в старых покопах, выкупался в балке и полез к могучим деревьям на вершине скалы. Секач копнул раз, другой под деревом и вдруг замер. Жесткая щетина на холке дернулась: он учуял медведя.

Медведь прибрел сюда с одного из хребтов, где перебивался на скудных кормах; он был злой и жадный. Двое суток он уже кормился на скале орехами, решив никого из зверей к ним не пускать. Комендант повернул было назад, но в этот миг сбоку набросился медведь, оглушил по голове, порвал ухо и чуть не сбил кабана с ног. Комендант, не ожидавший нападения, отскочил в сторону, сделал разворот и застыл на месте. Обозленный промахом, медведь с ревом кинулся на врага. Ударом клыков кабан распорол ему брюхо и бросился бежать. Сзади испуганно кружился, хватая лапами внутренности, медведь...

Комендант достиг старых вырубов. У него сильно кровоточило порванное ухо. По кровавому следу его нашла и догнала волчья стая в тот момент, когда он считал себя в безопасности и направлялся домой.

Первым выскочил на дно балки вожак, крупный лобастый волк, который укусил кабана в ногу. Комендант взвизгнул, развернулся, бросился на обидчика. Волк увернулся от острых клыков. Подоспели остальные восемнадцать разбойников.

Комендант отскочил к каменной глыбе, щетина на нем поднялась дыбом, глаза налились кровью. Он приготовился защищаться. Волки были решительны, как никогда: за последнее время им удалось добить в лесах несколько кабанов-подранков. Они несколько раз старались отбить Коменданта от каменной глыбы, но безуспешно: кабан стоял, как скала. Хищников все сильней манил запах крови, струйкой стекавшей на землю, они все злей и ожесточенней бросались на жертву, бросались дружно...

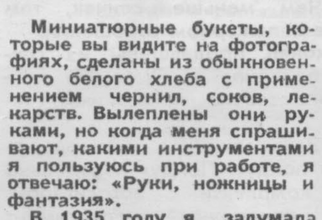
Группа охотников вблизи Малого Хулама случайно набрела на место схватки кабана с волчьей стаей. Охотники обнаружили трех убитых волков. На другой день нашли они и медведя. Комендант в это время лежал в своем логовище и ждал наступления ночи.

П. АЛЕКСЕЕВ,
охотник

Нальчик.

Рисунок Е. Ведерникова.

Руки, ножницы и фантазия

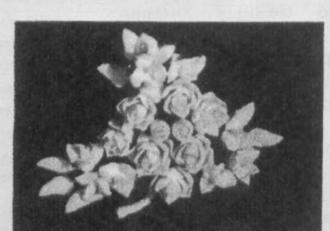

Миниатюрные букеты, которые вы видите на фотографиях, сделаны из обыкновенного белого хлеба с применением чернил, соков, лекарств. Вылеплены они руками, но когда меня спрашивают, какими инструментами я пользуюсь при работе, я отвечаю: «Руки, ножницы и фантазия».

В 1935 году я задумала устроить своему маленькому племяннику нарядную и красивую елку. Однако хороших игрушек в магазинах не нашла. Решила смастерить игрушки сама, хотя и не знала, как за это приняться. Купила пачку ваты и долго мяла и комкала ее в руках, пока не получилось что-то похожее на игрушку. И все-таки елка удалась: в течение двух недель я сделала много игрушек. Я и не думала, что этот случай заставит меня переменить профессию. По настоянию друзей елочные украшения были представлены в Комитет по игрушке при Наркомпросе, и некоторые из них были рекомендованы в производство.

Я начала работать над освоением различных материалов. Из бумаги, шишек, коры мастерила игрушки, цветы, муляжи... Особенно увлекли меня миниатюрные цветы, но для их изготовления все же не было подходящего материала.

Однажды дома затерялась ложечка от солонки. Не найдя подходящей в магазине, я как-то за обедом подумала: чего стоят мои занятия, если я не могу сделать ложечку! И стала перебирать все знакомые мне материалы. Ни один из них не подходил. Досадуя на себя, я взяла в руки ломтик хлеба. И тут решила лепить из него. Получилось хорошо. А скоро легко и быстро возникли хлебные розы, окрашенные свекольным соком, губной помадой, чернилами и так далее.

Сейчас в моей серии около шестидесяти работ. Одни из них сделаны под кость, другие — под китайские лаки, третьи — под фарфор. Здесь подарочные букеты, броши, клипсы, булавки для шляп, одним словом, «ювелирные изделия», как их назвали в каталоге Выставки работ самодеятельных художников 1955 года. На Выставке творчества женщин к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов многие посетители выразили пожелание о внедрении некоторых работ в производство.

Может быть, кто-нибудь из читателей «Огонька» подскажет мне подходящие материалы и тем самым поможет сделать хороший подарок нашим женщинам.

Художник
Л. ШКОЛЬНИКОВА

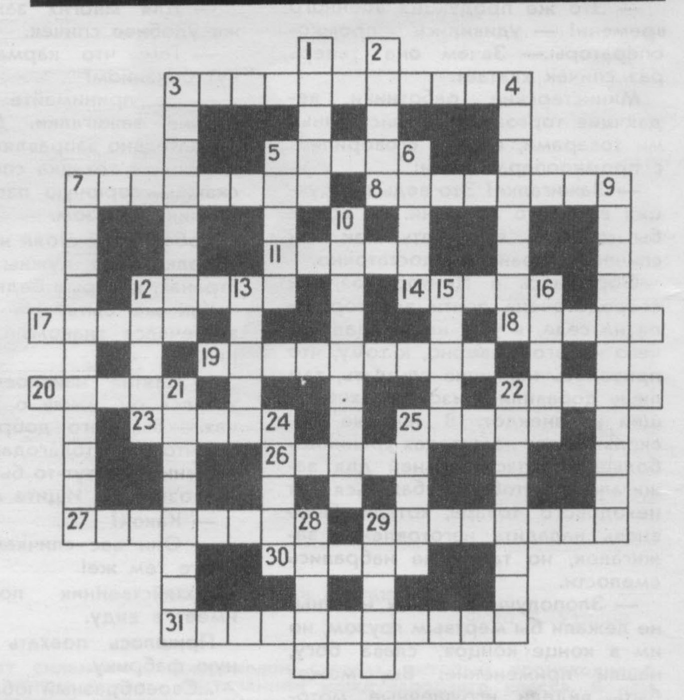
Москва.

ЯКУТСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

И под бурелом проникает солнечный луч.
Слово человека — стрела.
Задние ноги не догонят передние.
У обманщика всегда есть свидетели.
Человек пестр внутри, корова пестра снаружи.

Перевел Николай Габышев.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Раздел астрофизики. 5. Денежная единица некоторых стран. 7. Русский скульптор. 8. Резкое различие, противоположность. 11. Сельская территориальная единица в Польше. 12. Персонаж оперы Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь». 14. Ископаемая смола. 17. Период мезозойской эры. 18. Герой романа Л. Н. Толстого. 19. Собрание однородных предметов. 20. Русский композитор и музыкальный критик. 22. Химический элемент. 23. Река в Казахской ССР. 25. Осьминог. 26. Залив Охотского моря. 27. Воинское звание. 29. Советский авиаконструктор. 30. Предварительный образец. 31. Трилогия Шиллера.

По вертикали:

1. Начинание, инициатива. 2. Привал. 3. Созвездие. 4. Травы и кустарники семейства бобовых. 5. Дикая австралийская собака. 6. Льдина, стоящая ребром. 7. Роман В. Гюго. 9. Союзная республика. 10. Соразмерность. 12. Порт Гвинейского залива. 13. План местности. 15. Горный массив в Греции. 16. Посол у древних римлян. 21. Художник-передвижник. 22. Основатель сатирического журнала «Искра». 24. Промысловое название крупных каспийских сельдей. 25. Холодное блюдо. 28. Сорт яблок. 29. Герой произведения Н. С. Лескова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

7. Бинокль. 8. Деление. 11. Голубкина. 12. Вожеватов. 14. Поляна. 15. Пресс. 16. Оселок. 17. Силосопогрузчик. 20. Сказ. 21. Ижма. 24. Конструирование. 28. Горлач. 30. Илька. 31. Сапфир. 32. Бандурист. 33. «Мизантроп». 34. Чичиков. 35. Селенит.

По вертикали:

1. Пирогов. 2. Модуляция. 3. Клюква. 4. Железо. 5. Мегатерий. 6. Никонов. 9. Днепродзержинск. 10. Консервирование. 13. Перо. 18. Откос. 19. Замша. 22. «Последние». 23. Диспетчер. 25. Ильф. 26. Гораций. 27. Чигорин. 29. Чирков. 31. Стайер.

На вкладках этого номера репродукции картин: советских художников Л. Кокле — «Лиго», В. Калнрозе — «В речном заливе», корейских художников Ким Рин Квона — «Воины-освободители», О Тэк Гена — «Забастовка в Вонсане в январе 1929 года» — и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00514. Подписано к печати 22/I 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 300 000. Изд. № 6. Заказ № 58.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ИДЕТ СНЕГ... Фото Дм. Бальтерманца.

Цена номера 3 руб.